

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ

Журнал
социально-политических исследований

Издается с 1998 года

Том 16
Выпуск 2
2013

CA&CC Press®
ШВЕЦИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ И ИЗДАТЕЛИ

ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ И
КАВКАЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Номер регистрации: 620720-0459
Государственная администрация
патентов и регистрации
Швеции

ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАВКАЗА

Номер регистрации: М-770
Министерство юстиции
Азербайджанской
Республики

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

SA&CC Press®. ШВЕЦИЯ
Номер регистрации: 556699-5964

Номер регистрации журнала: 22 339
Государственная администрация патентов и регистрации Швеции

Редакционный совет

Эльдар
ИСМАИЛОВ
Мурад ЭСЕНОВ

Джаннатхан
ЭЙВАЗОВ

Каламкас
ЕСИМОВА

Айнура
ЭЛЕБАЕВА

Саодат
ОЛИМОВА

Фархад
ТОЛИПОВ
Зия КЕНГЕРЛИ

Давид
ПЕТРОСЯН
Кахабер ЕРАДЗЕ

Владимир
МЕСАМЕД
Конрад ШАФФЛЕР

Сунь ЧЖУАНЧЖИ

Ирина ЕГОРОВА

Роберт ГУАН ТЯНЬ

Рустем
ДЖАНГУЖИН

Председатель редакционного совета

Тел/факс: (994 - 12) 497 12 22; E-mail: elis@tdb.baku.az

Главный редактор

Тел/факс: (46) 70 232 16 55; E-mail: m.esenov@gmail.com

Заместитель главного редактора

Тел/факс: (994 - 12) 596 11 73; E-mail: jeyvazov@gmail.com

Представитель журнала в Казахстане (Астана)

Тел/факс: (+7 701) 7408600; E-mail: kesimova@gmail.com

Представитель журнала в Кыргызстане (Бишкек)

Тел: (996 - 312) 61 30 36; E-mail: ainur_eb@mail.ru

Представитель журнала в Таджикистане (Душанбе)

Тел.: (992 372) 21 89 95; E-mail: olimov@tajik.net

Представитель журнала в Узбекистане (Ташкент)

Тел.: (998 - 71) 125 43 22; E-mail: farkhad_tolipov@yahoo.com

Представитель журнала в Азербайджане (Баку)

Тел: (+994 - 50) 3006694; E-mail: ziken12@yahoo.co.uk

Представитель журнала в Армении (Ереван)

Тел.: (374 - 10) 56 88 10; E-mail: dave@arminco.com

Представитель журнала в Грузии (Тбилиси)

Тел.: (+995 - 95) 45 82 88; E-mail: kakha_ae@yahoo.com

Представитель журнала на Ближнем Востоке (Иерусалим)

Тел.: (972) 2 5882332; E-mail: mssamed@olive.mssc.huji.ac.il

Представитель журнала в Германии (Мюнхен)

Тел.: (49 - 89) 3003132; E-mail: GA-infoservice@s.m.isar.de

Представитель журнала в Китае (Пекин)

Тел.: (86) 10-64039088; E-mail: sunzhzh@isc.cass.net.cn

Представитель журнала в Российской Федерации (Москва)

Тел. (7 - 495) 3163146; E-mail: egorova@mosinfo.ru

Представитель журнала в США (Буффало, Нью-Йорк)

Тел.: (716) 880-2104; E-mail: robert.g.tian@medaille.edu

Представитель журнала в Украине (Киев)

Тел.: (380 - 44) 524 79 13; E-mail: zhangozha@yahoo.co.uk

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Гиули
АЛАСАНИЯ
Бюлент АРАЗ
Марьям
АРУНОВА
Гарник
АСАТРЯН
Бакыт
БЕШИМОВ
Пол ГОБЛ
Сергей
ГРЕЦКИЙ
Син ГУАНЧЭН

Александр
ИГНАТЕНКО

Ашурбой
ИМОМОВ
Лена ЙОНСОН
Ариэль КОЭН
Яков М.
ЛАНДАУ

Роджер
МАКДЕРМОТТ
Нейл
МАКФАРЛЕН

Алексей
МАЛАШЕНКО
Аббас
МАЛЕКИ

Акира
МАТСУНАГА

Виталий
НАУМКИН

Еренгаип
ОМАРОВ

Владимир
ПАПАВА

Фредерик
СТАРР

Уильям
ФИЕРМАН

Клара
ХАФИЗОВА

Доктор исторических наук, профессор, проректор Международного университета Черного моря (Грузия)

Доктор, заведующий кафедрой международных отношений Университета Фатих (Турция)

Доктор политологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (Российская Федерация)

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранских исследований Ереванского государственного университета (Армения)

Доктор исторических наук, профессор, вице-президент американского университета в Центральной Азии (Кыргызстан)

Главный консультант радиостанции «Голос Америки» (США)

Доктор, заведующий кафедрой Центральной Азии Института заграничной службы Государственного департамента США (США)

Доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института по исследованию Восточной Европы, России и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (Китай)

Президент Института религии и политики, доктор философских наук, исламовед, главный эксперт Института социальных систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Таджикского национального университета (Таджикистан)

Доктор, старший научный сотрудник Института международных отношений Швеции (Швеция)

Доктор, ведущий аналитик Фонда «Наследие» США (США)

Профессор политологии Еврейского университета (Израиль)

Аффилированный ведущий аналитик Датского института международных исследований, Копенгаген (Дания)

Профессор, директор Центра международных исследований Оксфордского университета (Великобритания)

Доктор исторических наук, член научного совета и Сопредседатель программы «Этническая и нация-строительство» Московского центра Карнеги (Российская Федерация)

Доктор, генеральный директор Международного института по исследованию Каспийского региона (Иран)

Доктор, эксперт по истории Центральной Азии и Кавказа, ведущий специалист Фонда мира «Сасакава» (Япония)

Доктор исторических наук, профессор, Директор Центра стратегических и международных исследований РФ (Российская Федерация)

Профессор, ректор университета Кайнар, президент Академии естественных наук Республики Казахстан (Казахстан)

Доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Грузии, эксперт Фонда стратегических и международных исследований Грузии (Грузия)

Профессор, директор Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)

Доктор политических наук, профессор Индианского университета (США)

Доктор исторических наук, директор Центра стратегических и международных исследований, профессор факультета международных отношений и внешней политики Университета «Кайнар» (Казахстан)

Материалы, публикуемые в журнале,
не обязательно отражают точку зрения Редакции и Редколлегии

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

CA&CC Press AB
Hubertusstigen 9. 97455 Luleå
SWEDEN

ВЕБ АДРЕС: www.ca-c.org

© «Центральная Азия и Кавказ», 2013
© CA&CC Press®, 2013

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ»

Журнал социально-политических исследований

Том 16
Выпуск 2
2013

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

- А. Каукенов.** ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОТРУДНИЧЕСТВА 7
- А. Искандаров.** БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
РОЛЬ ОДКБ И ШОС 18
- И. Бобокулов.** АФГАНСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ:
ПРИОРИТЕТЫ И
КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ 29
- Л. Овсепян.** ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ТУРЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И
МОДЕРНИЗАЦИИ:
СТРАТЕГИЯ И ТЕНДЕНЦИИ 41
- Р. Меликян.** ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ,
ЕВРОСОЮЗ И
АРМЯНСКИЙ КОМПЛЕМЕНТАРИЗМ 50

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

М. Кирчанов.	СОВРЕМЕННЫЙ ГРУЗИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ДИСКУРСЕ СМИ: МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИЕЙ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ	60
А. Акматалиева.	ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ГРУЗИИ И КЫРГЫЗСТАНЕ	69
С.А. Авджу.	ФРАГМЕНТАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ	84
З. Чотаев.	ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСТАНА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 2010 ГОДА: ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ	101
З. Курманов, И. Курманов.	ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ, ДОСТИЖЕНИЯ	114

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

А. Имомов.	ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ТАДЖИКИСТАНА	124
А. Смагулов.	ВООРУЖЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В АФГАНИСТАНЕ И ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	139

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Т. Габитов, Б. Молдагалиев, Д. Жанабаева.	КАЗАХСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ АЗИИ	154
--	--	-----

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

**Основными темами
трех ближайших номеров журнала будут:**

- **Ферганская долина: конфликтный потенциал и перспективы развития ситуации**
- **Афганистан-2014: перспективы развития ситуации в стране и в регионе**
- **Современный политический процесс в странах Центральной Евразии**

**При подготовке статей
авторам следует обратить внимание
на следующие пункты:**

- в начале статьи должна быть выделена короткая аннотация (300—500 слов) и ключевые слова статьи;
- объем статьи должен быть не менее 3 тыс. и не более 6000 слов, включая сноски;
- сноски должны быть помещены внизу каждой страницы; если есть ссылки на интернет-ресурсы, то надо указать имя автора, название материала, веб адрес и когда был осуществлен доступ, например, доступна — 2007-04-19;
- цитаты, имена авторов и другие сведения из англоязычных источников должны быть дублированы в скобках на языке оригинала, то есть на английском;
- статья должна быть разделена на отдельные рубрики, включая Введение и Заключение;
- к статье надо приложить краткие сведения об авторе: ФИО, ученая степень, место работы, должность, город, страна.

Все принятые статьи публикуются на русском и английском языках, соответственно в русскоязычной и англоязычной версиях журнала. Перевод статьи редакция осуществляет самостоятельно.

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОТРУДНИЧЕСТВА

Адиль КАУКЕНОВ

старший аналитик Агентства
по исследованию рентабельности инвестиций (АИРИ)
(Астана, Республика Казахстан)

АННОТАЦИЯ

За последние годы Китай заметно укрепил позиции в Центральной Азии, и в немалой степени благодаря многостороннему формату сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Для Китая это, по сути, интеграционный проект в регионе, так его видят в Пекине. Причем развитие Центральной Азии тесно увязывается с развитием Синьцзяна, в который китайское руководство вкладывает серьезные инвестиции, чтобы преодолеть сепаратистские настроения в беспокойном районе. Но вместе с тем в ШОС имеются серьезные системные противоречия, преодолеть которые попытается новое руководство КНР во главе с Си Цзиньпином.

Первоначальное отношение Запада к этой организации отличалось определенной пассивностью. Североатлантический военный блок рассматривал Шанхайскую тогда еще пятерку как структуру, деятельность которой не только не несет никакой угрозы интересам Запада, но и, напротив, совпадает с этими интересами, поскольку снижает роль Москвы в регионе в связи с появлением нового игрока — Китая. Однако с постепенным расширением параметров сотрудничества Китая со странами региона, и в первую очередь с Республикой Казахстан в нефтяном секторе, Вашингтон изменил мнение. Перспективы ШОС для стран Центральной Азии определяются способностью Организации поддерживать баланс сил в регионе.

Кроме того, страны региона заинтересованы в дополнительных китайских инвестициях и кредитах через каналы Организации. Для более точного определе-

ния перспектив ШОС для стран региона необходимо анализировать основные направления ее развития, исходя из интересов этих стран.

**КЛЮЧЕВЫЕ
СЛОВА:**

ШОС, Китай, Россия, Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, США, НАТО, геополитика, «Мирная миссия», зона свободной торговли.

Введение

За двенадцать лет своего существования Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) заняла прочное место в политической жизни стран Центральной Азии. Но споры о том, что же представляет собой данная организация: политический клуб для обсуждений или будущее интеграционное объединение, — не утихают по сей день.

Этот дуализм оценок настоящего и будущего ШОС обусловлен многими факторами. Скепсис в отношении Организации базируется прежде всего на видных невооруженным взглядом противоречиях, которые значительно осложняют ее работу. Оптимистическая же (а в некоторых кругах алармистская) точка зрения на ШОС проистекает из масштабности проектов, выдвигаемых в рамках Организации.

Общая ситуация

На первый взгляд в ШОС все хорошо, особенно если сравнивать ее с другими организациями на постсоветском пространстве. Крупнейшее постсоветское объединение — СНГ — объявили «клубом по разводу»¹. ОДКБ не может быть полноценной структурой по безопасности до тех пор, пока ее не поддерживает Узбекистан — очень важное звено в системе региональной безопасности. Против ШОС не выступают националисты, будоража общественность, как это происходит в Казахстане по поводу вхождения страны в ЕЭП и Таможенный союз (ТС)². И уж тем более не грозит ШОС судьба Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС)³, поглощенной ЕврАзЭС, которая, в свою очередь, потеряла свою актуальность из-за создания ТС и ЕЭП.

На внешнем уровне в ШОС регулярно проходят саммиты, выдвигаются проекты, инициативы, расширяется география Организации. Но за фасадом этого благополучия не видно реальных достижений. Оттого и общество в странах-участницах спокойно относительно ШОС: ведь никто не видит в ней фактора способного изменить их повседневную жизнь. И это вы-

¹ Путин: СНГ «весьма полезный клуб» для встреч после развода // Новые Известия, 25 марта 2005 [<http://www.newizv.ru/lenta/2005-03-25/21939-putin-sng-vesma-poleznyj-klub-dlja-vstrech-posle-razvoda.html>].

² См.: Шустов А. В Казахстане обострилась дискуссия относительно участия страны в Таможенном союзе // интернет-газета «Столетие», 6 декабря 2012 [http://www.stoletie.ru/zarubejie/nacionalisty_protiv_ts_245.htm].

³ См.: Лаумулин М. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Т. V. Алматы, 2009. С. 56.

глядит диссонансом на фоне, казалось бы, титанических усилий, которые некоторые страны предпринимают в ШОС.

Что входит в сферу деятельности ШОС? В первую очередь, безопасность. Борьбу с силами «трех зол» (сепаратизм, терроризм и экстремизм) ставят в ШОС на первую позицию. Неслучайно одна из первых структур в Организации — это региональная антитеррористическая структура (РАТС ШОС). Но именно в плане безопасности Шанхайская организация сотрудничества, вопреки завершённой институциональной оформленности, демонстрирует полную беспомощность. Когда страны-участницы сталкиваются с настоящими угрозами безопасности, о ШОС никто даже не вспоминает. Например, во время этнической резни в г. Ош (Кыргызстан) в июне 2010 года Роза Отунбаева обратилась за помощью напрямую к России, даже не вспомнив, что Кыргызстан участвует в Организации, у которой основной целью как раз и является взаимопомощь в обеспечении безопасности⁴. Или, к примеру, когда в январе 2013 года опять отмечался рост напряжённости между Узбекистаном и Кыргызстаном по поводу узбекского анклава Сох, никто и не подумал подключить ШОС⁵. Хотя проблема анклавов стала хронической для этих стран, она, безусловно, не может быть разрешена на двусторонней основе, а ШОС неоднократно позиционировала себя как организация, имеющая потенциал разрешения пограничных вопросов.

Все это связано с очевидным фактом — членством Китая в ШОС. А с учетом высокого уровня антикитайских настроений в регионе приглашение китайских солдат на свою территорию для решения проблем безопасности неприемлемо для центральноазиатских элит. Китайский солдат, ступивший на землю любой из республик Центральной Азии, чтобы вести там военные действия, неважно какого рода, мгновенно сведет к нулю легитимность правителя, решившегося на подобный шаг. Вспомним, что поводом для падения режима А. Акаева стало именно обвинение его в предательстве интересов Кыргызстана в пользу Китая после урегулирования пограничных споров между этими странами⁶.

Сам Китай также предпочитает демонстрировать стабильное равнодушие к ШОС, когда вопрос касается его национальной безопасности. После кровавых событий в Урумчи в июле 2009 года Пекин пригласил порядка ста представителей зарубежных СМИ для демонстрации адекватности своей политики в ходе регулирования конфликта⁷. Однако из стран ШОС в этом пуле СМИ полноценно была представлена только Россия. Да и вообще в тот период все сообщения официального Пекина, в которых основной темой являлась защита от происков «руки из-за рубежа», мирового терроризма и т.д., не содержали ни малейшего упоминания о ШОС. А ведь она, по идее, как раз и должна бороться с подобными проявлениями. Если бы не несколько дежурных фраз от секретариата ШОС, возникло бы ощущение, что в кризисный для Китая момент Организация куда-то пропала.

А ведь именно Китай является основным локомотивом ШОС, именно он стремится наполнить Организацию реальными достижениями, поддерживать ее на плаву и вывести на новый уровень. Даже запланированный на июнь 2013 года саммит в Бишкеке проходил при финансовой поддержке Пекина в силу экономических проблем председателя этого года — Кыргызстана.

⁴ См.: Киргизия просит помощи России в подавлении межнационального конфликта // Аргументы и факты, 12 июня 2010 [<http://www.aif.ru/politics/article/35434>].

⁵ См.: Вальсамаки А. Большие проблемы маленького анклава Сох // Радио Азаттык, 13 июня 2013 [<http://rus.azattyq.org/content/sokh-enclave-tension-between-kyrgyzstan-and-uzbekistan/24878950.html>].

⁶ См.: О революции в Кыргызстане // Вестник Евразии, 2005, № 3 [<http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2005-3.htm>].

⁷ См.: Представители более 100 зарубежных СМИ прибыли в Урумчи для освещения беспорядков «5 июля» // Агентство Синьхуа, 8 июля 2009 [http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2009-07/08/content_904028.htm].

А когда угрозы безопасности выходят на геополитический уровень, то становится абсолютно ясно, что ШОС, занимающаяся безопасностью, не готова даже на словах оказать какую-либо поддержку одному из участников конфликта. Например, после военного конфликта между Россией и Грузией в августе 2008 года Кремль всячески провоцировал ШОС на выражение поддержки своих действий⁸. Но, так как страны-участницы по вполне понятным причинам не желали быть втянутыми в антизападный конфликт, формулировка ШОС по поводу «операции по принуждению к миру» была крайне дипломатичной. Здесь интересна позиция президента РК Н.А. Назарбаева, который продемонстрировал большую приверженность союзническим обязанностям, подвергнув критике грузинское руководство и Запад, притом что отношения Астаны и Тбилиси уже традиционно весьма хороши⁹. В Москве очень быстро забыли об этом, что опять-таки характеризует уровень союзнических отношений как в регионе в целом, так и в ШОС в частности.

Экономическая составляющая на этом фоне выглядит более внушительно, тем более что Пекин всеми силами пытается использовать свой основной козырь — мощную экономику. Но и здесь загвоздка заключается в том, что практически все успешные экономические проекты, причисляемые к ШОС, по факту были созданы на базе двусторонних соглашений. Ведь реализация крупных проектов в рамках ШОС, даже несмотря на действующие утвержденные планы сотрудничества, постоянно наталкивалась на множество препятствий.

Яркой иллюстрацией того, как реализуются проекты ШОС, является создание и функционирование Университета ШОС¹⁰. Сама по себе идея общего образовательного пространства вызывает только положительные эмоции. Особенно для центральноазиатских республик: в силу тотальной коррупции в системе образования в регионе неуклонно падает качество высшего образования и девальвируется ценность дипломов. Но реализовывалась эта идея в истинно «шосовском» стиле. Головными организациями Университета ШОС были назначены действующие вузы стран-участниц. В итоге ряд вузов просто получили возможность отправлять некоторых студентов по обмену на один семестр и выдавать своим выпускникам помимо своего диплома еще и сертификат Университета ШОС. Так как на постсоветском пространстве все документы, выдаваемые в университетах, уже традиционно вызывают скептическое отношение, можно констатировать, что из громкого названия и постоянных бравурных отчетов на деле получился лишь небольшой канал обмена студентами.

Подобная ситуация является закономерным результатом наличия двух уровней системных противоречий между странами — участницами ШОС. Они и порождают цепь факторов, негативно влияющих на функционирование Организации.

Первый круг системных противоречий ШОС

Первый уровень — это конкуренция Китай — Россия. Причем эта конкуренция наблюдается только в Центральной Азии. По всем остальным болевым точкам на международной

⁸ См.: Страны ШОС не подтвердили признание независимости Абхазии и Южной Осетии // АПН, 28 августа 2008 [<http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=166016>].

⁹ См.: Буш одним из первых был проинформирован Россией об атаке Грузии на Цхинвали, рассказывает Назарбаев // Информационное агентство Интерфакс — Запад, 28 августа 2008 [<http://www.interfax.by/news/world/45117>].

¹⁰ См.: Модель Университета ШОС // Официальный сайт Университета ШОС [http://uni-sco.ru/stat/3/stat_3.html].

арене, таким как ситуации вокруг Ирана и Сирии, расширение НАТО, развертывание ПРО США в Европе и в АТР, «бархатные» революции, Афганистан и многие другие, — Пекин и Москва проявляют редкостное единодушие, что обусловлено конкуренцией обеих стран с Соединенными Штатами. До недавнего времени это единодушие не создавало настоящего альянса, так как и Россия и Китай были больше заинтересованы во взаимоотношениях с Западом, в частности с США, нежели друг с другом. Поэтому нередко Пекин и Москва «торговали» с Вашингтоном своей дружбой, набивая себе цену и при этом забывая об интересах своего стратегического партнера сразу же, как только замаячит возможность наладить отношения с США. Так, для Пекина в свое время стало неприятным сюрпризом, что Москва в результате потепления отношений с Вашингтоном открыла тому возможность развернуть военные базы в Центральной Азии, а также предоставила свои традиционные связи с Северным альянсом Афганистана для укрепления там американского контингента. Китай также был более ориентирован на США в силу зависимости от американского рынка.

Но на данный момент тенденция меняется. С приходом Си Цзиньпина Китай начинает строить свою экономическую модель с упором на стимулирование внутреннего потребления и уменьшение внешней зависимости. Поэтому отношения с Россией начинают приобретать для Китая новое значение. Вероятнее всего, именно этим объясняется тот факт, что первый свой визит Си Цзиньпин осуществил именно в Москву, чем вызвал серьезное раздражение в Вашингтоне. В феврале 2012 года Си Цзиньпин, будучи еще заместителем генсека Ху Цзиньтао, но уже безальтернативным претендентом на пост руководителя КНР, посетил США, где ему оказали роскошный прием, по сути, на уровне главы государства, стремясь укрепить отношения с будущим лидером Китая. Поездкой в Москву Си Цзиньпин не оправдал надежд американского истеблишмента, что хорошо проявилось в статье Зб. Бжезинского, выразившего крайнее недоумение, что в качестве первого визита был выбран не важнейший экономический партнер Китая и ведущая держава мира, а Россия¹¹.

В то же время во внешней политике второго срока Барака Обамы был провозглашен «поворот на Азию». Неслучайно первое турне после своего переизбрания президент США начал с азиатских стран. Здесь тоже прослеживается связь с глобальным противостоянием. Необходимо учесть, что в ходе своего азиатского турне Обама поддержал Мьянму, где высказался за сокращение импорта военных технологий из Китая. Более того, Обама посетил Мьянму, несмотря на то что в этой стране идут серьезные этнические чистки и погромы. По данным ООН, мусульмане Мьянмы — рохинджа — являются одним из самых угнетаемых этнических меньшинств и насилие против них поддерживается государством¹². Помимо этого Таиланд был назван одним из ведущих союзников США в регионе, хотя это государство также обвиняют в этнических притеснениях: южные штаты Таиланда заселены малайцами-мусульманами, и градус религиозно-этнической нетерпимости периодически приводит к эскалации насилия, в котором Бангкок занимает позицию буддистов и обрушивает репрессии на малайцев¹³.

Суть поддержки столь одиозных государств заключается в том, что Вашингтон убивает сразу двух зайцев: закрепляет лояльность проблемных, но стратегически важных стран и против Китая, и против религиозных режимов Ближнего Востока. Таиланд и Мьянма нуждаются в международной поддержке для решения своих внутренних проблем, а США, как никто, способны дать и дают им информационный щит. Соответственно, лояльность Таиланда и Мьянмы обеспечивается сравнительно недорого, но эффективно.

¹¹ См.: Бжезинский предлагает Пекину выбрать между Москвой и Вашингтоном // Военное обозрение, 28 марта 2013 [<http://topwar.ru/26007-bzhezinskiy-predlagaet-pekinu-vybrat-mezhdu-moskvoy-i-vashingtonom.html>].

¹² См.: Буддисты жгут соседей // Газета РУ, 2 мая 2013 [<http://www.gazeta.ru/social/2013/04/30/5286769.shtml>].

¹³ См.: Каукинов А. Поможет ли ОИС мусульманам Таиланда? // Эксперт Казахстан, 19 сентября 2011, № 37 (327) [<http://expertonline.kz/a1648/>].

Новое руководство Китая прекрасно осознает стремительное ужесточение геополитической игры против него и потому внутри страны делает ставку на ханьский национализм, а вовне стремится создать вокруг границ политический, экономический и энергетический буфер. ШОС же — один из ключевых элементов этого буфера, так как прикрывает границу с севера и запада, а также потенциально может обеспечить необходимые экономике Китая энергетические потоки.

Но именно политика Москвы тормозит скорейшее развитие ШОС. На последнем саммите в Пекине российские дипломаты, не скрывая, записывали себе в успех торпедирование основных китайских инициатив. Трудно понять, как можно создать эффективную и надежную организацию, если второй крупнейший участник настроен делать все, лишь бы не допустить того, чтобы крупные проекты заработали. И этому есть свое объяснение: очевидно, что одним из движущих мотивов России при вхождении в ШОС было как раз стремление предотвратить бесконтрольное проникновение Китая в Центральную Азию. В начале 2000-х годов стало понятно, что Китай так или иначе в регион войдет, и потому Москва дала добро, но со своим участием. Это было выгодно и Пекину: благодаря участию Москвы в Организации, ШОС, а значит и вхождение Китая в регион, получили серьезный запас легитимности. Поэтому Москва всегда занимала в ШОС позицию «энергичного пессимиста», много предлагая, выделяя бюджеты, но по итогам делая все, чтобы Организация не выходила за рамки диалоговой площадки. Попытки же России направить ШОС на глобальное поле за счет расширения Организации или усиления ее активности в мировом масштабе, со своей стороны, натываются на неприятие и Пекина, который видит в ШОС вполне конкретный механизм и опасается его размывания, и центральноазиатов, опасющихся, что их вовлекут в новое противостояние между Россией и Западом. А для усиления своего влияния в Центральной Азии у Москвы есть другие организации, полностью дублирующие по функциям ШОС, но уже без Китая. И здесь Россия вполне успешно борется за то, чтобы наполнить конкретным содержанием деятельность различных организаций, таких как Силы быстрого реагирования в ОДКБ в плане безопасности или Единое таможенное пространство в сфере экономики.

Визит Си Цзиньпина, по всей видимости, должен положить начало смене тенденции и заинтересовать Москву в совместных проектах, благо инвестиционные возможности у Китая имеются. И первый эффект уже есть: «углеводородный прорыв» в ходе визита Си Цзиньпина в Москву заставил говорить о кооперации в этой сфере с Казахстаном, в частности в плане использования трубопровода Атасу — Алашанькоу. Возможно, этот прорыв позволит китайским дипломатам в 2013 году на саммите ШОС в Бишкеке настроить российскую сторону на сотрудничество в энергетической сфере в рамках ШОС, к примеру начать работу над неоднократно предлагаемым Энергетическим клубом ШОС.

В любом случае конкуренция между Россией и Китаем за Центральную Азию является самой основной и системной проблемой ШОС, на которую влияет множество факторов и преодолеть которую удалось бы лишь в случае изменения самого формата двусторонних отношений между Москвой и Пекином. Однако китайская сторона, видимо, это уже поняла.

Второй круг системных противоречий ШОС

Второй уровень противоречий в ШОС — это конкуренция между самими центральноазиатскими странами, процессы дезинтеграции в регионе и метания центральноазиатских элит между различными региональными центрами силы.

Так, декларируемый «шанхайский дух» доверия на деле не работает не только в отношениях с Китаем, недоверие и опасения относительно которого в соседних странах традиционно высоки, но и на уровне двусторонних связей практически всех центральноазиатских стран и по самым разным поводам. Отношения между Узбекистаном и Кыргызстаном находятся в стадии стабильного конфликта, нет даже попыток решить вопрос об анклавах, диаспорах, водных ресурсах и энергетике. Инциденты на границе стали привычным делом, а антиузбекская истерия периодически поднимаемая в кыргызских СМИ, дает основание полагать, что резня в городе Ош 2011 года — далеко не последняя.

Узбекистан и Таджикистан демонстрируют не меньший скрытый накал отношений. Причем важно, что духа доверия или гармонии между этими странами даже не предвидится. Взаимные упреки, претензии, постоянно вспоминаемые старые обиды, разговоры в кулуарах и на кухнях о потерянных территориях, а тем более противоречия по водной проблеме наталкивают на мысль не о «духе доверия», а о том, как будут складываться отношения после смены элит сначала в Узбекистане, а в дальнейшем и в Таджикистане.

Не меньше вопросов вызывает сам Узбекистан, лежащий в центре всех крупных скандалов в Центральной Азии, обладающий крепкими Вооруженными силами и возросшим до 30 млн населением и стоящий на пороге смены власти.

Нужно отметить и политическую конкуренцию Ташкента и Астаны. Но данная проблема не включает в себе ярко выраженной угрозы по сравнению с другими и носит больше личностный характер отношений между главами обоих государств. Смена власти в Ташкенте может поставить куда более серьезные проблемы перед всем регионом, так как прогнозируемого сценария смены власти в соседнем государстве не прослеживается.

Казахстан также испытывает негативные последствия дезинтеграционных процессов в регионе. Причем в силу своего географического положения он оказывается буквально в центре ШОС, а значит, и в центре интересов в вопросах о границе, водных ресурсах, обеспечении безопасности инфраструктурных объектов, борьбы с наркотрафиком и экстремистами. Гибкость внешней политики позволяет Астане избегать излишнего накала страстей, но «пороховых бочек» в отношениях с соседями по региону тоже немало. Однако механизм ШОС пока не удастся использовать даже для обсуждения с Китаем проблемы трансграничных рек не в двустороннем, а хотя бы в трехстороннем формате, подключив Россию к переговорному процессу о притоках Иртыша.

Более того, вопросом системного характера для всего региона является создание механизмов смены власти. Причем вариаций не так много. Туркменский вариант — это всего лишь отсрочка вопроса, так как системы все равно нет. Г. Бердымухаммедов, получив пост президента, наглядно продемонстрировал всем претендующим на роль серого кардинала в Центральной Азии, как это происходит в наших реалиях. Всемогущий, как казалось, Реджепов со всеми его сторонниками, сами посадившие Г. Бердымухаммедова на трон, оказались за решеткой в течение какого-то месяца¹⁴. То есть в следующий раз в самом же Туркменистане «туркменский вариант» уже не пройдет.

Кыргызский вариант еще хуже, так как демонстрирует лишь тенденцию скатывания государства к «охлократии» и захвату власти криминалитетом. Таджикистан в силу возраста Э. Рахмона еще относительно далек от этого вопроса, хотя тоже к нему придет и, с учетом негативного опыта гражданской войны и соседства с Афганистаном, уровни риска в этой стране значительно выше.

Но самыми важными в системе региональной безопасности являются Казахстан и Узбекистан. Регион и ШОС, соответственно, могут пережить хаос в Кыргызстане или Таджикиста-

¹⁴ См.: Кравченко В. Туркменистан: игра на выживание // ЗН, 17 августа 2007 [http://gazeta.zn.ua/POLITICS/turkmenistan_igra_na_vyzhivanie.html].

не, даже не вмешиваясь в него, но раздражаемый на части Казахстан или Узбекистан будет означать конец существующей системе безопасности, а значит, и ШОС.

Но в этом важнейшем вопросе безопасности ШОС также абсолютно недееспособна. Это наглядно продемонстрировали события в Кыргызстане, являющемся членом ШОС, а до этого членом Шанхайской пятёрки. За двумя революциями в Кыргызстане ШОС могла только наблюдать, сетуя устами экспертов на всевозможных форумах на отсутствие каких-либо инструментов воздействия на ситуацию. Точно так же не смогла ШОС стать арбитром или площадкой для выяснения отношений в регионе.

В целом, латентно неприязненные отношения между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, процессы дезинтеграции, раскручиваемый «пещерный национализм», несоответствие провозглашаемых ценностей (шанхайский дух) реальным процессам в регионе — это второй круг системных противоречий в ШОС.

АнтиНАТО

Еще одной серьезной проблемой в ШОС является проблема взаимоотношений с Западом. О том, что ШОС носит антизападную направленность, западные политологи стали говорить практически сразу же после создания этой организации. Однако поводом для развития этого мнения стала декларация саммита 2005 года в Астане, где был поставлен вопрос о сроках нахождения в странах-участницах американских баз¹⁵. Эта декларация интересна также тем, что создала прецедент, когда часть членов ШОС сумела использовать Организацию для политических целей. Но получилось это именно в вариации «дружить против кого-то» — в данном случае против США. Россия продемонстрировала американцам свою значимость и силу в Центральной Азии, Китай сделал первый шаг к тому, чтобы выдвинуть США подальше от своих западных границ, Узбекистан наказал Вашингтон за критику подавления Андижанского мятежа. Кыргызстан воспользовался случаем, чтобы повысить цену за базу «Манас». Правда, для Казахстана и Таджикистана никакой ощутимой выгоды от присоединения к этой декларации не было, но и какого-то явного ущерба — тоже.

Но для Астаны и остальных среднеазиатских участников было интересно несколько сбить спесь с Вашингтона, окрыленного «бархатными революциями» на постсоветском пространстве. Эти «бархатные революции» заставили неуютно чувствовать себя руководителей авторитарных режимов ЦА, что позволило им согласиться сыграть на руку Москве и Пекину, тем самым продемонстрировав Вашингтону, что не стоит спонсировать перевороты: ведь у центральноазиатских стран ШОС есть к кому примкнуть и есть что предложить в геополитическом торге. Естественно, Вашингтон стал прохладно воспринимать ШОС, а в западной прессе Организация стала приобретать черты нового «Варшавского блока».

Подобная антизападность подстегнула Иран в желании стать полноправным членом Организации¹⁶. Данное геополитическое позиционирование, а также коллективная безопасность и экономическое сотрудничество в ШОС решили бы много проблем Тегерана, находящегося под международными санкциями. Однако страны ШОС хотя и не против «поблестать» в игре с Вашингтоном и усилить свою значимость в его глазах, но категорически не заинтересованы в реальном с ним противостоянии. На некоторое время активность Тегерана поставила перед

¹⁵ См.: Лаумулин М. ШОС — грандиозный геополитический блеф. Взгляд из Казахстана // *Russie Nei Visions*, июль 2006, № 12.

¹⁶ См.: Иран подал заявку на вступление в ШОС // ИА Регнум, 24 марта 2008 [<http://www.regnum.ru/news/975605.html>].

ШОС дилемму «расширения Организации». С одной стороны, Китай и Москва хотели бы, чтобы Монголия стала полноправным участником ШОС. В Монголии идет геополитическая борьба между Китаем, США, Японией, Южной Кореей, хотя в последние годы ощутим перевес Пекина. КНР важно усилить свое влияние на Монголию новым рычагом, а России — вернуться в Монголию, причем вернуться с одобрения Китая. Но Улан-Батор тоже это понимает и пока вступать не стремится, так как у него есть еще возможность поторговать своим геополитическим расположением. Поэтому двери ШОС важно держать открытыми на тот случай, если удастся уговорить Монголию войти в Организацию. Но эти же двери нужно закрыть для Ирана и других возможных нежелательных кандидатов.

Поэтому на Ташкентском саммите ШОС 2008 года была принята поправка о вступлении в Организацию, где оговаривалось, что ШОС не может принять в свои ряды страны, на которые наложены международные санкции¹⁷. Понятно, что Тегеран с определенной обидой воспринял это решение, тем более что он пытался руками Душанбе воспрепятствовать принятию этого положения, но безуспешно: Таджикистан не обладает необходимым весом, а главное, больше зависит от Москвы, а сейчас еще и от Пекина, чем от Тегерана. Перед встречей в Ташкенте в 2008 году Тегеран специально разослал всем государствам Шанхайской «шестерки» ноты о желании Ахмадинежада участвовать в работе этого саммита, однако получил вежливый отказ, поэтому на саммите от этой страны присутствовал глава МИДа Манучехр Моттаки. Это было связано с очередным витком напряженности отношений между Ираном и США, и, соответственно, страны ШОС не захотели предоставлять Ахмадинежаду площадку для антиамериканских спичей. Это все отвечает интересам стран ШОС, так как скатывание в антиамериканизм крайне губительно, но, с другой стороны, полностью дезавуирует предыдущие попытки «ткнуть Вашингтон носом». Более того, эти метания только добавляют Организации аморфности, наглядно демонстрируют отсутствие у нее четких целей и единой долгосрочной стратегии и потакание сиюминутным запросам.

Другим немаловажным инструментом в геополитической игре ШОС являются военные учения, имеющие название «Мирная миссия». Совместные действия вооруженных сил стран-участниц опять же вдохновляют западных исследователей на статьи о «железном кулаке против демократии», а представителям стран ШОС дают возможность говорить о потенциале Организации для поддержания безопасности и стабильности в регионе.

Сама же история проведения «Мирных миссий» показывает следующее. Если первые учения были скромны, то в 2005 году «Мирная миссия» была проведена с небывалым размахом и большими политическими выгодами для Китая¹⁸. По сценарию, условная страна была объята беспорядками и страны ШОС вводили туда войска для установления порядка. Однако при этом на полуострове Шаньдун, где проходили учения, не были задействованы внутренние войска, чье назначение и состоит в подавлении беспорядков и выполнении полицейских функций, а использовалось масштабное десантирование с предварительным подавлением ПВО и огневых точек, действовали самолеты дальней, фронтовой и военно-транспортной авиации, в частности стратегические бомбардировщики и ракетноносцы, свыше 60 кораблей и несколько подводных лодок.

Все это настолько было похоже на отработку высадки на Тайвань, что Тайбэй отреагировал, проведя собственные военные учения с американскими подразделениями с сюжетом по отражению агрессии с моря. Стало очевидно, что Пекин использовал ШОС, и прежде всего Россию, чтобы в очередной раз продемонстрировать силу мятежному острову и стоящим за

¹⁷ См.: ШОС готова к расширению // Российское федеральное издание ВВП, 2010, № 7 (57) [<http://www.vvprf.ru/archive/clause149.html>].

¹⁸ См.: Георгиев А. «Мирная миссия» выполняема // Военно-промышленный курьер, 24 августа 2005, № 31 (98) [<http://vpk-news.ru/articles/1242>].

ним США. Кремль в дальнейшем был раскритикован за то, что позволил себя втянуть в подобную авантюру, так как политических выгод от статуса сателлита разминающего мускулы Китая Россия не получила. Москва оправдывалась тем, что было продемонстрировано новейшее российское оружие на продажу, а также указывала на возможные политические выгоды в дальнейшем от благодарности Китая. Заметим, что оружие теперь Китай производит сам, войдя в пятерку крупнейших мировых поставщиков оружия, а помогать Москве «брыцать оружием» против Грузии не стал.

В дальнейшем «Мирные миссии» больше не носили таких явных намеков в сторону конкретных потенциальных противников стран-участниц, но необходимо обратить внимание на ряд нюансов.

- Во-первых, хотя в сценариях большинства учений провозглашается борьба с нетрадиционными угрозами, а конкретно — с силами террористических бандформирований, тем не менее ход учений показывает несколько иное положение дел. Обычно демонстрируется, как авиация уничтожает «командный пункт» условного противника, подавляет его артиллерийские позиции, а бронетехника и стрелковые части стран ШОС вступают в бой с подобными же силами условного противника. То есть «террористы» выглядят как регулярная армия.

В то же время очевидно, что региону больше грозит не масштабное вторжение какой-либо державы извне, а проникновение вооруженных бандформирований, как это имело место, например, во время баткенских событий в Кыргызстане. Вполне закономерно, что в таких случаях тактика действий кардинально отличается, так как подобные формирования зачастую пользуются поддержкой среди местного населения, отсутствуют единый штаб и фронт действий. Эта борьба носит характер партизанских вылазок, неожиданных налетов на населенные пункты при минимальном стремлении ввязаться в затяжные «окопные» бои.

Понятно, что это не менее очевидно и организаторам учений, но это значит, что реальная цель данных мероприятий — продемонстрировать именно «соратникам» свой боевой потенциал. Так сказать, парад военных возможностей, причем направленный не вовне, как иногда предполагают западные эксперты и обозреватели, а внутрь Организации. Вероятнее всего, именно поэтому Узбекистан, имеющий наиболее реальные шансы вступить в военный конфликт со своими соседями, избегает участия в учениях.

- Во-вторых, любопытным фактом является следующее: если координация войсковых подразделений между Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном находится на довольно высоком уровне, то координация с Народно-освободительной армией Китая как раз таки выглядит занимательно. Понятно, что высокий уровень взаимодействия военнослужащих республик бывшего СССР обусловлен и общей техникой, и военной школой, и языком и т.д. Плюс к тому координация стран ШОС, за исключением Китая, подкреплена еще и их участием в ОДКБ, имеющем как собственные Вооруженные силы — КСОР (Коллективные силы оперативного реагирования), так и регулярно проводимые учения. То есть учения ШОС как раз интересны тем, насколько получается взаимодействовать в такой тонкой сфере, как военное сотрудничество с Китаем. Но даже на поверхностный взгляд очевидно, что китайские военные явно стоят на учениях особняком, причем «сразу и издали заметным» особняком. То есть если военные остальных стран могут пролетать единым звеном (если это авиация), двигаться совместно на боевом марше (если это бронетехника), выдвигаться совместно в пешем строю, то именно китайские военные все это делают отдельно. По крайней мере, на открытой для освещения части ни разу совместных действий «плечом к плечу» стран ОДКБ + Китай не было. Более того, когда выдвигались

гались танки и самоходные орудия, то китайские части и части стран ОДКБ были разделены дорогой.

Конечно, для того, чтобы координировать действия с Вооруженными силами страны, которая еще сравнительно недавно была одной из стран вероятного противника, требуется много времени и работы, но вопрос заключается в другом. В каких действиях и при каких условиях возможно применить данную практику? Даже в Афганистане участие китайских войск крайне маловероятно, а уж военная помощь именно вхождением армии со стороны Китая в любую страну Центральной Азии будет восприниматься однозначно как оккупация.

Тем самым подтверждается тезис о том, что учения ШОС — это «парад возможностей», с одной стороны, друг перед другом, а с другой — перед внешними игроками, но никак не отработка взаимодействия в случае реальной угрозы.

З а к л ю ч е н и е

Несмотря на высокий политический, торговый, транспортный потенциал, в силу сложных внутренних системных противоречий возможности ШОС на протяжении почти десяти лет остаются практически неиспользованными. Непростые отношения и внутренние противоречия между странами — членами ШОС не позволяют им не только выработать новые способы сотрудничества, но и воплощать в жизнь даже те решения, которые были приняты ранее.

Вместе с тем ШОС является геополитически проектом Китая и потому, с учетом роста мощи этой страны, Организация не только находится на плаву, но и пытается преодолеть стоящие перед ней барьеры.

После визита Си Цзиньпина в Москву стало очевидно, что новое руководство Китая придает особую важность взаимодействию с Россией, а сама Москва все более заинтересована в сотрудничестве с Китаем. К тому же на фоне так и не сложившейся «перезагрузки» отношений между РФ и США, списка Магнитского, возможного изменения энергобаланса ЕС в силу сланцевой революции у России появляются дополнительные стимулы повернуть свой вектор на восток. Данная взаимная заинтересованность Китая и России способна переломить сложившуюся ситуацию в ШОС, находящейся в положении телеги из басни о Лебеде, Раке и Щуке. Но нужно заметить, что это зависит от многих факторов, поэтому, хоть потенциал и велик, у него есть все шансы не реализоваться.

Заинтересованность стран Центральной Азии в инвестициях из Китая будет подталкивать Организацию решить вопрос о финансовых институтах таких структур, как банк ШОС, счет ШОС и другие.

Потенциально близкой к институциональному оформлению выглядит инициатива Энергетического клуба ШОС. Данный проект выдвигался и поддерживался на различных саммитах китайской, российской и казахстанской сторонами. Но в силу того, что энергетическая система региона на данный момент переживает сложный период, где каждая страна пытается не столько интегрироваться в общую энергосистему региона, сколько создать собственную самодостаточную, по возможности, систему, у Энергоклуба ШОС есть все шансы стать очередной существующей, но не работающей структурой Организации.

Также, несмотря на сопротивление России, Китай продавливает создание идеи Зоны свободной торговли ШОС. Вероятнее всего, после вступления России и Казахстана в ВТО у Москвы не останется возможностей, да и стимула для противодействия данному проекту — ведь Китай также участник ВТО, и он получит свое логическое завершение. Вместе с тем ЗСТ ШОС изменит экономическую структуру региона, и Синьцзян станет его мощным экономическим полюсом.

В целом, эффективная реализация проектов ШОС зависит от политической и экономической мощи Китая. В случае если ШОС все же станет полноценной организацией, можно будет сказать, что проект Китая по доминированию в регионе реализован успешно. Но на данный момент реализации ШОС мешают Россия и США, предлагающие свои интеграционные проекты. США — «Новый Шелковый путь», а Россия — Таможенный союз, ЕЭП и ОДКБ. Но даже в случае установления экономического и политического доминирования КНР в Центральной Азии между центральноазиатскими участниками останется множество противоречий, которые будут служить причинами низкой дисциплины по исполнению решений внутри Организации.

БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РОЛЬ ОДКБ И ШОС

Акбаршо ИСКАНДАРОВ

доктор политических наук,
Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Таджикистан
(Душанбе, Таджикистан)

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются вопросы обеспечения безопасности в Центрально-Азиатском регионе в рамках деятельности таких институтов, как ОДКБ и ШОС. Освещается история формирования эффективной структуры региональной безопасности, направленной на противодействие современным вызовам. Автор приходит к выводу, что для

эффективного противодействия сохраняющимся угрозам важна дальнейшая интеграция стран Центральной Азии в сфере безопасности. Без этого весь регион будет оставаться зоной нестабильности и, как следствие, отставать от остального мира, что, в свою очередь, негативно скажется на его политическом и экономическом развитии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Центральная Азия, безопасность, региональная интеграция, ОДКБ, ШОС, «Талибан», Афганистан.*

Введение

Обеспечение безопасности на любом уровне (национальном, региональном или международном) — важная и довольно сложная проблема, которая не раз становилась предметом оживленных дискуссий.

Очевидно, что актуализация старых и появление новых вызовов безопасности во многом вызваны разбалансированностью и потерей эффективности прежней системы глобальной безопасности, в том числе многих международных соглашений, уже не соответствующих современным реалиям.

Как показывает опыт, вопрос формирования эффективной структуры региональной безопасности занимает важное место в группе факторов, определяющих интеграционный комплекс.

В свете последних событий, вызванных процессами глобализации, а также значительными экономическими, социально-политическими и геополитическими изменениями в мире, страны Центральной Азии (ЦА) должны всемерно укреплять региональную стабильность и безопасность. Для этого им необходимы возможности давать серьезный коллективный ответ на любые угрозы и вызовы.

Напомним, что Центральнo-Азиатский регион, занимающий значимое геостратегическое положение на перекрестке между Китаем, Россией и Южной Азией, обладает неоценимыми природными и человеческими ресурсами; там скрещиваются интересы самых различных сил.

Большинство государств постсоветской ЦА участвуют в различных объединениях, в том числе подразумевающих экономическое и военно-политическое сотрудничество. Наибольшей активностью отличаются Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), поэтому вопрос об их роли в обеспечении безопасности и развитии интеграционных процессов в регионе заслуживает особого изучения.

Угрозы безопасности Центральнo-Азиатского региона

Существующие и потенциальные источники угроз безопасности в регионе обусловлены как внешними, так и внутренними причинами.

К внешним причинам, на наш взгляд, можно отнести следующие:

- распространение «трех зол»: международного терроризма, религиозного экстремизма и этнического сепаратизма;
- существующие и потенциальные очаги нестабильности в непосредственной близости от границ региона (Афганистан, Ирак, индийско-пакистанский конфликт, проблема Каспия);
- отставание некоторых стран региона, связанное с глобализацией;
- поведение основных геополитических игроков в реанимированной «Большой игре» и характер их взаимоотношений (различные взгляды стран на мегапроект «Новый Шелковый путь»);
- незаконный оборот наркотиков и контрабанда оружия;
- наличие на территории региона военных баз иностранных государств;
- активизация международных акторов (т.н. великих держав) — США, России и Китая;
- противоречия в мусульманском мире, в частности обострение взаимоотношений между различными течениями ислама: ваххабизмом, салафизмом, традиционным для ЦА суннизмом ханафитского толка и др.;

- активизация радикальных исламистов («Аль-Каида», ИДУ, «Хизб ут-Тахрир», «Движение за независимость Восточного Туркестана» и др.) и их скопление на афганско-центральноазиатских границах;
- возможное оживление движения «Талибан» после вывода коалиционных войск из Афганистана.

Среди внутренних причин следует отметить ряд экономических, политических и социальных факторов:

- внутри- и межэтнические противоречия;
- политическая нестабильность;
- кризисные тенденции, сохраняющиеся в экономическом и социальном развитии государств;
- территориальные споры и приграничные конфликты;
- транснациональная организованная преступность;
- нелегальная миграция;
- различия в структуре энергоресурсов и проблемы водопользования;
- экологические угрозы нетрадиционного характера (последствия производства и испытаний ядерного оружия, изменение климата, деградация окружающей среды и др.).

Афганистан как вызов безопасности

В настоящее время наибольшую угрозу для стран ЦА представляют конфликт и напряженность в Афганистане и действующее на его территории движение «Талибан».

За прошедшее десятилетие усилиями афганских властей и мирового сообщества (особенно США и стран НАТО) были созданы необходимые предпосылки для урегулирования конфликта и построения государственности в этой стране. Афганистан наладил конструктивное сотрудничество со всеми странами региона и принимает участие в работе авторитетных региональных и международных структур. В стране принята Конституция, дважды были проведены президентские и парламентские выборы; сформированы силовые структуры, к которым уже перешел контроль над безопасностью в ряде провинций. Однако обстановка в стране все еще остается напряженной.

В Афганистане сохраняются многочисленные вызовы и угрозы стабильности, которые вызывают особую обеспокоенность в контексте предстоящего вывода сил международной коалиции. Афганским властям и их международным партнерам еще не удалось решить основную задачу — обеспечить безопасность и устойчивое экономическое развитие страны. «Аль-Каида», «Талибан» и другие радикальные группировки все еще представляют серьезную угрозу как в центре, так и в отдельных регионах страны.

Действия НАТО недостаточно эффективны (особенно на антинаркотическом направлении), а периодически возникающие инциденты вызывают негативную реакцию местного населения и еще большее неприятие иностранного военного присутствия. Афганские силовые структуры пока не способны своими силами эффективно противодействовать многочисленным проявлениям терроризма и экстремизма, серьезно подрывающим процесс национального примирения в стране.

В последнее время особую обеспокоенность вызывает проникновение террористических группировок на север Афганистана, где еще несколько лет назад обстановка была относительно спокойной. Заметная активизация этих группировок не только может подрывать стабильность в Афганистане, но и несет в себе потенциальную угрозу перенесения террористической и экстремистской деятельности на соседние с ним страны.

В этих условиях намеченный на 2014 год вывод войск коалиции может привести к дальнейшему усилению напряженности в Афганистане с негативными последствиями для всего региона ЦА.

Изучение внутренних, региональных и международных факторов, а также причин и аспектов развития военно-политической и стратегической ситуации в Афганистане позволяет очертить возможные контуры ее динамики после 2014 года.

1. После вывода войск коалиции военно-стратегическая и политическая ситуация в Афганистане ввиду целого комплекса внутренних и внешних факторов останется весьма сложной. Более того, вывод основных контингентов сил международной антитеррористической коалиции, выборы президента ИРА и провинциальных советов в 2014 году, равно как и некоторые другие важные политические события, будут объективно способствовать обострению политической борьбы и ухудшению военно-политической ситуации в стране.

На предстоящих выборах может победить ставленник Карзая, кандидатура которого будет согласована с американцами.

Оппозиционные силы, скорее всего, опять выдвинут кандидатуру Абдуллы Абдуллы, которая, по их мнению, должна устроить всех. Абдулла Абдулла — крупный государственный и общественный деятель, который много сделал для стабилизации страны; он пользуется народной поддержкой и популярен не только в Афганистане, но и за его пределами. Немалое значение имеет и тот факт, что его отец — пуштун, а мать — таджичка.

Третьим вероятным кандидатом, бесспорно, является губернатор провинции Балх Атта Мохаммад Нур, чрезвычайно популярный среди афганцев.

2. Существует возможность возвращения талибов во власть; после вывода коалиционных войск они, безусловно, попытаются вернуть утраченные позиции либо путем мирных и «свободных» выборов, либо посредством насильственного захвата власти, как это было в 1995—1996 годах. Независимо от вариантов прихода «Талибана» к власти нужно быть готовыми к возвращению ситуации, существовавшей вплоть до начала антитеррористической операции.
3. Вполне вероятно, что после 2014 года страну охватит политический хаос, который не позволит властям Афганистана контролировать свои рубежи (прежде всего северные, которые на данный момент являются самыми проблемными и незащищенными). В свою очередь, ухудшение политической и военно-стратегической ситуации в Афганистане грозит прорывом международных террористических групп в ЦА.

С большой долей вероятности можно предположить, что боевики-талибы будут осуществлять вылазки на территории сопредельных государств большими группами; их переброска особенно активизируется после 2014 года.

Возможности развития событий по негативному сценарию после вывода коалиционных сил в 2014 году, равно как и нынешняя обстановка в стране, вызывают тревогу и в самом Афганистане.

Возможным развитием ситуации серьезно обеспокоен в первую очередь так называемый Северный альянс, большую часть сил которого составляют таджики, узбеки, туркмены, хаза-

рейцы и представители других этнических меньшинств — именно они вели открытую войну с талибами.

С политикой талибов не согласны и бывшие моджахеды. Не случайно один из их лидеров выступил с предложением создать совет моджахедов, вооружить их и быть готовыми обеспечить безопасность своих семей.

Перед очень сложным выбором оказался и простой народ Афганистана: к кому примкнуть и что делать?

В настоящее время наблюдаются переброски больших групп талибов на границы стран СНГ, причем они осуществляются с помощью войск коалиционных сил. Очевидцы отмечают, что на 60—65% территории афганского Бадахшана присутствуют талибы, оснащенные самым современным оружием.

Может ли быть построена эффективная система обеспечения коллективной безопасности в ЦА?

Перечисленные тревожные реалии современного Афганистана представляют собой объективный вызов стабильности и безопасности стран ЦА. В этих условиях их первостепенной задачей становится строительство эффективной системы коллективной безопасности в регионе. Эта система позволила бы им сообща решать проблемы поддержания стабильности, а также расширять и укреплять сотрудничество с учетом национальных интересов каждой из них. Однако решение данной задачи наталкивается на ряд объективных трудностей.

- Во-первых, в ЦА по сей день сохраняется влияние России как доминирующей державы, не скрывающей, что она рассматривает этот регион как традиционную зону своих национальных интересов. Несмотря на то что в последнее десятилетие влияние России в силу некоторых факторов значительно ослабло, экспертное сообщество ЦА считает, что она вновь будет активизировать свое присутствие в регионе. Основанием для подобного вывода послужили избрание В. Путина президентом Российской Федерации (РФ) и его предвыборная программа.

Следует отметить, что страны ЦА изменили подход к своим внешнеполитическим партнерам. Теперь они ставят во главу угла свои национальные интересы, в том числе политические и экономические выгоды. Кроме того, ЦА входит в орбиту геополитического внимания таких акторов, как Китай, США, Индия, Иран, Турция и арабские страны; реализуются различные программы гуманитарного и экономического характера. Таким образом, у стран ЦА появилась возможность выбирать партнеров.

- Во-вторых, развитие системы безопасности сдерживается конкурентной борьбой между главными «игроками» в регионе.
- И, наконец, в-третьих, определенным препятствием для становления системы региональной безопасности в ЦА является отсутствие у государств общего подхода к ее формированию. Во многом это связано с различиями в осуществлении экономических, политических и военных реформ, со слабой взаимодополняемостью национальных экономик и схожестью структур экспорта, с различиями в оценках угроз национальной безопасности, во внешнеполитических приоритетах и ориентации на те или иные центры силы, с борьбой за региональное лидерство и личными амбициями ру-

ководителей государств, с неурегулированностью территориально-пограничных споров и незавершенностью международно-правового оформления государственных границ¹.

Перечисленные факторы в значительной мере определили характер и этапы формирования системы региональной безопасности в ЦА.

Безопасность как двигатель региональной интеграции: ОДКБ и ШОС

Региональное сотрудничество в сфере безопасности наталкивается на множество препятствий и трудностей. Между тем весомым аргументом в пользу кооперации государств региона в этой сфере является существование общих внешних угроз и вызовов, с которыми, как показала практика, ни одна страна не в состоянии справиться в одиночку, какой бы сильной она ни была.

На этом фоне углубление интеграции в сфере безопасности видится как один из эффективных способов решения существующих проблем.

За сравнительно короткий исторический период, измеряемый годами независимости, с участием стран ЦА были созданы различные организации субрегионального и международно-регионального характера, способные послужить реальной опорой в деле обеспечения региональной безопасности и стабильности. К их числу относятся ОДКБ и ШОС, на характеристиках которых и будет сфокусировано наше внимание. Их выбор не случаен: в них представлены два основных игрока мировой политики, находящиеся в непосредственном соседстве со странами ЦА и имеющие в каждой из них свои интересы, — Россия (ОДКБ и ШОС) и Китай (ШОС). Следует отметить, что на сегодняшний день единственным вариантом обеспечения безопасности в ЦА (предполагающего, помимо всего прочего, укрепление таджико-афганской границы) является интеграционное объединение стран региона с участием РФ.

ОДКБ — международная региональная организация, учрежденная участниками Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года с целью его адаптации к современным геополитическим условиям и перевода в реальную плоскость возможностей использования сил и средств коллективной обороны. В начале 1990-х годов ОДКБ была единственным коллективным органом, призванным обеспечивать региональную безопасность.

Устав ОДКБ, подписанный Советом коллективной безопасности 7 октября 2002 года, вступил в силу 18 сентября 2003 года. Членами Организации являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, РФ и Республика Таджикистан; в 2012 году свое участие в ней приостановила Республика Узбекистан.

Сегодня правовую основу функционирования структур Организации определяет Устав, зарегистрированный в ООН, и ряд уставных документов:

- Соглашение о правовом статусе ОДКБ от 7 октября 2002 года (вступил в силу 18 сентября 2003 г.);
- Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности от 11 октября 2000 года;

¹ См.: Бурнашев Р. О возможности системы региональной безопасности в Центральной Азии (Методологические аспекты) // Центральная Азия и Кавказ 2001, № 1 (13).

- Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества от 20 июня 2000 года;
- Соглашение об оперативном оборудовании территории и совместном использовании объектов военной инфраструктуры государств — членов ОДКБ (Астана, 18 июня 2004 г.);
- Соглашение о подготовке военных кадров для государств — членов ОДКБ (Москва, 23 июня 2005 г.);
- Соглашение о порядке оперативного развертывания, применения и всестороннего обеспечения Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности (Минск, 23 июня 2006 г.);
- Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ (Душанбе, 6 октября 2007 г.);
- Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ (Москва, 14 июня 2009 г.);
- Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ (Москва, 10 декабря 2010 г.);
- Соглашения о сотрудничестве государств — членов ОДКБ в области разработки, производства, эксплуатации, ремонта, модернизации и продления сроков эксплуатации и утилизации продукции военного назначения (Москва, 10 декабря 2010 г.);
- Соглашение об общих принципах создания межгосударственных научно-производственных объединений в ОДКБ по выпуску продукции военного назначения (Москва, 10 декабря 2010 г.);
- Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств — членов ОДКБ (Москва, 20 декабря 2011 г.).

ОДКБ является открытой военно-политической организацией, имеющей оборонительный характер. В соответствии с Уставом, ее основными целями являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов. Приоритет в достижении этих целей отдается политическим средствам.

В рамках Организации государства-члены согласовывают и координируют свои внешне-политические позиции по международным и региональным проблемам безопасности (используя в первую очередь консультационные механизмы), объединяют усилия в борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами.

С мая 2001 года в рамках Организации действуют Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР) — по одному батальону от России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Это первый опыт организации многосторонних сил в Центрально-Азиатском регионе. С 2002 года на аэродроме Кант в Кыргызстане на базе российской военно-воздушной базы началось формирование авиационного компонента КСБР; в перспективе в его состав могут войти и подразделения других государств — участников ОДКБ.

4 февраля 2009 года лидеры стран ОДКБ на саммите в Москве одобрили создание Коллективных сил оперативного реагирования; согласно подписанному документу, они будут использоваться для отражения военной агрессии, проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, а также ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Мощный импульс антинаркотическому сотрудничеству придали решения глав государств ОДКБ об усилении борьбы с наркоугрозой. Для координации антинаркотической борьбы на постсоветском пространстве был создан Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) государств — членов ОДКБ, что явилось эффективным ответом транснациональной наркопреступности. Под эгидой КСОПН и во взаимодействии с Секретариатом ОДКБ с 2003 года было проведено несколько успешных оперативно-профилактических операций «Канал» по выявлению и блокированию каналов нелегальной транспортировки афганских наркотиков по так называемому Северному маршруту².

В рамках ОДКБ принимаются активные меры по налаживанию сотрудничества с такими организациями, как КТК СБ ООН, ОБСЕ и ШОС; ведется диалог с НАТО.

Как показывает анализ деятельности ОДКБ, ее перспективными задачами выступают интенсификация военно-политической интеграции стран-участниц, координированное наращивание их потенциала, совершенствование и укрепление военной составляющей Организации. Соответствующее внимание уделяется также усилению военно-технического сотрудничества, совершенствованию взаимодействия между региональными коалиционными силами и средствами, являющимися главными звеньями системы коллективной безопасности, и совместная подготовка военных кадров и специалистов на многосторонней основе.

С началом официального функционирования ОДКБ государства — члены этой Организации вышли на качественно новый этап сотрудничества, который характеризуется углублением многоаспектного процесса создания системы коллективной безопасности.

Юридическое оформление ОДКБ позволяет говорить о создании в регионе полномасштабной структуры обеспечения как национальной, так и региональной безопасности; в деятельности Организации задействованы четкие политические механизмы, которые дают ее членам возможность совершенствовать координацию внешнеполитической активности и развивать военно-политическую интеграцию, укрепляя свой оборонительный потенциал.

В оценке деятельности ОДКБ эксперты расходятся. Некоторые считают маловероятным, что сотрудничество центральноазиатских стран под эгидой этой организации сможет обеспечить создание региональной системы коллективной безопасности. Они ссылаются на такие факты, как приостановка участия в Организации Узбекистана и невхождение в нее Туркменистана, указывают и на российское доминирование в Организации (Россия выступает главным военным и финансовым спонсором сил быстрого реагирования), а также отмечают, что многие решения и документы, подготовленные в рамках ОДКБ, остаются декларативными и фактически не работают. Виной тому они считают различия в финансовых возможностях государств-членов и уровнях боеготовности их вооруженных сил.

По мнению других экспертов, потенциал ОДКБ позволяет говорить о реальном процессе формирования в регионе эффективной системы коллективной безопасности. Они утверждают, что в основе политического фундамента ОДКБ лежат общие подходы и близость взглядов государств-участников на достаточно широкий круг региональных и глобальных проблем, а также общая озабоченность новыми глобальными и региональными вызовами безопасности.

На наш взгляд, другим эффективным инструментом решения актуальных проблем обеспечения безопасности в регионе может выступать ШОС, созданная на базе «Шанхайской пятерки».

² См.: *Одинаева Б.Ф.* Особенности наркоситуации в Центральной Азии и сотрудничество Таджикистана в борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Мат-лы междунар. научн. конф. «Россия и Центральная Азия в условиях геополитической трансформации: внешнеполитическое измерение», Душанбе, 2010. С. 31—33.

Как известно, «Шанхайская пятерка» служила многосторонним механизмом разрешения пограничных вопросов и укрепления безопасности в зоне бывшей советско-китайской границы. В апреле 1996 года в Шанхае состоялась первая встреча руководителей России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, в ходе которой было подписано Соглашение об укреплении доверия в военной области. Через год на саммите в Москве лидеры «пятерки» подписали Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы.

Успешная реализация указанных соглашений и прогресс в решении пограничных вопросов подтвердили целесообразность коллективного взаимодействия в подобном формате, что и послужило импульсом для дальнейшего развития сотрудничества. Саммит «Шанхайской пятерки» в Душанбе в июле 2000 года положил начало ее превращению в региональную структуру многостороннего сотрудничества в более широких масштабах. При этом приоритетными направлениями было объявлено противодействие нетрадиционным угрозам безопасности, возникшим в результате изменения геополитической ситуации в регионе.

В дальнейшем во исполнение решений Душанбинского саммита был разработан ряд многосторонних документов, направленных на интенсификацию взаимодействия государств «Шанхайской пятерки». Прделанная работа позволила лидерам Китая, России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана 15 июня 2001 года принять Декларацию о создании ШОС. В качестве наблюдателей в Организации представлены Монголия, Пакистан, Иран, Индия и Афганистан; партнерами ШОС по диалогу являются Беларусь и Шри-Ланка.

Предоставление статуса наблюдателя таким крупным странам, несомненно, расширяет возможности ШОС в развитии многостороннего взаимовыгодного сотрудничества по различным направлениям.

Сегодня можно констатировать, что ШОС уверенно идет по пути развертывания многостороннего сотрудничества государств-членов по разным направлениям; при этом приоритетное место отводится вопросам безопасности.

С 2004 года работают постоянно действующие органы ШОС — Секретариат в Пекине и Региональная антитеррористическая структура (РАТС) в Ташкенте, которые призваны обеспечивать бесперебойное функционирование Организации.

В рамках Совета министров иностранных дел уже запущен механизм многосторонних консультаций по актуальным международным проблемам современности. Кроме того, осуществляется большая конструктивная работа по развитию международных контактов ШОС. Так, в 2004 году Организация получила статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН; были подписаны меморандумы о взаимопонимании с АСЕАН и СНГ. В 2009 году была принята Резолюция ООН «Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и Шанхайской организацией сотрудничества».

Все это свидетельствует о растущем международном авторитете ШОС.

По итогам саммита, проходившего в июле 2005 года в Астане, стороны приняли «Концепцию сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Как отмечалось в итоговой Декларации саммита, принятие этой Концепции позволит повысить эффективность сотрудничества и придать деятельности РАТС более четкий и целенаправленный характер.

21 апреля 2006 года ШОС анонсировала планы борьбы с международной наркомафией как финансовой опорой терроризма в мире.

В июне 2012 года главы государств — членов ШОС приняли Декларацию о построении в регионе долгосрочного мира и совместного процветания, призванную, в числе прочего, и далее укреплять двустороннее и многостороннее сотрудничество в рамках совместной борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и оружия, иными видами трансграничной преступной деятельности, незаконной миграцией, а также другими новыми вызовами и угрозами безопасности.

Деятельность Организации по борьбе с терроризмом уже приносит плоды. Она помогла предотвратить на территории стран ШОС сотни терактов; спецслужбами стран Организации задержаны или уничтожены десятки главарей террористических формирований.

С момента основания ШОС, в частности в 2011—2012 годах, страны-участницы провели ряд совместных антитеррористических учений. Среди них можно отметить совместное антитеррористическое учение спецслужб и правоохранительных органов государств — членов ШОС «Тянь-Шань-2 /2011/» (на территории КНР), совместные антитеррористические учения компетентных органов государств — членов ШОС «Восток-Антитеррор-2012» (на территории Узбекистана), совместное антитеррористическое командно-штабное учение вооруженных сил государств — членов ШОС «Мирная миссия-2012» (на территории Таджикистана).

Государствами — членами ШОС была принята Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества. В ходе ее реализации налаживается практическое взаимодействие министерств и ведомств, ответственных за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность, транспорт, охрану окружающей среды, ликвидацию чрезвычайных ситуаций, культуру и образование. Организация постепенно становится осязаемым фактором жизни Азиатского континента и располагает значительным потенциалом содействия борьбе с международными вызовами.

Как отмечалось выше, в наши дни основным очагом напряженности в Центрально-Азиатском регионе является Афганистан. Риск дестабилизации этого региона многократно увеличится после вывода войск коалиции в 2014 году. В этой связи резко возрастет роль ШОС: необходимо обеспечить «пояс безопасности» на границах государств — членов Организации с Афганистаном³.

При этом следует учесть, что все страны — соседи Афганистана являются членами или наблюдателями ШОС; к мнению Организации прислушиваются и Пакистан, и Иран, от которых во многом зависит установление стабильности в Центрально-Азиатском регионе.

Предоставление Афганистану статуса государства-наблюдателя позволило ШОС обсуждать с правительством этой страны дальнейшие перспективы совместной работы. Без активного привлечения Афганистана к деятельности ШОС практически невозможно обеспечить безопасность в регионе и бороться с так называемыми «тремя силами зла»: наркоугрозами, терроризмом и сепаратизмом, а также реализовать столь необходимые проекты в области энергетики, транспорта, коммуникаций и создать новый тип модели регионального сотрудничества⁴.

Значительную роль в обеспечении безопасности может сыграть также Контактная группа ШОС — Афганистан. Она была создана в 2005 году для выработки предложений и рекомендаций по осуществлению сотрудничества между ШОС и Афганистаном по вопросам, представляющим взаимный интерес.

ШОС уже провела несколько специальных конференций по вопросам стабилизации в Афганистане. В частности, на конференции по Афганистану под эгидой ШОС 27 марта 2009 года были приняты Декларация специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС, Заявление государств — членов ШОС и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью и План действий государств — членов ШОС и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. В этих документах были обозначены конкретные меры по установлению мира в Афганистане.

³ См.: *Пойя С.* (эксперт Центра изучения современного Афганистана [ЦИСА]). Афганские маршруты на территории ШОС // Афганистан.Ру, 15 июня 2012.

⁴ См.: Там же.

Думается, что взаимодействие ОДКБ и ШОС в противостоянии исходящим из Афганистана угрозам, позволяющее объединить существующие механизмы ОДКБ с международно-политическим весом ШОС, дало бы большие преимущества обеим организациям.

В настоящее время сотрудничество между ШОС и ОДКБ ограничивается подписанным в октябре 2007 года меморандумом о взаимопонимании между Секретариатами организаций. В документе указаны такие сферы взаимного интереса, как обеспечение региональной и международной безопасности и стабильности, противодействие терроризму, борьба с незаконным оборотом наркотиков, пресечение незаконного оборота оружия и противодействие организованной транснациональной преступности.

Еще одним вариантом решения обозначенной выше задачи может стать создание на базе ОДКБ и ШОС коалиции с участием Афганистана и Пакистана. Несомненно, при любом раскладе роль ШОС и ОДКБ на афганском направлении объективно возрастает. ОДКБ способна реально локализовать угрозы региональной безопасности, исходящие из Афганистана, а ШОС, действуя в основном в экономической области, сможет существенно дополнить усилия по решению социально-экономических проблем, что позволит, наконец, приблизиться к развязыванию «афганского узла»⁵.

З а к л ю ч е н и е

В последние годы в ЦА шло формирование сложной системы безопасности (с учетом специфики региона), главными элементами которой выступают ОДКБ и ШОС; ее основной целью является обеспечение необходимых военно-политических и социально-экономических условий для стабильного развития центральноазиатских государств. При этом следует отметить, что к числу составляющих этой системы многие причисляют также американское военно-политическое присутствие в регионе.

На наш взгляд, система региональной безопасности, в функционировании которой участвуют государства как регионального, так и глобального уровня, наиболее полно отвечает современным реалиям. Ведь при обеспечении безопасности наряду с факторами регионального измерения должно также учитываться то обстоятельство, что ЦА является частью международного сообщества.

Более того, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в сегодняшнем мире, характеризующемся взаимозависимостью стран и народов, нет альтернативы многостороннему сотрудничеству. Это относится и к сфере безопасности: изолированность друг от друга обязательно приведет к тупиковой ситуации.

Дальнейшая интеграция в обеспечении безопасности важна для эффективного противодействия сохраняющимся в регионе угрозам. Проблем, стоящих перед Центрально-Азиатским регионом (как внешних, так и внутренних), очень много, и государства региона должны найти адекватные ответы на эти угрозы. В противном случае ЦА будет продолжать оставаться зоной нестабильности.

⁵ Козырев Н. ОДКБ и ШОС: возможная роль в развязывании «афганского узла» [<http://aoganesyan.interaffairs.ru/read.php?item=526>], 22 декабря 2010.

АФГАНСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ПРИОРИТЕТЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Иномжон БОБОКУЛОВ

доктор юридических наук,
доцент Университета мировой экономики и дипломатии
(Ташкент, Узбекистан)

АННОТАЦИЯ

Рассматривается «афганская трансформация» и ее проявления в отдельных сферах: безопасности, политике и экономике. Ее побудительным мотивом выступает вывод международных сил из Афганистана. Однако этот процесс носит всеобъемлющий и системный характер и непосредственно

влияет на ключевые аспекты жизнедеятельности общества, а также, в силу особого геополитического положения Афганистана, на ситуацию в Центральной и Южной Азии. Основным фактором современной внутриафганской ситуации является политическая и этническая фрагментированность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

афганская трансформация, афганская национальная армия и полиция, «афганизация» конфликта, вооруженная оппозиция, «талибанизация», политический диалог, внутриафганские акторы, национальная безопасность, международное сообщество.

В отличие от других войн, афганские войны становятся серьезными только после их завершения.

*Сэр Олаф Кэррой*¹

Введение

Нынешняя патовая ситуация, сложившаяся в результате попытки силового развязывания «афганского узла», вновь демонстрирует миру бесперспективность военного решения проблемы. Миссия в Афганистане, а скорее очередная иностранная военная интервенция, начиналась вполне успешно: меньше чем за три месяца при участии (всего лишь!)²

¹ Губернатор Северо-западной пограничной провинции Британской Индии (1946—1947).

² Для сравнения: в настоящее время для борьбы с вооруженной оппозицией или ее сдерживания задействованы около 100 тыс. военнослужащих международных сил (на пике иностранного военного присутствия — до 140 тыс.) и более 350 тыс. афганцев (национальная армия и полиция), не считая контрактников охранных фирм и ополченцев.

«100 офицеров Центрального разведывательного управления, 350 солдат специальных сил США и 15 тыс. афганцев»³ режим талибов был свергнут. В сформированном переходном «коалиционном» правительстве участвовали все, кроме движения «Талибан», политические силы⁴. Однако, бурно радуясь успеху, руководители и идеологи операции в очередной раз проигнорировали важное предостережение, которое давно уже подтвердилось историческими примерами печальной судьбы всех подобных действий в отношении афганского народа.

Афганистан — «сердце Азии», и в этом заключается его историческое предназначение. «Процветание Афганистана, — писал Мухаммад Икбал Лахорий, — приведет к процветанию Азии, а его упадок — к упадку Азии»⁵.

Эти слова отца-основателя Пакистана, поэта и философа, актуальны и сегодня: в свете предстоящего вывода коалиционных сил из Афганистана они выступают важным напоминанием для всех, кто обсуждает перспективы безопасности Центральной Азии и не только ее.

Лиссабонский саммит НАТО (2010 г.), прошедший под лозунгом «афганизации» конфликта, установил окончательный срок вывода из Афганистана Международных сил содействия безопасности (МССБ). Очередное иностранное вмешательство, стоившее жизни более чем 100 тыс. афганцев и 3 тыс. солдат коалиционных сил, вступило в свою «завершающую» фазу: миссию, заключающуюся в свержении режима талибов и устранении лидера «Аль-Каиды», решено считать выполненной.

Тем не менее мир в Афганистане так и не наступил. Политическая ситуация в стране остается хрупкой, и ее перспективы отнюдь не обнадеживают. На фоне предстоящего вывода МССБ и грядущих президентских выборов усиливается борьба за власть и влияние между политическими силами, принадлежащими к различным этническим/конфессиональным группам. Достигнутые положительные результаты «ссыдаются» высоким уровнем коррупции⁶.

Несмотря на усилия международного сообщества, афганские национальная армия и полиция (АНАП), увязшие в паутине внутренних проблем, вряд ли готовы и способны эффективно бороться с вооруженной оппозицией. При таком раскладе позиции и влияние «Талибана» как субъекта возможного политического диалога с властями усиливаются.

Возникшая ситуация во многом напоминает недавнюю страницу афганской истории, связанную с выводом из этой страны советских войск. Афганская трансформация, в которой многие видят вынужденную и необходимую меру для выхода из сложившейся ситуации, вызывает определенное ощущение *déjà vu*.

³ Jones S.G. The Rise of Afghanistan's Insurgency: State Failure and Jihad // International Security, Spring 2008, Vol. 32, No. 4. P. 7.

⁴ Лахдар Брахими, спецпредставитель Генерального секретаря ООН по Афганистану и архитектор первого Боннского соглашения, постфактум называл исключение «Талибана» из Боннского соглашения и, соответственно, из процесса формирования переходного правительства ошибкой (см.: Brahimi L. A New Path for Afghanistan // Washington Post, Sunday, 7 December, 2008). А. Дуррани, бывший руководитель Межведомственной разведки Пакистана (ISI) также утверждает, что в 2002 году предложение талибов о сотрудничестве было отвергнуто кабульским режимом (см.: Дуррани А. Афганистан после ухода НАТО: последствия для региональной безопасности // Россия в глобальной политике, ноябрь — декабрь 2012, Т. 10, № 6. С. 147).

⁵ Цит. по: Выступление Х. Карзая на открытии Стамбульской конференции по Афганистану: Безопасность и сотрудничество в сердце Азии, 2 ноября, 2011 [<http://www.gmic.gov.af/english/index.php/features/249--statement-by-hamid-karzai-atistanbul-conference-for-afghanistan>].

⁶ Афганистан занимает 180 место среди 183 государств мира по уровню коррупции (см.: Gannon K. Taliban Popular Where U.S. Fought Biggest Battle // The Washington Times, 11 December 2012 [<http://www.washingtontimes.com/news/2012/dec/11/taliban-popular-where-us-fought-biggest-battle/>]).

Трансформация в сфере безопасности

Отправной точкой и движущей силой афганской трансформации выступает вывод из страны международных сил⁷. В нынешнем внутриафганском контексте этот процесс носит всеобъемлющий и системный характер и непосредственно влияет на ключевые аспекты жизнедеятельности общества; в силу особого геополитического положения Афганистана он отражается и на стабильности и безопасности Центральной и Южной Азии.

Подобное положение объясняется прежде всего тем, что на современном этапе МССБ выступают эффективным инструментом противодействия вооруженной афганской оппозиции: присутствие коалиционных сил сообщает относительную стабильность политической системе страны. Более того, наличие иностранного воинского контингента, обеспечивающего функционирование «военной экономики» Афганистана, представляет собой важное средство формирования бюджета страны и важный источник доходов населения. В существующей ситуации непереносимым условием афганской трансформации является, наряду с обеспечением безопасности, осуществление политических и экономических преобразований.

Краеугольный камень трансформации в этой сфере — «афганизация» конфликта (т.е. возложение ответственности за внутреннюю и внешнюю безопасность страны на плечи самих афганцев) и достижение самостоятельности АНАП. Под самостоятельностью в данном случае подразумеваются боеспособность и эффективность афганской армии и полиции.

В настоящее время численность АНАП — «основы долгосрочной безопасности и стабильности Афганистана»⁸ — составляет 352 тыс. чел., из которых 195 тыс. числятся в армии и 157 тыс. — в полиции⁹.

Военный бюджет ИРА, формируемый за счет международной помощи, составляет около 4 млрд долл. Создана система военного образования: функционируют Национальный оборонный университет, Национальная военная академия и центр грамотности; формируется система подготовки сержантов — «станового хребта афганской армии»¹⁰. Афганские военнослужащие проходят регулярную стажировку в государствах — членах НАТО.

Тем не менее вопрос о способности АНАП самостоятельно противостоять вооруженной оппозиции после 2014 года остается предметом острой дискуссии внутри экспертного сообщества. Сказать на этот счет что-то определенное и не вызывающее возражений невозможно в силу как внешних условий, так и реалий современной внутривнутриполитической жизни страны.

Эффективность — это прежде всего способность АНАП осуществлять военные операции без внешней поддержки; она подразумевает главным образом внутреннюю сплоченность и единство самой армии и полиции. Последнее, в свою очередь, зависит от общности целей и задач на национальном уровне. Иными словами, достижение эффективности Вооруженных сил должно зиждиться на двух основах — материальной и духовной (идеологической).

Жизнеспособность афганских Вооруженных сил (и сегодня, и после 2014 г.) напрямую зависит от внешней финансовой помощи. Корни этой зависимости достаточно глубоки и во

⁷ Разработан трехэтапный план вывода МССБ. С выводом 650 военнослужащих США из провинции Парван к северу от Кабула в июле 2011 года началась его первая фаза (см.: Afghanistan, an IHS Jane's Special Report, October 2011. P. 26).

⁸ Report on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan, United States Plan for Sustaining the Afghanistan National Security Forces. USA: Department of Defense, April 2012. P. 4.

⁹ См.: Ibidem.

¹⁰ The Economist, 27 October — 2 November 2012. P. 55.

многим связаны с искусственным изменением естественного хода развития страны, испытавшего значительное влияние британской колониальной политики.

Ключевым фактором укрепления материально-технической базы Вооруженных сил, а также гарантией полного контроля над ними со стороны властей являются стабильность и непрерывность вышеупомянутой помощи. Отсутствие ее может привести к ослаблению позиции Кабула в силовых структурах и установлению контактов отдельных групп внутри армии и полиции с вооруженной оппозицией.

В современной истории Афганистана подобные примеры уже наблюдались: например, падение режима Наджибуллы (март 1991 г.) стало следствием, главным образом, прекращения помощи ему со стороны СССР (декабрь 1990 г.). В этой связи решение Токийской конференции государств-доноров по Афганистану относительно выделения ему 16 млрд долл. служит своего рода сигналом как для правительства страны, так и для вооруженной оппозиции. При этом главной проблемой для государств-доноров, как и прежде, остается отсутствие реальной борьбы с коррупцией и эффективного механизма реализации международной помощи.

Согласно последнему докладу Пентагона, только одна из 23 бригад Афганской национальной армии (АНА) способна действовать самостоятельно, без поддержки МССБ¹¹. При этом особо подчеркивается отсутствие тяжелого вооружения и полная зависимость от воздушной поддержки сил НАТО. К настоящему времени все операции осуществляются при воздушной поддержке международных сил. Имеющиеся в распоряжении афганской армии самолеты (30 ед.) и вертолеты (50 ед.) «либо неисправны, либо практически полностью выработали свой ресурс и нуждаются в капитальном ремонте»¹².

Конфигурация политической власти Афганистана как бы отображает географический ландшафт страны, от которого во многом зависит жизнь общества — именно этот фактор обусловил определенное этническое, религиозное, культурное и даже цивилизационное разнообразие Афганистана. События последних лет нарушили хрупкий баланс, существовавший между различными компонентами многонационального афганского общества. В армии и полиции, как составных частях и производных общества, отражается и воспроизводится комплексный, противоречивый характер межэтнических и межконфессиональных отношений в стране.

Регулярная армия — атрибут суверенного государства и гарантия стабильности режима; ее объединительной силой является наличие единой общенациональной цели. Однако исторически сложилось так, что для сохранения своей власти и обеспечения межнационального баланса политические режимы опирались на нерегулярные силы в лице ополченцев, принадлежащих к различным группам, или специально созданных для этих целей военизированных подразделений¹³. Причем последние выступали надежным инструментом подавления национальных/народных волнений.

¹¹ См.: *The Economist*, 12—18 January 2013. P. 48.

¹² Карнов А. Перспективы развития военно-политической обстановки в Афганистане в связи с выводом иностранных войск // *Зарубежное военное обозрение*, 2012, № 7. С.13. В настоящее время ВВС Афганистана расквартированы главным образом в Баграме (более 40 единиц), Кандагаре и Шиндане. Их возможности расширяются за счет объектов в Герате, Мазари-Шарифе и Желалабаде.

¹³ Подобная практика берет свое начало от отца-основателя Афганистана Ахмада Шаха Дуррани, который активно использовал кызылбашей и кохистанцев в качестве противовеса пуштунским племенным армиям. Подобная же роль отводилась специальной гвардии Наджибуллы, в значительной степени состоявшей из этнических таджиков и не подчинявшейся ни Министерству обороны, ни Министерству внутренних дел. 53-я дивизия А. Достума (в конце 1980-х гг.), численность которой достигала 40 тыс. чел. (1991 г.), служила опорой режима и его единственно действенным мобильным резервом (см.: *Rubin B.R. The Fragmentation of Afghanistan*. 2nd ed., Yale University Press, 2002. P. 157, 160).

Тем не менее формирование регулярной армии всегда оставалось в центре внимания афганских правителей. Впервые такую попытку предпринял в конце XIX века эмир Абдурахман-хан (1880—1901 гг.), считавший армию ключевым инструментом укрепления централизованного афганского государства. Материальная обеспеченность¹⁴ и рациональное отношение к традиционной роли местных обществ в этом процессе обеспечили относительную успешность данного мероприятия¹⁵.

Еще одна подобная попытка связана с именем Амануллы-хана (1919—1929 гг.), который ввел лотерейную систему призыва. Лотерея разыгрывалась среди носителей идентификационных карточек и исключала участие в ней старейшин, что стало причиной недовольства и народных восстаний.

Усилия коммунистов по внедрению обязательной воинской повинности посредством предоставления различных льгот и привилегий также не привели к желаемым результатам¹⁶. Попытки талибов стали причиной бунта, вспыхнувшего в 1997 году в самом сердце режима — Кандагаре, когда от рук восставших погибли вербовщики; позже эти попытки привели к смещению губернаторов Пактии, Хоста, Пактики и Гардеза в результате ультимативного требования племенных лидеров этих провинций (2000 г.)¹⁷.

И логически, и исторически подобное явление в афганском обществе, скорее, закономерно. Стабильно сокращается количество призывников из южных провинций Афганистана, населенных преимущественно пуштунами: Кандагара, Гильменда, Урузгана, Заболя, Пактики и Газни. В этих провинциях проживает 17% населения страны, однако в общей численности призывников их доля составляет лишь 1,5%¹⁸. Такая тенденция — одна из причин этнического дисбаланса¹⁹ и фрагментации в Вооруженных силах, что чревато негативными последствиями.

Тем не менее использование нерегулярных сил остается неотъемлемым явлением современного Афганистана. В частности, при непосредственной поддержке специальных сил США формируется и активно используется местная афганская полиция (МАП). Она служит опорой стабильности в афганском селе, а ее ряды пополняются за счет местных жителей.

Нерегулярные силы пользуются значительной самостоятельностью. Более того, они во многом выступают конкурентом регулярных сил. Правительство Карзая лишь под давлением согласилось на создание местной полиции и сегодня обвиняет США «в создании параллельных групп и структур», неподконтрольных властям²⁰.

¹⁴ Британские субсидии, своего рода вознаграждения за буферный статус Афганистана, активно использовались для содержания армии, набранной по призыву. Начиная с 1882 года, эмир Абдурахман-хан получал ежегодную субсидию в размере 1,2 млн индийских рупий, размер которой увеличился до 1,8 млн после подписания соглашения о так называемой линии Дюранда в 1893 году (см.: *Rubin B.R.* Op. cit. P. 49).

¹⁵ Традиционно афганские племена наделялись определенными государственными функциями: на них возлагалось взимание дани и налогов, они отвечали за явку на войну рядовых членов племени и т.д. Абдурахман-хан не нарушил эту традицию, сохранив ведущую роль старейшин деревни или клана. Он использовал систему косвенного призыва, согласно которому кандидатура призывника определялась посредством выбора одного человека от каждой группы из восьми человек. При этом остальные семьи должны были платить за его содержание, что также способствовало увеличению денежных поступлений в казну (см.: *Темирханов Л.* Восточные пуштуны (основные проблемы новой истории). М.: Наука, 1987. С. 7; *Rubin B.R.* Op. cit.).

¹⁶ В частности, в 1987 году 92% всех призывников составили выходцы из Кабула (см.: *Arnold A.* The Ephemeral Elite: The Failure of Socialist Afghanistan. В кн.: *The Politics of Social Transformation in Afghanistan, Iran, and Pakistan* / Ed. by M. Weiner, A. Banuazizi. Syracuse: Syracuse University Press, 1994. P. 58).

¹⁷ См.: *Rashid A.* Taliban: The Power of Militant Islam in Afghanistan and Beyond. London — New-York: I.B. Tauris, 2010. P. 80, 103.

¹⁸ См.: Afghanistan, an IHS Jane's Special Report. P. 27.

¹⁹ В настоящее время в армии и полиции, в том числе в офицерском корпусе (включая высший офицерский состав), преобладают этнические таджики.

²⁰ *The Economist*, 2—8 March 2013. P. 56.

На пути трансформации и достижения эффективности Вооруженных сил стоят такие проблемы, как дезертирство, неграмотность²¹, употребление наркотиков среди личного состава, низкий уровень управления, коррупция и связь с криминальными группировками. Наиболее серьезной проблемой является дезертирство. Например, в первой половине 2011 года каждый седьмой военнослужащий самовольно оставил военную службу²². В 2012 году этот показатель составил около 10%. В некоторых случаях численность призывников и дезертиров оказывается одинаковой. Основными причинами высокого уровня дезертирства являются опасения военнослужащих за жизнь своих близких, которым могут угрожать талибы; нежелание служить вдали от родных мест; материальные трудности; этнические противоречия и др.

2 мая 2012 года между США и Афганистаном было подписано двустороннее соглашение о стратегическом партнерстве. Согласно этому документу, американским военнослужащим предоставляется доступ к объектам, принадлежащим афганским Вооруженным силам²³.

После 2014 года миссия американских военнослужащих будет заключаться в обучении АНАП и противодействии «Аль-Каиде». Детали этого вопроса должны были быть закреплены в отдельном специальном двустороннем договоре по безопасности, относительно условий которого стороны пока не достигли соглашения. Предмет споров — пункты, касающиеся статуса американских военнослужащих²⁴, закрытия всех американских тюрем/центров принудительного содержания на территории Афганистана и передачи задержанных афганским властям. В свою очередь, возможность предоставления иммунитета американским военнослужащим рассматривается афганскими властями в увязке с указанными требованиями.

Политическая трансформация — основа внутриафганской стабильности

Назначение политической системы состоит в реализации государственной власти, то есть определении общенациональных целей и задач, перераспределении материальных благ и обеспечении безопасности. Таким образом, государственная власть, имеющая в своем распоряжении все легитимные силы и средства, выступает в роли главного элемента политической системы и является гарантом ее стабильности. От устойчивости политической системы зависят стабильность экономической системы и эффективность системы безопасности.

Согласно этой логике, центральное место в системе приоритетов афганских преобразований должно было принадлежать политической трансформации, однако проблемы безопасности отодвинули ее на задний план.

Ключевыми вопросами (приоритетами) политической трансформации являются проведение в 2014 году президентских выборов и установление политического диалога с движением

²¹ В 2012 году более 112 тыс. чел., то есть 1/3 часть всего АНАП, записались на курсы грамотности, организованные в рамках программы обучения НАТО (см.: Report on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan. Department of Defense. P. 5).

²² См.: Afghanistan, an IHS Jane's Special Report. P. 26.

²³ См.: Enduring Strategic Partnership Agreement between the United States of America and the Islamic Republic of Afghanistan [<http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/2012.06.01u.s.-afghanistanspasignedtext.pdf>].

²⁴ Б. Обама в ходе визита Х. Карзая в Вашингтон заявил: «Мы не можем заключать договор о безопасности ни с каким государством, не обеспечивая неприкосновенности [иммунитета от преследования местными властями] наших солдат» (Afghanistan: Obama Wants Immunity for Soldiers Who Remain after 2014 [<http://theaseantimes.com/4971/afghanistan-obama-wants-immunity-for-soldiers-who-remain-after-2014/>]).

«Талибан». Решение этих равноценных и взаимосвязанных задач во многом находится в руках самих афганцев (в отличие от проблем в сфере безопасности) и зависит от их политической воли, желания и умения найти компромисс и консолидации внутриполитических сил.

Первое централизованное национальное афганское государство было создано в 1747 году, и с тех пор вся власть в стране (военная, экономическая и идеологическая) концентрировалась в руках одного человека. На первом месте стояли узкие интересы семьи, клана или племени; наиболее значимыми факторами организации общественной и государственной жизни выступали покровительство, родство и семейственность.

В этой связи Н. Шахрани отмечает: «Фундаментальной причиной неудачи в Афганистане является нежелание или неспособность руководства сместить фокус с племенной политической культуры, основанной на власти одного человека, на широкую, более инклюзивную, всеобщую национальную политику, основанную на развитии современных национальных институтов и идеологий»²⁵.

В таких условиях существенными вопросами политической стабильности выступают преемственность и легитимность власти. С 1933 года в Афганистане не было ни одного примера мирной передачи власти (если не считать «мирной передачи» ее от Б. Кармаля М. Наджибулле), и, если президентские выборы 2014 года пройдут легитимно, это станет беспрецедентным событием в современной истории страны.

Согласно действующей Конституции Афганистана, одно и то же лицо не может быть избрано президентом более чем на два срока подряд. Данное конституционное положение ставит правовой заслон выдвижению на третий срок действующего главы государства Х. Карзая. Однако у оппозиции и международного сообщества вызывают опасение некоторые аспекты афганской политической жизни.

В декабре 2012 года Х. Карзай внес на рассмотрение парламента законопроект, предусматривающий установление новых ограничений (избирательного ценза) для кандидатов на пост главы государства. Согласно этому законопроекту, кандидат должен свободно владеть двумя языками (дари и пушту), иметь стаж государственной службы не менее 10 лет, иметь университетский диплом, не иметь инвалидности/физических недостатков и т.д.

Афганистан занимает второе место (после Камбоджи) по количеству инвалидов на душу населения, а Кабул — наиболее заминированная столица в мире²⁶. Многие ведущие политические деятели (в частности, бывший министр внутренних дел Ханиф Атмар и бывший спикер парламента Юнус Кануни) и потенциальные кандидаты в президенты имеют физические недостатки, приобретенные ими в боях или в результате терактов. Требование, касающееся стажа административной работы, реально отстраняет от участия в выборах представителей «Талибана». Что касается положения о наличии университетского диплома, то оно «изымает» из списка, главным образом, полевых командиров (которые все эти годы оставались в Афганистане) и расширяет возможности технократов или «западников».

Следует отметить, что «истинный замысел» указанного акта расценивается многими как попытка устранить неугодных Х. Карзаю людей от участия в избирательной кампании на пост главы государства и создать необходимую почву для его «преемника/избранника». На фоне отказа брата Х. Карзая Махмуда Карзая от гражданства США ради активного участия в политической жизни страны²⁷ и его заявления о готовности поддержать Абдула Каюма (второго

²⁵ *Shahrani N.* Resisting the Taliban and Talibanism in Afghanistan: Legacies of a Century of Internal Colonialism and Cold War Politics in a Buffer State [<http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/01/M.-NAZIF-SHAHRANI.pdf>].

²⁶ См.: *Stern J.E.* Karzai's Stealth Bid to Fix the Elections, December 18, 2012 [http://afpak.foreignpolicy.com/posts/2012/12/18/does_afghanistan_need_a_dictator].

²⁷ Накануне президентских выборов в 2009 году был принят закон, запрещающий участвовать в выборах лицам с двойным гражданством. В результате некоторые из претендентов, в том числе Али Джалали, бывший министр внутренних дел Афганистана (2003—2005), не имели возможности участвовать в выборах.

брата Х. Карзая) в случае его баллотирования на пост президента подобные предположения не выглядят такими уж беспочвенными.

Кроме того, в указанных тенденциях все отчетливее просматриваются контуры политической борьбы, наиболее «значимым» сегментом которой традиционно выступает «этнический фактор». Совет по сотрудничеству афганских политических партий и альянсов (ССАП-ПА), объединяющий 21 политическую партию и 30 общественных организаций, представляет собой реальную политическую силу²⁸. «Национальный фронт» заявляет о выдвижении единого кандидата на предстоящих президентских выборах²⁹.

«К 2015 году «Талибан», «Хезб-е-Ислами» и другие вооруженные группы откажутся от вооруженного противостояния, трансформируются из военных образований в политические и будут принимать активное участие в политической и конституционной жизни страны, включая национальные выборы. ...Силы НАТО/АЙСАФ покинут Афганистан, оставляя афганские национальные силы безопасности в качестве единственно законной вооруженной силы, призванной обеспечивать безопасность и защиту афганского населения»³⁰. Оптимизм Высшего совета мира Афганистана, звучащий в этом «прогнозе», обусловлен надеждой на установление конструктивного диалога с вооруженной оппозицией.

Диалог с вооруженной оппозицией — неотъемлемый компонент достижения стабильности в Афганистане, и все стороны конфликта, коими являются официальный Кабул, США/НАТО, «Талибан» и Пакистан, рассматривают эту возможность сквозь призму собственных интересов.

В 2010 году был создан Высший совет мира Афганистана, призванный налаживать политический диалог с вооруженной оппозицией. Приоритетными направлениями его деятельности являются реинтеграция, предполагающая включение представителей вооруженной оппозиции в афганское общество, и примирение, под которым понимается их вовлечение во власть.

Кроме того, при финансовой поддержке международного сообщества реализуется Программа афганского национального мира и реинтеграции, которая стала идейным продолжением инициативы афганского правительства «Мир посредством укрепления»³¹.

Тем не менее ряд внутренних и внешних факторов препятствует достижению согласия в Афганистане. К ним следует отнести коррупцию, отсутствие правопорядка и стабильности (что связано с неспособностью властей взять ситуацию под контроль), отчуждение власти от населения и т.д.

Силы, действующие на афганской политической сцене, неоднородны. Помимо занимающих главенствующее положение правительства Х. Карзая и так называемого «Северного альянса» в стране существуют и другие политические партии и институты гражданского общества; основной «антиталибовской оппозицией» выступает ССАППА. Важнейшим внешним фактором остается Пакистан, позиция которого по ключевым вопросам расходится с интересами как официального Кабула, так и США.

²⁸ В рядах Совета присутствуют такие политические тяжеловесы, как Абдулла Абдулла, Абдул Рашид Достум, Мохаммад Мохаккик, Ахмад Зия Масуд, Амрулла Салех, Ханиф Атмар, Атта Мухаммад Нур и др.

²⁹ Афганская оппозиция выдвинет на президентские выборы единого кандидата, 28 января 2013 года [<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1359361920>].

³⁰ Peace Process Roadmap to 2015, High Peace Council, November 2012 [http://www.foreignpolicy.com/files/121213_Peace_Process_Roadmap_to_2015.pdf].

³¹ Результатом этих двух программ стали реинтеграция более 5 тыс. человек в мирную жизнь (см.: Afghanistan, an IHS Jane's Special Report. P. 27). Однако усилия по реинтеграции не дают желаемых результатов. Реинтегрированные представители вооруженной оппозиции, будучи рядовыми бойцами, не имеют права голоса в принятии политических решений. К тому же многие из них возвращаются обратно в ряды «Талибана».

Неизменным условием движения «Талибан» остается уход всех иностранных войск с территории Афганистана. Это требование идет вразрез с афганской стратегией США, предусматривающей дальнейшее присутствие в стране войск коалиции.

По словам Асада Дуррани, сохранение «операционных войск» на базах в Афганистане — «это уже фактически гарантия того, что конфликт в этой стране будет перманентным. ... По сути, одна из сторон должна полностью и окончательно уйти из Афганистана»³².

Таким образом, возникает своего рода порочный круг: с одной стороны, для вывода иностранных войск необходимо установление политического диалога с движением «Талибан», а с другой — переговоры начнутся лишь после того, как силы США и НАТО покинут Афганистан.

В свою очередь, основные требования США и правительства Карзая заключаются в разрыве отношений «Талибана» с «Аль-Каидой» и уважении действующей Конституции Афганистана, в которой особое место отводится правам женщин.

В данной связи возникает справедливый вопрос: «Насколько эти предварительные условия приемлемы для талибов, которые, согласно оценкам председателей комитетов по разведке Палаты представителей и Сената США, стали сильнее, чем были в том же 2009 году, то есть до отправки дополнительных американских войск в Афганистан?»³³

По мнению эксперта Фонда международного мира Карнеги Эшли Теллис, принятие этих условий «Талибаном» было бы равносильно признанию поражения после десятилетней войны³⁴. Кроме того, объявленная стратегия вывода коалиционных войск может вызвать дезинтеграцию и фрагментацию внутривнутриполитических сил; одновременно она способна усилить активность повстанческих групп.

«Талибан» не является монолитной организацией³⁵. Под афганской вооруженной оппозицией подразумевается собственно «Талибан» со штаб-квартирой (шурой) в Кветте, «Сеть Хаккани»³⁶ (наиболее боеспособная и радикальная часть движения), а также «Хезб-е-Ислами» (Исламская партия Афганистана) Г. Хекматияра. Наряду с Кветтской функционируют также «фронтовые шуры».

Между тем исследователи, ссылаясь на результаты бесед с представителями «Сети Хаккани» и «Хезб-е-Ислами», утверждают, что эти группы готовы к переговорам и к признанию ведущей роли Кветтской шуры в переговорах³⁷. Однако речь идет о прямых переговорах не с коррумпированным марионеточным Кабулом, а с Вашингтоном.

Штаб-квартира командования вооруженной оппозиции находится непосредственно на территории Исламской Республики Пакистан (ИРП). Данное обстоятельство свидетельствует о «технической невыполнимости» и «нереалистичности» поражения «Талибан» в его пакистанском «убежище»³⁸. К тому же это позволяет Пакистану манипулировать действиями дви-

³² Время США прошло. Экс-глава разведки Пакистана Асад Дуррани о войне, которую ведут Вашингтон с Исламабадом // Российская газета, 16 ноября 2011, № 5633 (257).

³³ Smith J.M., La Manno G. India Key to U.S. Afghan Success // The Diplomat, 2 June 2012 [http://afpak.foreignpolicy.com/posts/2012/12/18/does_afghanistan_need_a_dictator].

³⁴ См.: 2014 and Beyond: U.S. Policy Towards Afghanistan and Pakistan. Testimony by Ashley J. Tellis, House Committee on Foreign Affairs, Subcommittee on the Middle East and South Asia, 3 November 2011 [http://carnegieendowment.org/files/1103_testimony_tellis.pdf].

³⁵ См.: Pickering Th.R. Negotiating Afghanistan: When? With Whom? About What? // PRISM 3, 2012, No. 1. P. 24; Мендкович Н., Нессар О. Афганские талибы в Пакистане — структура и стратегия, 4 июня 2012 [http://www.centrasia.ru/news.php].

³⁶ М. Муллен, тогдашний председатель Объединенного комитета начальников штабов США, назвал «Сеть Хаккани» «надежной рукой» Межведомственной разведки ИРП (см.: Special Report, Pakistan // The Economist, 11 February 2012. P. 5).

³⁷ См.: Pickering Th.R. Op. cit.; 2014 and Beyond: U.S. Policy Towards Afghanistan and Pakistan.

³⁸ U.S. Afghan Policy: The Big Questions. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 9 November 2009. P. 10. По выражению Дорронсоро, «Пакистан буквально держит в своих руках ключ к переговорам с верхушкой

жения «Талибан» (главным образом его высшего руководства) и вооружает его инструментами влияния на США и Кабул.

В настоящее время многие представители движения, включая бывших министров и губернаторов³⁹, находятся в пакистанских тюрьмах. В 2010 году пакистанскими спецслужбами был задержан мулла Мухаммад Барадар — второй человек в иерархии «Талибана» после муллы Омара. Таким образом пакистанские власти дали понять талибам, Кабулу и США, что они не позволят исключить Исламабад из переговорного процесса. О признании действенной роли этой страны в переговорном процессе свидетельствует целый ряд политических событий: визит руководителя Высшего совета мира С. Раббани в Исламабад и включение ИРП в постоянную рабочую группу по «дорожной карте» Совета, встреча глав государств и специальных служб в Лондоне и др.

Следует отметить тот факт, что в 1988 году Женевские соглашения были подписаны между двумя сторонами — Афганистаном и Пакистаном. Моджахеды при подписании соглашений в Женеве не присутствовали. В отличие от той ситуации, на возможных будущих переговорах «Талибану» отводится ключевая позиция.

Таким образом, Пакистан никогда не откажется от поддержки движения «Талибан» или любой иной группы («Хезб-е-Ислами» или «Сети Хаккани»). Эти третьи силы выступают действенным инструментом обеспечения национальной безопасности ИРП⁴⁰ и умело используют им в реализации своих жизненно важных интересов, к которым следует отнести следующие:

- установление в Афганистане лояльного Пакистану (т.е. неподконтрольного Индии) правительства, не оспаривающего легитимность линии Дюранда (линии пакистано-афганской государственной границы);
- предотвращение появления враждебного «индийского кольца» вокруг Пакистана;
- использование Афганистана в качестве «стратегического тыла» в войне с Индией.

В современных условиях многое зависит от того, сможет ли Пакистан заставить «Талибан» сесть за стол переговоров, что, в свою очередь, объективно отвечает его коренным интересам. Не следует забывать, что проект под названием «Талибан» может дать обратный эффект и вызвать обострение внутривнутриполитической нестабильности в Пакистане.

В целом же конфликт в Афганистане способствовал росту межэтнического/межконфессионального насилия, распространению религиозного экстремизма и «талибанизации» пакистанского общества.

Экономическая трансформация: переход от «военной» к «мирной экономике»

Главными задачами экономической трансформации выступают перевод «военной экономики» Афганистана на рельсы «мирной экономики», предотвращение утечки капитала, борьба

движения «Талибан» (см.: *Dorransoro G. Afghanistan: At the Breaking Point*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. P. 35).

³⁹ В частности, бывший министр обороны движения «Талибан» мулла Обайдурра Ахунд скончался в пакистанской тюрьме (см.: *Мендкович Н., Нессар О.* Указ. соч.).

⁴⁰ Ахмед Рашид отмечает, что внешняя политика Пакистана до сих пор глубоко укоренена в синдроме холодной войны (см.: *Pakistan on the Brink: The Future of America, Pakistan, and Afghanistan*. Transcript by Federal News Service. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 22 March 2012. P. 1).

с коррупцией, повышение эффективности механизма оказания и использования международной помощи и т.д.

«Главная слабость»⁴¹ экономики Афганистана заключается в ее зависимости от внешней помощи. Согласно данным Всемирного банка, в 2010 году иностранная помощь Афганистану составила 15,7 млрд долл., что равнялось ВВП страны⁴².

В качестве альтернативы присутствию коалиционных сил и, соответственно, «военной экономике» Афганистана рассматривается проект «Новый Шелковый путь», поддерживаемый администрацией Б. Обамы. Однако, по мнению исследователей, данная инициатива финансово не обеспечена⁴³ и представляет собой «скорее видение — или принятие желаемого за действительное, чем четкую и реалистичную стратегию»⁴⁴.

С другой стороны, стратегия «Нового Шелкового пути» — это признание невозможности развития Афганистана без экономической кооперации и, в дальнейшем, интеграции его инфраструктуры в транспортные коммуникации региона. Афганистан обладает реальными возможностями для того, чтобы стать важным звеном в развитии альтернативных транспортных коридоров, энергетической системы, региональной торговли и диверсификации транзита центральноазиатских углеводородных ресурсов на мировой рынок (в данном случае интересы Центральной Азии и Афганистана в вопросах безопасности совпадают).

Не вызывает сомнений, что мир в Афганистане может быть достигнут с помощью непосредственного вовлечения этой страны в региональное сотрудничество.

Однако реализация экономических проектов, в том числе и стратегии «Нового Шелкового пути», непосредственно зависит от внутривластной стабильности/эффективности государственного управления и безопасности территорий. В условиях Афганистана эти дополняющие друг друга направления трансформации предполагают синхронность предпринимаемых в их рамках мер. Поэтому, не опровергая мнения некоторых исследователей относительно первичности экономических преобразований⁴⁵, мы считаем, что главным условием успешной реализации тех или иных проектов является наличие эффективного правительства и достижение необходимого уровня безопасности.

Реализации стратегии «Нового Шелкового пути», наряду с афганской проблемой, препятствует совокупность таких факторов, как враждебность между Индией и Пакистаном, внутривластная нестабильность в самой ИРП и неразвитость центральноазиатского рынка. По мнению первого заместителя помощника государственного секретаря по Южной и Центральной Азии Джеффри Пайатта, «внутрирегиональная торговля в Южной Азии является самой низкой в мире, что составляет 1,5% от ВВП»⁴⁶. Так, торговля между Индией и Центральной Азией (включая Афганистан) составляет примерно 1 млрд долл., а экспорт Пакистана — 10—15 млн долл. в год⁴⁷.

⁴¹ См.: Afghanistan, an IHS Jane's Special Report. P. 26.

⁴² См.: Afghanistan in Transition: Looking Beyond 2014 // The World Bank, 2012. P. 16.

⁴³ См.: Военное участие США в Центральной Азии и его влияние на отношения США и Центральной Азии // Экспертный форум по Центральной Азии. Выпуск 1, апрель 2012 [http://www.centralasiaprogram.org/images/Policy_Forum_1-RUS.pdf].

⁴⁴ Обсуждение стратегии «Нового Шелкового пути» // Экспертный форум по Центральной Азии. Выпуск 2, июнь 2012 [http://www.centralasiaprogram.org/images/Policy_Forum_2-RUS.pdf].

⁴⁵ «В Афганистане экономическое развитие — это не то, чем следует заниматься, добившись политической стабильности и безопасности. Напротив, это то, чего необходимо добиться, чтобы можно было утвердить политическую стабильность и межобщинный мир» (см.: Finish the Job: Jump-Start Afghanistan's Economy. A Handbook of Projects. S. Frederick Starr with Adib Farhadi, Silk Road Paper, Central Asia-Caucasus Institute and the Silk Road Studies Program, 2012 [<http://www.silkroadstudies.org/new/docs/silkroadpapers/1211Afghan.pdf>]).

⁴⁶ Обсуждение стратегии «Нового Шелкового пути».

⁴⁷ См.: Там же.

Другой важной проблемой является игнорирование реального положения дел в регионе; речь идет об «аутсайдерском» положении Ирана, который имеет общую границу с Афганистаном и государствами Центральной Азии. Эту страну нельзя «отодвинуть» за рамки региона хотя бы уже потому, что в ее экономике занято значительное число афганских трудовых мигрантов и беженцев. По некоторым данным, в настоящее время в ИРИ находится от 2 до 3 млн афганских беженцев⁴⁸. В силу географических и исторических условий развитие западных провинций Афганистана, главным образом Герата (одного из ключевых экономических центров страны), обусловлено интеграцией в транспортные коммуникации ИРИ.

Эта зависимость усиливается с развитием железнодорожной линии Мешхед — Хаф — Герат (с последующим ее выходом в Мазари-Шариф), обеспечивающей Афганистану выход к морским портам Персидского залива (тем самым снижая его зависимость от пакистанских портов на Аравийском море). По большому счету, данная ветка региональной транспортной коммуникации является неотъемлемой частью исторического Шелкового пути.

Заключение

Под национальной безопасностью традиционно понимается защита жизненно важных интересов трех фундаментальных субъектов: личности, общества и государства. Однако США и их союзники определяют понятие «национальная безопасность» довольно узко, подразумевая под ним главным образом стабильность стратегически важных с военной точки зрения больших городов (при том, что более 80% населения Афганистана проживают в сельской местности) и политического режима. Подобная «однобокость» обусловлена тем, что главной целью своего пребывания в Афганистане НАТО считает борьбу с терроризмом. Представляется, что в основе текущей и долгосрочной нестабильности Афганистана лежит непонимание масштабов проблем безопасности и пренебрежительное отношение к объективным потребностям населения страны.

Залогом успеха осуществляемых в Афганистане преобразований является консолидация интересов внутриафганских акторов и достижение единства целей/задач на национальном уровне. Однако определяющим признаком современной политической системы Афганистана остается фрагментированность (политическая и этническая). В этих условиях перед политической элитой страны стоит дилемма: или централизованное государство/сильный Кабул, или децентрализованное государство/признанный Кабул с сильными регионами. Таким образом, предстоит сделать выбор между доминированием и/или лидерством.

Международное сообщество несет прямую моральную ответственность за современную ситуацию в Афганистане. Превращение Афганистана в «убежище» террористов и экстремистов, в мировой центр производства наркотиков и «слабое звено» региональной стабильности — это прямое следствие международного/иностранного вмешательства во внутренние дела этой страны.

Игнорирование «афганской проблемы» чревато негативными последствиями как для региональной, так и для международной безопасности.

⁴⁸ См.: *Pickering Th.R.* Op. cit. P. 31.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ТУРЦИИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ: СТРАТЕГИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

Левон ОВСЕПЯН

*кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института востоковедения НАН РА
(Ереван, Армения)*

АННОТАЦИЯ

На основе анализа официальных цифр и показателей рассматриваются общие тенденции в стратегии модернизации оборонного сектора Турции после окончания холодной войны. Большое внимание уделяется роли военно-промышленного ком-

плекса Турции. Модернизация армии и развитие военно-промышленного комплекса по большей части направлены на удовлетворение геополитических амбиций Турции, стремящейся превратиться в наиболее влиятельную силу в регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Турция, НАТО, вооруженные силы, военная промышленность, модернизация, стратегия, безопасность.*

Введение

После окончания холодной войны Турция в своей оборонной политике пыталась адаптироваться к региональным и геополитическим реалиям, в известной степени усилить боеспособность Вооруженных сил (ВС) на случай новых вызовов. В этот период неизменными приоритетами оборонной политики Турции были усиление ее Вооруженных сил и достижение военного превосходства в регионе.

В течение 1990-х годов проблемы внешней политики рассматривались в Турции с позиций военной безопасности. По определению турецкого исследователя Г. Гергера, «милитаризация» национальных интересов и внешней политики, во многих случаях являвшаяся прямым результатом секьюритизации, обеспечила военным, помимо всего прочего, определенное право на «решающее слово». Необходимость существования мощной военной силы как главного условия эффективности внешней политики Турции аргументировалась наличием постоянных угроз со стороны некоторых ее соседей¹. Внешняя политика Турции в этот период была напрямую связана с ее военным потенциалом.

¹ Цит. по: Balcı A. 1990 sonrası Türk Dış Politikası Üzerine Bazı Notlar: Avrupa Birliği ve Kıbrıs Örneği, Türkiye'nin Değişen Dış Politikası. Der.: C. Yenigül, E. Efeğil. Ankara: Nobel yayın, 2010. S. 92.

В 1999 году руководитель Департамента оборонной промышленности Турции Я. Бурджак, принимавший активное участие в разработке масштабных программ модернизации военной сферы, заявил, что ««вооружение (приобретенное Турцией. — Л.О.) — это очевидная необходимость. В Европе существенно сократили военные расходы... однако для Турции это не подходит. С ликвидацией Варшавского договора определенность уступила место неопределенности»². По меткому замечанию турецкого исследователя Н. Услу, «руководящие круги Турции большее внимание уделяли обороне и защите в период после холодной войны, нежели в ее годы»³.

Становление и развитие системы безопасности и обороны Турецкой Республики в ее нынешнем виде началось после вступления страны в НАТО и проходило при активном содействии США. Членство в НАТО вообще сыграло существенную роль в увеличении оборонного потенциала страны.

Свержение режима С. Хусейна в Ираке, международная изоляция Ирана, санкции Запада в отношении Сирии дали Турции благоприятную возможность приобрести статус региональной державы и усилить свое военно-политическое влияние.

В турецкой региональной внешнеполитической стратегии важнейшая роль отведена перевооружению и модернизации армии; в годы правления Партии справедливости и развития (ПСР) эти процессы стали более масштабными. Помимо модернизации ВС Турция осуществляет весьма активную внешнюю политику, направленную на расширение своего влияния в регионе.

Турецкая армия после холодной войны: необходимость модернизации

Своего рода проверкой боевой готовности турецкой армии, ее способности вести военные действия стала война в Персидском заливе 1991 года (Турция участвовала в ней на стороне НАТО). Забегая вперед, следует отметить, что война в Персидском заливе показала неготовность турецкой армии к проведению военных операций по современным критериям⁴.

Еще до начала этой войны Генштаб ВС Турции занял весьма осторожную позицию: военная элита весьма отрицательно относилась к ведению боевых действий за пределами страны, в том числе крупномасштабным операциям на границе с Ираком, и твердила о необходимости сохранять «активный нейтралитет».

Разногласия настолько накалили обстановку, что начальник генштаба Турции Н. Торумтай был вынужден досрочно выйти в отставку. Тем не менее по решению президента страны Т. Озала турецкая сторона приняла активное участие в войне⁵.

Полученный в ходе войны в Заливе опыт ведения боевых действий, а также первых со времени операции по захвату северной части Кипра в 1974 году масштабных перемещений

² Цит. по: *Cizre-Sakallioğlu U.* The Military and Politics: A Turkish Dilemma. В кн.: *Armed Forces in the Middle East: Politics and Strategy* / Ed. by B.M. Rubin, T.A. Keaney. Frank Cass Publishers, 2002. P. 191.

³ *Uslu N.* Turkish Foreign Policy in the Post-Cold War Period. New York: Nova Publishers, 2004. P. 3.

⁴ См.: *Lesser I.O.* Bridge or Barrier? Turkey and the West after the Cold War. Prepared for the United States Air Force and the United States Army. RAND, 1992. P. 30.

⁵ См.: *Yeşilada B.* Turkish Foreign Policy toward the Middle East, Political and Socioeconomic Transformation of Turkey / Ed. by Atilla Eralp, Muharrem Tünay, Birol Yeşilada. Westport: Praeger Publisher, 1993. P. 182.

войск оказался не слишком удачным. Ход активных военных операций малой интенсивности против курдских боевиков на юго-востоке страны и на севере Ирака (в 1990-х гг.) также продемонстрировал наличие серьезных проблем. Не спасало даже большое превосходство в количестве боевой техники⁶.

Военные круги четко поняли, что Вооруженные силы страны уже слабы и устарели и не смогут справиться с вызовами XXI века⁷. Как отметил высокопоставленный турецкий военный эксперт, «до 1990-х годов турецкая армия была большой, но плохо вооруженной силой»⁸. Несмотря на свою большую численность и достаточную техническую оснащенность, Турция значительно уступала многим европейским странам в обеспеченности ВС современным вооружением.

Опыт войны в Персидском заливе и борьбы с курдскими повстанцами позволил военному руководству определить слабые стороны своей армии. В частности, указывалось на отсутствие или недостаточное количество разведывательно-ударных вертолетов, радиолокационных станций обнаружения воздушных объектов на низких высотах, комплексных средств обеспечения противовоздушной обороны (ПВО), транспортных самолетов, систем космической разведки, систем управления, а также высоких и информационных технологий⁹.

В 1992 году почти на треть была сокращена численность сухопутных войск и осуществлен переход с дивизионной на бригадную структуру. Кроме того, были предприняты шаги по расширению возможностей и дальности применения турецких воздушных сил и ведения военных операций за пределами страны¹⁰. В основу преобразований лег американский опыт. После этого в течение 1990-х годов численность сухопутных войск, а также форма и структура ВС Турции в целом почти не менялись, лишь приобреталось новое вооружение и была модернизирована имевшаяся боевая техника. В военно-воздушных (ВВС) и военно-морских силах (ВМС) численность личного состава серьезно не менялась, лишь проходила модернизация оборудования¹¹.

В связи с этим среди руководителей турецкого военного ведомства особую остроту приобрел вопрос об осуществлении программы по модернизации вооружений, рассчитанной на период 1991—2000 годов; ее стоимость составляла 20 млрд долл.¹²

В 1992—1996 годах Турция была лидером среди стран НАТО по объему импорта вооружений; на Ближнем Востоке по этому показателю она уступала только Саудовской Аравии¹³.

В 1994 году по доле военного бюджета в ВВП Турция среди стран НАТО уступала только США, Великобритании и Греции, а по объему импорта вооружений занимала 6 место в мире¹⁴.

Подобный рост военного бюджета был обусловлен рядом факторов. Один из них был связан с условиями дальнейшей оплаты закупок оружия, в частности предоставлением Турции

⁶ См.: Минасян С. Вооруженные силы Турецкой Республики. Турция: проблемы безопасности и обороны // Институт политических исследований. Аналитические записки. Вып. 1. Ереван, 2007. С. 57—58 (на арм. яз.).

⁷ См.: Hen-Tov E. The Political Economy of Turkish Military Modernization // Middle East Review of International Affairs, December 2004, Vol. 8, No. 4. P. 50.

⁸ Tatli E. Turkey Turns Cold to European Defense: Implications for Western Security // The Washington Institute for Near East Policy, Policy Watch, 2 June 2008, No. 1376. P. 1.

⁹ См.: Минасян С. Указ. соч.

¹⁰ См.: Lesser I.O. Op. cit. P. 30—31.

¹¹ См.: Yılmaz S. Dünya Ordularındaki Değişim ve Türk Ordusunun Profesyonelleşmesi. S. 6 [http://orkam.aydin.edu.tr/ORDUNUNPROFESYONELLESMESI(3a4b).pdf].

¹² См.: Uslu N. Op. cit. P. 125.

¹³ См.: Günlük-Şenesen G. Türk Silahlı Kuvvetleri'nin Modernizasyon Programının Bir Değerlendirmesi. В кн.: Sönmezoglu F. Türk Dış Politikasının Analizi. İstanbul: DER yayınları, 2001. S. 586.

¹⁴ См.: Kirisci K. Post Cold-War Turkish Security and the Middle East // Middle East Review of International Affairs, July 1997, Vol. 1, No. 2 [http://meria.idc.ac.il/journal/1997/issue2/jv1n2a6.html].

долгосрочных кредитов на приобретение вооружений и значительных скидок со стороны некоторых стран, стремившихся увеличить объемы продаж и поощрить свою военную промышленность.

Поставки новых партий оружия в Турцию (в особенности из Германии) велись также в соответствии с Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)¹⁵.

До подписания ДОВСЕ начальник Генерального штаба ВС Турции Н. Торумтай заявил, что, даже если договор (предполагавший сокращение численности танков, артиллерии и авиации) и будет заключен, страна в любом случае предпримет все меры для защиты своей безопасности и национальной целостности. Он также отметил, что сокращение устаревших вооружений вовсе не означает, что Турция откажется от программ модернизации¹⁶.

ДОВСЕ, подписанный в 1990 году, оказался для ВС Турции весьма полезен. Ограничения не коснулись юго-восточных районов Турции, что позволяло разместить там большое количество вооружений¹⁷, и европейские страны — участницы договора безвозмездно передали Турции свое ставшее избыточным оружие для размещения на этих территориях.

В апреле 1996 года турецкие военные объявили о разработке 30-летнего плана крупномасштабной модернизации ВС страны; его общая стоимость должна была составить 150 млрд долл.¹⁸ План предполагал полную модернизацию ВВС и ВМС за счет приобретения сотен самолетов, вертолетов, а также десятков новых военных судов. Однако правительство премьер-министра Н. Эрбакана не спешило утверждать этот план. Только через несколько месяцев министр иностранных дел Т. Чиллер подписал распоряжение о запуске его первого этапа, приоритетное место отводилось производству военных и транспортных вертолетов¹⁹.

Вышеупомянутая сумма в 150 млрд долл. распределялась между сухопутными войсками (60 млрд), ВМС (25 млрд) и ВВС (65 млрд). Большая часть этих средств должна была быть направлена на обеспечение потребностей армии внутри страны; при этом особое значение придавалось развитию военно-промышленного комплекса²⁰.

Размер выделенной суммы был вполне реалистичен: ежегодно из военного бюджета выделяется 3—5 млрд долл., что за 30 лет и составит от 105 до 150 млрд долл. Помимо бюджетных возможно также привлечение внебюджетных средств, которые направляются в основном на военно-промышленные проекты.

В стратегии модернизации важная роль была отведена военно-промышленному комплексу страны. В ходе консультаций, проведенных в 1996 году президентом Турции С. Демирелем, были подробно изучены дальнейшие планы его развития. Министерство обороны разработало специальный документ на этот счет²¹.

¹⁵ См.: *Günlük-Şenese* G. Op. cit. S. 586.

¹⁶ См.: Turkey to Pursue Military Modernization Despite Reduced Threat // *Defense Daily*, 31 July 1990.

¹⁷ См.: *Türk Dış Politikası, Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar* / Ed. by Baskın Oran, Cilt 2 (1980—2001). İstanbul: İletişim yayınları, 2002. S. 207; Treaty on Conventional Armed Forces in Europe [http://www.osce.org/library/14087].

¹⁸ Согласно данным турецкой газеты «Zaman», работавший в течение долгих лет инженером в Департаменте оборонной промышленности Турции Ахмет Неджип Бойнуегри во второй половине 1990-х годов обратился в турецкий суд с иском на рассмотрение дела о вооружении армии, обвиняя начальника генштаба Х. Кывыркоглу, второго начальника Генштаба Чевику Бира и других в произвольном вмешательстве в вопросы вооружения. В представленных в суде материалах отмечалось, что генерал Ч. Бир, во избежание провала плана стоимостью 150 млрд долл., демонстрируя произвольность, вмешивался в реализацию ряда военных проектов (см.: *Dönmez A.* 28 Şubat'ın askerî ihaleleri Anayasa Mahkemesi'nd // *Zaman*, 11.10.2011).

¹⁹ См.: *Durch W.J.* Constructing Regional Security: The Role of Arms Transfers, Arms Control, and Reassurance. The Century Foundation Inc., PALGRAVE, 2000. P. 111.

²⁰ См.: Makina İmalat Sanayii Özel İhtisas Komisyonu Raporu. Sekizinci Beş Yıllık Kalkınma Planı. Ankara, 2000 [http://ekutup.dpt.gov.tr/imalatsa/makina/I_oik552.pdf]; *Ipekesen E.* Yeni savunma sanayi profili [http://www.tempodergisi.com.tr/kose/erdal_ipekesen/05665/].

²¹ См.: *Косиков А.* Военно-политический потенциал Турции // Востокведный сборник, Вып. 2. М., 2001. С. 212—217.

Если в 1996 году осуществлялось около 45 военных проектов, то в 2006 году их число достигло 110 (на общую сумму 15 млрд долл.)²². В 2011 году реализовывалось уже 280 военно-промышленных проектов (27 млрд долл.)²³.

В 1998 году министр обороны Турции И. Сезгин подчеркнул: «Мы придаем важное значение модернизации военных сил. Становление самодостаточными и приобретение высокотехнологичных оборонных средств — наша национальная цель»²⁴.

Еще в 1998 году командующий сухопутными войсками Х. Кыврыкоглу в контексте оборонной стратегии Турции отмечал, что турецкая армия несет ответственность за целый ряд рисков, и поэтому ее способность быстро перемещаться в дальние районы имеет жизненно важное значение для страны. Он предложил комплексную программу по модернизации армии, которая, по сути, должна была усилить шансы по осуществлению военных операций за пределами страны²⁵.

Кыврыкоглу считал, что благодаря реализации этой программы турецкая армия сможет получить такое вооружение, которое укрепит ее преимущество перед противником в самом глубоком его тылу за счет применения сверхточной военной техники (в том числе ракет дальнего действия) и обеспечения маскировки стрельбы²⁶.

В конце 1990-х годов в оборонной доктрине Турции появилась принципиально новая стратегия — стратегия «передовой обороны». ВС страны должны были быть готовы предотвращать военные атаки и угрозы до проникновения противника на территорию страны²⁷. Наряду с универсальными принципами обороны и безопасности в турецкую стратегию был включен и принцип «превентивного удара», который в общем предусматривал «передовую фронтową оборону» и «комплексные меры для обеспечения внутренней безопасности в кризисных ситуациях»²⁸. Примером применения этой стратегии можно считать трансграничные военные действия ВС Турции против курдских боевиков и их баз на территории Северного Ирака.

Для более полного соответствия современным требованиям безопасной среды ВС Турции предприняли шаги по четырем основным направлениям: обучение и воспитание личного состава и модернизация, реструктуризация, перестройка сферы безопасности, военное образование.

В 1990-х годах в Турции проводилась работа по комплектованию частей профессиональными кадрами. По состоянию на 1999 год профессиональными военнослужащими были укомплектованы все зенитные, ракетные и артиллерийские расчеты. В бронетанковых войсках доля профессиональных военных составляла 40—50%, а в воинской части специального назначения — 45—60%. В целом в конце 1990-х годов рядовые и сержанты, работающие на профессиональной основе, составляли приблизительно 20—25% численности армии.

Кроме того, на последующие 5—6 лет было запланировано создание трех отдельных бронетанковых корпусов, полностью укомплектованных кадровыми военнослужащими. После их создания доля военнослужащих, работающих на профессиональной основе, должна была составлять около 10% всего личного состава²⁹.

²² См.: Savunma Sanayii Müsteşarlığı Stratejik Plan 2007—2011 [<http://www.ssm.gov.tr>].

²³ См.: Sabah, 26.03.2012.

²⁴ Цит. по: *Uslu N.* Op. cit. P. 125—126.

²⁵ См.: Айвазян А. Оборонная доктрина Армении. В кн.: Вопросы стратегии и безопасности / Под ред. А. Айвазяна, «Айренатирун» серия, изд. 2. Ереван: Стратегический центр «Арапат», 2007. С. 156 (на арм. яз.). Х. Кыврыкоглу в 1997—1998 годах был командиром сухопутных войск, а в 1998—2002 годах — начальником Генштаба ВС.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ См.: Hickok M.R. Hegemon Rising: The Gap between Turkish Strategy and Military Modernization // US Army War College, Parameters, Summer 2000 [<http://www.carlisle.army.mil/USAWC/parameters/Articles/00summer/hickok.htm>].

²⁸ Kulebi A. Türkiye'nin Askeri Stratejisi, Gücü ve Geleceği, Türkiye Stratejik Araştırmalar Merkezi (TUSAM), 2.08.2004.

²⁹ См.: Мелконян М. Основные вопросы обеспечения военной безопасности Армении // Ай зинвор, 20—27 февраля 1999, № 7.

Согласно турецким источникам, по состоянию на 2012 год в ВС Турции насчитывалось около 200 тыс. профессиональных военнослужащих; из них около 40 тыс. — офицеры, 96 тыс. — младшие офицеры и 65 тыс. — рядовые и сержанты-контрактники³⁰. Работа по комплектованию отдельных частей профессиональными кадрами идет до сих пор.

Роль военно-промышленного комплекса Турции в деле модернизации Вооруженных сил

В ноябре 2002 года ПСР одержала победу на парламентских выборах. Сформированное правительство главное внимание обратило на реформы системы безопасности и модернизацию оборонного сектора, при этом особое значение придавалось отечественному военно-промышленному комплексу.

В ноябре 2005 года в турецкую прессу просочилась информация о том, что Исполнительный комитет оборонной промышленности Турции принял решение усилить инфраструктуру тыла и в течение следующих 10 лет намерен вложить в эту сферу 50 млрд долл. Согласно данным турецких СМИ, в 2005 году в военные программы страны были включены проекты, предусматривавшие приобретение военных самолетов нового поколения, тактических ударных вертолетов АТАК (50 единиц)³¹, вертолетов общего назначения (50 единиц), беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), нового вида полицейского патруля, подводных, оборонных, боевых и разведывательных полицейских катеров (предназначенных для обеспечения безопасности прибрежных районов), поисково-спасательных судов, внедрение систем управления надводных кораблей и подводных лодок, а также модернизацию танков Leopard-1, военных кораблей Sar-35 и самолетов AWACS³². Следует отметить, что часть этой программы уже реализована.

Путем разработки крупных проектов Турция пытается создать развитую и интегрированную систему ВВС и ПВО, оснащенную новейшей военной техникой и вооружением. Важное место в этой системе отведено новым технологическим средствам: БПЛА, разведывательным спутникам, системе мониторинга и воздушного предупреждения и т.д. И хотя Турция еще не в полной мере овладела новейшими технологиями, в стране предпринимаются шаги по разработке и производству новейшей военной техники. В связи с тем что турецкая военная промышленность до сих пор не может осилить производство средств противоракетной обороны и ПВО дальнего радиуса действия, Анкара объявила международный тендер на их поставку.

В 2007 году вступил в действие одобренный Минобороны Турции «Стратегический план Департамента оборонной промышленности на 2007—2011 годы». Главными приоритетами были модернизация армии и развитие военной промышленности. При этом особая роль отводилась созданию местной производственной базы.

Политика в области модернизации турецких ВС и развития военной промышленности включает три элемента.

³⁰ См.: Askerlikte Zorunlu profesyonellik // Aksiyon, 26.11.2012.

³¹ Уже в 2013 году начнутся поставки военных вертолетов турецко-итальянского совместного производства T-129 АТАК.

³² См.: Akşam, 21.11.2005.

1. *Местное производство*, где приоритет отдается разработкам турецких компаний и расширению их производственной базы.
2. *Консорциум, или совместное производство*, которое, с учетом эффективности, предусматривает сотрудничество с другими странами или компаниями.
3. *Совместное производство и просто покупка*, предполагающие приобретение готовой продукции или совместное производство с участием турецких компаний и турецкого капитала³³.

Согласно стратегическому плану военно-промышленного развития на 2007—2011 годы, до 2010 года около 50% боевой техники и вооружений ВС страны должны были произведены местной военной промышленностью³⁴.

В 2008 году показатель обеспеченности потребностей ВС Турции в вооружениях за счет собственной военной промышленности достиг 44,2%; в 2009 году он составил 45,7%, а в 2010 году, превысив прогнозы, достиг 52,1%³⁵. В 2011 году этот показатель составлял 54%³⁶. Турецкая военно-промышленная компания ASELSAN поднялась на семь строчек и заняла 86 место в списке 100 крупнейших оборонно-промышленных компаний мира³⁷; в 2009 году ее суммарная прибыль составила 643,1 млн долл.³⁸

Большое значение придается экспорту военной продукции и продукции военного назначения. В 2007 году общий объем экспорта турецкой военно-промышленной продукции составлял почти 420 млн долл., в 2008 году превысил 570 млн долл.³⁹ В 2009 году объем экспорта составил 670 млн долл., в 2010 году — 634 млн долл.⁴⁰, а в 2011 году он равнялся 817 млн долл.⁴¹ В конце 2012 года экспорт продукции турецкой военной промышленности и гражданского сектора авиапромышленности составил более 1,262 млрд долл.⁴², что почти на 40% превысило показатель 2011 года.

Для сравнения отметим, что в 2006 году объем экспорта продукции военного назначения Израиля составлял 4,5 млрд долл.; по этому показателю страна находилась на 5 месте в мире после США, России, Великобритании и Франции. 75% израильской военной продукции экспортируется; остальные 25% приходятся на долю ВС страны⁴³. По предварительным оценкам израильского оборонного ведомства, в 2012 году общая стоимость экспортируемых страной вооружений и оборудования военного назначения составила 7 млрд долл., что на 20% больше, чем в 2011 году⁴⁴.

³³ См.: Savunma Sanayii Müsteşarlığı Stratejik Plan 2007-2011. S. 35 [<http://www.sp.gov.tr/documents/planlar/SSMSP0711.pdf>].

³⁴ См.: Ibid. S. 16.

³⁵ См.: Savunma Sanayii Müsteşarlığı 2010 Faaliyet Raporu. S. 71 [http://www.ssm.gov.tr/anasayfa/kurumsal/Faaliyet%20Raporlar/2010/files/ssm_2011.pdf]; Türk Savunma Sanayii 2010 Yılı Performansı, Savunma Sanayii Gündemi, Sayı 15, 2/2011. S. 65 [http://www.ssm.gov.tr/anasayfa/kurumsal/SSM%20Dergisi/SSM_15.pdf].

³⁶ См.: Savunma Sanayii Müsteşarlığı 2011 Faaliyet Raporu. S. 95 [<http://www.ssm.gov.tr/anasayfa/kurumsal/Faaliyet%20Raporlar/2011%20Yılı%20Faaliyet%20Raporu.pdf>].

³⁷ См.: Aselsan Climbs Six Places in Largest Defense Companies Ranking, 14 August 2011 [<http://www.todayszaman.com/news-253734-aselsan-climbs-six-places-in-largest-defense-companies-ranking.html>].

³⁸ См.: Aselsan поднялась в рейтинге «100 крупнейших оборонно-промышленных компаний мира», 10 июля 2010 [<http://www.trt.net.tr/trtworld/ru/newsDetail.aspx?HaberKodu=48b60098-5ccc-483b-8883-5e57aa76a847>].

³⁹ См. официальный сайт Департамента оборонной промышленности Турции [<http://www.ssm.gov.tr/TR/dokumantasyon/basinbulteni/Pages/20081121.aspx>]; Savunma Sanayii Müsteşarlığı Stratejik Plan 2007-2011. S. 16.

⁴⁰ См.: Savunma Sanayii Müsteşarlığı 2010 Faaliyet Raporu. S. 72.

⁴¹ См.: Savunma Sanayii Müsteşarlığı 2011 Faaliyet Raporu. S. 96.

⁴² См.: Savunma sanayinde ihracat atağı // Hürriyet, 20.01.2013.

⁴³ См.: Israel's Defense Exports Reached \$4.4B in 2006 [<http://www.defenseindustrydaily.com>], 11 January 2007.

⁴⁴ См.: Israel Arms Exports Increase in 2012 [<http://www.janes.com/products/janes/defence-security-report.aspx?id=1065975188>], 16 January 2013.

По состоянию на 2006 год Турция занимала 11 место в мире по импорту оружия, а по его экспорту — 21-е⁴⁵. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), в 2001—2005 годах Турция по показателю импорта оружия занимала 8 место, а по его экспорту — 28-е⁴⁶.

Растут расходы на НИОКР в военной промышленности. В 2010 году их общая сумма, по официальным данным, составила 666 млн долл., а в 2011 году — 672 млн долл.⁴⁷ Однако пока военная промышленность Турции отстает по производству современных видов оружия.

В 2012 году был одобрен стратегический план развития военно-промышленного комплекса Турции на 2012—2016 годы, в котором были уточнены стратегические цели и сроки завершения ключевых проектов. Так, производство прототипа турецкого танка «Altay» второго поколения планируется завершить к концу 2015 года, ударный вертолет «АТАК» и беспилотный летательный аппарат «АНКА» будут представлены в 2013 и 2014 годах, а первые образцы военного корабля по проекту MILGEM-S — в 2016 году. План предусматривает доведение общего экспорта продукции военной промышленности до 2 млрд долл. в 2016 году. При этом общий доход должен будет составить 8 млрд долл.⁴⁸

Уже достигнутые успехи в развитии военной промышленности дают Турции возможность развивать программы сотрудничества в военной сфере с рядом стран, в первую очередь с Азербайджаном, Грузией, Албанией, Боснией и тюркоязычными государствами Центральной Азии, которые находятся в центре стратегических интересов Турции. За счет поставки вооружений и оказания определенной поддержки этим странам Турция сможет поднять свою репутацию и усилить военно-политическое влияние на них, как это происходит сегодня с Азербайджаном и Грузией.

Развитие военной промышленности соответствует геополитическим амбициям Турции, стремящейся достичь военного превосходства не только в регионе, но и над рядом внерегиональных стран. Наиболее интенсивно разворачивается сотрудничество Турции с Азербайджаном, для которого оно является приоритетным с точки зрения развития своего собственного ВПК.

В отличие от Азербайджана, Турция не предпринимает серьезных шагов, нацеленных на восстановление ВПК Грузии: сотрудничество с этой страной она развивает в области военного образования и прямых поставок вооружений (в основном турецкого производства).

Анализу общей динамики турецкого вклада в становление и развитие грузинских ВС, как правило, почти не уделялось внимания. Несомненно, в сравнении с другими государствами, помощь Турции может показаться и не столь значимой. Так, совершенно очевидно, что турецкая помощь грузинским ВС уступала по масштабам американской и, в отдельных сферах, украинской. Однако данные, опубликованные на сайте Министерства обороны России, достаточно красноречиво свидетельствуют о существенном вкладе турецкой стороны в дело вооружения грузинских ВС⁴⁹.

⁴⁵ См.: Star, 2 February 2009.

⁴⁶ См.: SIPRI Yearbook 2006. Stockholm International Peace Research Institute, Oxford University Press, 2006.

⁴⁷ См.: Savunmada «Made in Turkey» damgası // Sabah, 7.05.2012.

⁴⁸ См.: Sabah, 26.03.2012.

⁴⁹ Согласно данным, размещенным в мае 2008 года на сайте Министерства обороны Российской Федерации, Турция в период с 1997 по 2007 год являлась крупным поставщиком вооружений в Грузию (см.: Военная помощь Грузии со стороны иностранных государств [http://www.mil.ru/files/table_15_05.doc]).

З а к л ю ч е н и е

В конце XX — начале XXI веков Турция, приняв во внимание новые геополитические реалии и вызовы, переформулировала свою оборонную политику. Стратегия всеобъемлющей модернизации ее ВС не имела прецедента в истории страны. Благодаря созданию национального военно-промышленного комплекса турецкая армия оснащалась мощным и современным вооружением. Стремясь реализовать свои геополитические амбиции, Турция намерена превратиться в самую влиятельную военную силу в регионе. В модернизации турецкой армии важная роль отводится национальному ВПК, развитие которого снизит зависимость от внешних поставок и позволит удовлетворить существующие потребности за счет собственных ресурсов.

Успехи в развитии ВПК Турции были достигнуты во многом благодаря инвестициям и точно рассчитанной стратегии; они предоставляют стране возможность не только обеспечить часть потребностей своей армии, но и выйти на международный рынок вооружений. Как уже отмечалось, эти достижения были обусловлены внешнеполитическими амбициями Турции.

Таким образом, принятая в конце 1990-х годов стратегия крупномасштабной модернизации и ее результаты сыграли огромную роль в деле перевооружения Турции.

Турецкая армия продолжала оставаться слабой даже во времена холодной войны, когда она получала огромную финансовую, материально-техническую и военную помощь со стороны НАТО и США. Она значительно уступала многим членам НАТО в плане обновления вооружений, а те, что имелись в ее распоряжении, на тот момент достаточно устарели.

Благодаря успешным шагам по пути модернизации турецкие ВС приобретают совершенно новое качество, все больше закрепляя свое превосходство над соседними странами.

Модернизация турецкой армии приносит благоприятные плоды и в сфере ВВС. При этом особое значение военно-политическое руководство Турции придает усовершенствованию авиационных комплексов.

Следует отметить, что наиболее смелые планы, касающиеся преобразования ВС Турции, появились в период правления ПСР. Фундаментальную роль в деле модернизации ВС сыграло подписание проектов и договоров, предложенных ПСР при непосредственном участии премьер-министра Р. Эрдогана (о выпуске танков отечественного производства, о производстве баллистических ракет средней дальности, о приобретении истребителей 5-го поколения, космических разведывательных систем и т.д.).

Достигнутый уровень развития ВПК позволяет говорить о Турции как о поставщике вооружений и военной техники, что, в свою очередь, является козырем на пути реализации ее военно-политических амбиций. Предоставление военной помощи тем или иным странам определяется в первую очередь геополитическими устремлениями (в качестве примера можно привести ее взаимоотношения с Азербайджаном, Грузией, арабскими и тюркоязычными странами).

Полномасштабная милитаризация Турции делает ее армию самой мощной в регионе. Вместе с тем Турция все еще существенно уступает ряду своих союзников по НАТО как в вооружениях, так и в вопросах управления. Кроме того, за последние 30—40 лет она не принимала участия в широкомасштабных военных действиях. Важность Турции для НАТО пока еще заключается не в мощи ее ВС и военно-промышленного комплекса, а главным образом в ее территории, географическом положении и численности населения.

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ, ЕВРОСОЮЗ И АРМЯНСКИЙ КОМПЛЕМЕНТАРИЗМ

Роман МЕЛИКЯН

кандидат политических наук,
преподаватель Академии государственного управления
Республики Армения при Президенте РА
(Ереван, Армения)

АННОТАЦИЯ

В условиях современного кризиса демократии для развивающихся стран все большее значение приобретают усиливающиеся интеграционные процессы, как глобальные, так и региональные. В особой мере это относится к постсоветским странам, которые на новой стадии развития пытаются ответить на вызовы глобализации посредством структурных преобразований. Свое место в их ряду занимает и Республика Армения (РА).

На протяжении 25 лет независимо-сти, РА сталкивается с массой проблем, в том числе и во внешней политике. Нуждаясь в гарантиях обеспечения национальной безопасности, республика поддерживает военно-стратегические отношения с Россией, которая выдвинула проект единого экономического пространства ЕврАзЭС (в качестве противовеса ЕС). Москва оказывает давление на страны СНГ, с тем чтобы интегрировать их (в том числе и Армению) в

эту новую структуру, которая уже в ближайшей перспективе должна эволюционировать в Евразийский союз.

Для самой Армении одним из важнейших приоритетов внешнеполитического курса сегодня выступает евроинтеграция. Однако западноевропейский политический истеблишмент резко отрицательно относится к возможности присоединения РА к ЕврАзЭС. Его представители не скрывают своих намерений воздействовать на армянскую сторону не только для того, чтобы предотвратить ее вступление в Евразийский союз, но и с целью ослабить российское влияние в Южнокавказском регионе. Это помогло бы европейцам укрепить свои позиции на юге постсоветского пространства и на Ближнем Востоке.

Сегодня Армения оказалась перед сложным выбором между ЕврАзЭС и ЕС; выдержит ли это испытание ее комплементарный внешнеполитический курс?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Армения, комплементарная внешняя политика, ЕврАзЭС, Евразийский союз, Европейский союз.

Введение

Слово «комплементарный» в переводе с английского означает дословно «дополнительный». Соответственно, в политике под «комплементаризмом» понимают готовность или

стремление сотрудничать одновременно с двумя или более политически или идеологически конкурирующими между собой субъектами международной политики. Комплементаризм является одним из базовых принципов внешней политики РА. Долгие годы он позволял весьма адекватно отвечать на многие угрозы и вызовы в условиях довольно узкого пространства для геополитического маневра. В течение некоторого времени его применение тесно увязывалось с балансом сил между региональными и внерегиональными акторами, сложившимся с 1990-х годов. Так, военно-политический союз с РФ и многомерные экономические процессы не вызвали какого-либо противодействия со стороны других внешних акторов, хотя Армения и развивала параллельно внешние связи с США, ЕС и т.д.

Однако динамика событий последних 10—15 лет (в частности, попытки США изменить геополитический расклад на Ближнем Востоке, военные операции в Афганистане и в Ираке, растущее международное давление на Сирию и Иран) показывает, что Южнокавказский регион превратился в арену острого соперничества между Западом и Россией. И если Грузия и Азербайджан (одна открыто, а другой — несколько более завуалированно) в качестве приоритетного направления внешней политики рассматривают европейскую (евро-атлантическую) интеграцию, то Армении вплоть до последнего времени удавалось избегать прямого противопоставления Европы и РФ. Но сегодня ей все труднее совмещать евразийский и европейский внешнеполитические векторы, и время окончательного выбора неумолимо приближается.

До сих пор параллельное развитие отношений с обоими «полюсами» приносили Армении очевидные выгоды.

С одной стороны, с Россией, инвестирующей значительные средства в армянскую экономику (при этом ставка делается на обязательную полноценную интеграцию РА в ЕврАзЭС), Армению связывают дружественные, культурно-исторические, социально-экономические, энергетические и военно-политические отношения. При этом монополярная и «коллапсная» зависимость от России не гарантирует Армении сохранения статус-кво, в определенной мере похожего на состояние «статической атаксии».

С другой стороны, перспектива интеграции в развитый мир под названием ЕС, который обладает колоссальными возможностями технократического совершенствования, кажется весьма привлекательной для развивающейся страны с богатейшим культурно-цивилизационным наследием; однако при этом под угрозой могут оказаться жизненно важные интересы РА.

Таким образом, стремительно меняющаяся ситуация вокруг Армении ставит под вопрос целесообразность дальнейшего сохранения ее комплементарного внешнеполитического курса.

Евразийский союз: внутренний дискурс в Армении

Распад СССР и образование суверенных государств привели к возникновению колоссальных проблем различного характера, но не вызвали полной дезинтеграции. Механизмом, который способствовал сохранению ранее существовавших связей, стало созданное на развалинах СССР СНГ. Впрочем, в него изначально не вошел ряд стран (в силу несовпадения интересов), а членство иных носило формальный характер.

Потребность в более тесной интеграции заново вызвала к жизни давние идеи о Евразийском союзе; их сторонниками были не только некоторые мыслители, но и политики.

Как отмечает Б. Шаповалов, «впервые о необходимости создания Евразийского союза писали еще в 1920—1930-х годах известные идеологи евразийства Н. Трубецкой, П. Савицкий и Г. Вернадский. Им это виделось как поэтапное превращение Советского Союза в Евразийский союз путем смены коммунистической идеологии на евразийскую. В связи с распадом СССР в конце XX столетия среди общественности и ряда политиков некоторых бывших советских республик возникла идея восстановления тесной интеграции. В начале XXI века идея постсоветской евразийской интеграции и новое евразийство заново получили широкое распространение, и наиболее известными ее сторонниками и идеологами являются президент Казахстана Н. Назарбаев, президент России В. Путин, философы и политологи А. Дугин, А. Панарин и С. Гавров, киргизский писатель Ч. Айтматов и многие другие. Впервые подобный детализированный проект Союза Советских Республик Европы и Азии — Европейско-Азиатского союза — был предложен еще перед распадом СССР академиком А. Сахаровым. При распаде СССР другой проект создания конфедеративного Союза Суверенных Государств реализован не был. Было создано только малоинтегрированное международное (межгосударственное) объединение — Содружество Независимых Государств. Согласно детализированному проекту, предложенному в марте 1994 года президентом Казахстана Н. Назарбаевым, предполагалось, что вначале в Евразийский союз войдут пять республик бывшего СССР: Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия и Таджикистан. В дальнейшем к Союзу могли присоединиться Армения и Узбекистан.

На рубеже XX—XXI веков Россия и Белоруссия создали сначала Сообщество, а затем Союзное государство, однако потребность в более широком Союзе осталась. Процесс создания отраслевых интеграционных структур СНГ шел динамично, однако проект Евразийского союза оставался лишь на бумаге, пока в декабре 2010 года в него не вдохнули новую жизнь на саммите ЕврАзЭС»¹.

Дальнейшее развитие и поддержку идея Евразийского союза получила в статье нынешнего президента РФ В. Путина (на тот момент он пребывал в должности премьер-министра РФ), опубликованной осенью 2011 года в газете «Известия».

Российский лидер, предугадывая возможные опасения некоторых стран, советовал им не воспринимать создание Евразийского союза как попытку возрождения СССР, но при этом излагал весьма амбициозные планы: «Строительство Таможенного союза и Единого экономического пространства закладывает основу для формирования в перспективе Евразийского экономического союза. Одновременно будет идти и постепенное расширение круга участников Таможенного союза и ЕЭП за счет полноценного подключения к работе Кыргызстана и Таджикистана. Мы не останавливаемся на этом и ставим перед собой амбициозную задачу: выйти на следующий, более высокий уровень интеграции — к Евразийскому союзу.

Какими нам видятся перспективы и контуры этого проекта?

Во-первых, речь не идет о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР. Наивно пытаться реставрировать или копировать то, что уже осталось в прошлом, но тесная интеграция на новой ценностной, политической и экономической основе — это веление времени. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом... Евразийский союз — это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и, прежде всего, стран Содружества. При этом мы не собираемся кого-либо торопить или подталкивать. Это должно быть суверенное решение государства, продиктованное его собственными долгосрочными национальными интересами... Некоторые наши соседи объясняют нежелание участвовать в

¹ Шаповалов Б. Евразийский союз — перспективный и выгодный проект интеграции евразийских народов // Информационно-новостное агентство «Moldinfo.ru» [http://moldinfo.ru/arhiv/4565-2012-08-09-18-27-28], 15 мая 2013.

продвинутых интеграционных проектах на постсоветском пространстве тем, что это якобы противоречит их европейскому выбору. Считаю, что это ложная развилка. Мы не собираемся ни от кого отгораживаться и кому-либо противостоять. Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов»².

Последовавшие за этим обсуждения в различных форматах (зачастую в виде «зондажа») показали, что идея построения Евразийского союза и в самом деле кажется если не самой приоритетной, то, во всяком случае, довольно значимой для российского политического истеблишмента. Взоры обратились и к основному союзнику России на Южном Кавказе — Армении. Однако развернувшиеся в экспертном сообществе дискуссии и комментарии политиков показали, что внутри Армении существуют полярные точки зрения. Многие считают, что «расхождение» в значительной мере связаны с размытостью самого концепта Евразийского союза. Более понятной эта идея представляется лишь на уровне Таможенного союза. Кроме того, могут возникнуть проблемы, требующие более осторожного подхода.

Так, комментируя возможность вступления Армении в Евразийский союз, политолог С. Минасян пишет: «Экономическое сотрудничество между двумя странами и так довольно развито; присутствие России в армянской экономике очень велико. Это цена, которую Москва платит за членство Армении в ОДКБ и за свою базу на армянской территории. Иначе говоря, двустороннее сотрудничество Армения — Россия, а также сотрудничество в рамках ОДКБ и без того эффективно и продуктивно. Вопрос в том, зачем России платить за все это двойную цену»³.

В свою очередь, лидер партии «Новые времена» А. Карапетян считает, что вступление в Евразийский союз Армении, в принципе, выгодно. Однако при этом он отмечает: «Сначала пусть разработают, согласуют и внедрят политику стремительного подъема армянской промышленности, четко и однозначно выступят гарантом национальной безопасности Армении (а также Нагорного Карабаха) — тогда, пожалуйста, сами рады»⁴.

По мнению руководителя аналитического центра «Альтернатива» экономиста Т. Манасеряна, Евразийский союз как форма экономической интеграции был бы довольно «соблазнительной» структурой, если бы не серьезные «но». «Во-первых, не все страны СНГ участвуют в проекте, что осложняет течение интеграционных процессов. Во-вторых, Армения, вероятно, единственная страна в мире, которая числится членом свободной экономической зоны, не имея с ней границ. Товары проходят через территорию Грузии, которая, в свою очередь, грубо нарушает правила ВТО, так как должна бесплатно предоставлять свою территорию для транзита Армении, как стране, находящейся в блокаде. В-третьих, между странами, гипотетически претендующими на членство в опять-таки гипотетическом Евразийском союзе, сохраняются экономические и политические противоречия. В-четвертых, не все услуги и товары попадают под принцип свободной торговли, и если у Армении только одно исключение — табак, то у других стран их гораздо больше. Если при таких условиях Армения перестанет взимать таможенную пошлину с целого ряда товаров и услуг, то чем будет заполняться брешь в бюджете страны?»⁵

Схожие аргументы высказал и премьер-министр Армении Т. Саркисян: «Мы очень четко сформулировали нашу позицию, что мы заинтересованы в интеграционных процессах в рам-

² Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия [http://izvestia.ru/news/502761], 17 мая 2013.

³ Армения в Евразийском союзе: все за и против в комментариях экспертов // Информационно-новостное агентство «Novostink.ru» [http://novostink.ru/analytics/40516-armeniya-v-evraziyskom-soyuze-vse-za-i-protiv-v-kommentariyah-ekspertov.html], 14 мая 2013.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ках ЕврАзЭС. Вопрос в следующем: как будет происходить процесс интеграции и какие формы он будет приобретать?... Существует опыт удаленных территорий. Они получают определенные субсидии, дотации, помощь и льготы, если интегрируются в экономическое пространство, которое территориально удалено. Это означает, что со всеми участниками этого сообщества необходимо вести переговоры: для интеграции нужно создать экономические стимулы...»⁶

Действительно, в мировой практике вряд ли найдется пример того, чтобы страна становилась членом какого-либо союза, не имея ни сухопутных границ с другими его членами, ни морских путей сообщения с ними. Вступление в такой союз вряд ли выгодно, так как экспортеры и импортеры вынуждены проходить процедуру растаможки в третьих странах. В результате накапливаются только затраты: отсутствие свободного передвижения товаров и необходимость согласования таможенных тарифов с другими участниками союза делают подобное «сотрудничество» бессмысленным.

Именно поэтому представляется довольно обоснованной позиция официального Еревана, предполагающая сохранение за РА статуса наблюдателя в ЕврАзЭС до тех пор, пока не появятся реальные возможности какого-либо другого сотрудничества. Сегодня Армения продолжает разворачивать деятельность в рамках этой структуры, в полной мере участвуя во всех программах экономического сотрудничества, и имеет перспективу стать полноправным членом Исполнительного комитета ЕврАзЭС.

Однако, по большому счету, проект интеграции в Евразийский союз для Армении перспективен; нужно лишь уточнить правила игры. Торговля должна быть не только свободной, но также честной и справедливой, а пока предложение о сотрудничестве, сделанное Армении, можно считать, как минимум, преждевременным; кроме того, оно отнюдь не порождает твердой уверенности в наличии необходимых условий для делового доверия и полной интеграции.

Политолог С. Григорян предложил свой рецепт разностороннего сотрудничества: он считает очевидным, что «Армения должна активно работать с Евросоюзом, где правила игры конкретны: мы принимаем решение о том, выгодно это нам или нет.

Что касается России, то она «играет» совершенно по иным правилам, поэтому с ней нужно активно работать в сфере безопасности, а с ЕС — во всех остальных сферах. ЕС может поставить Армению перед выбором только в отношении Таможенного союза. Однако и в этом случае ответ очень прост: ясно, что это не выгодно, так как у нас нет общей границы. Заинтересованность Армении в Таможенном союзе нулевая. К чести России, надо сказать, что нас никто не принуждает вступить в этот союз»⁷.

В целом, можно отметить, что в суждениях на тему «Зачем это нужно Армении?» сквозили не только коммерческий интерес и прагматизм, но и попытки понять, чем все-таки является Евразийский союз для Армении и какая ей от него выгода.

Еще один немаловажный вопрос — политическая подоплека Евразийского союза. Особую актуальность он приобретает на фоне последних событий в мире и отмечавшегося выше нарастания соперничества между крупными региональными и международными игроками. Кроме того, необходимо уяснить, насколько возможно и нужно вступление РА в Евразийский союз, будет ли оно приемлемо для Запада (который с подозрением относится к идее его создания), что это даст самой Армении и усидит ли она, как и прежде, на двух стульях (комплементарная политика)?

⁶ Саркисян Т. Для членства в ЕврАзЭС Армении нужен «особый статус» // Радио Свобода [<http://rus.azatutyun.am/content/article/24540687.html>], 10 мая 2013.

⁷ Армянский эксперт: в основе «Евразийского союза» ничего нет, Россия пытается отвлечь внимание и стран СНГ, и Европы // Информационно-новостное агентство «Novostink.ru» [<http://novostink.ru/analytics/41516-armyanskiy-ekspert-v-osnove-evraziyskogo-soyuza-nichego-net-rossiya-pytaetsya-otvlech-vnimanie-i-stran-sng-i-evropy.html>], 17 мая 2013.

Так, по мнению главы офиса «Ай-Дата» партии АРФ «Дашнакцутюн» опытного политика К. Манояна, высказанному им на пресс-конференции 27 декабря 2012 года, переговоры Армения — ЕС были достаточно ускорены. Он отметил, что ЕС пытается помешать вступлению в Евразийский союз тех стран, в членстве которых Россия особенно заинтересована.

Что касается совмещения европейской и евразийской интеграции, то, по мнению К. Манояна, эту возможность предоставит Армении вступление в Евразийский союз (в то время как вступление Армении в Таможенный союз предполагает не совмещение, а выбор). Он также отметил, что до сих пор Еревану удавалось сохранять равновесие, однако уже в будущем году может усилиться давление с обеих сторон. По словам К. Манояна, очевидно одно: власти Армении пытаются сблизиться как с ЕС, так и со странами евразийского пространства. Армения оказалась в достаточно сложной ситуации, и, хотя отсутствие границ со странами Таможенного союза дает ей возможность маневрировать, в конце концов страна должна будет дать четкий ответ — предположительно, в 2013 году⁸.

Армения — Европейский союз

Сотрудничество с ЕС является одним из ключевых направлений внешней политики Армении; политический диалог между ними находится на высоком уровне, о чем свидетельствуют многочисленные взаимные визиты высокопоставленных лиц. С июня 2004 года Армения участвует в программе «Европейской политики соседства» (ЕПС). Согласно пятилетнему Плану действий ЕПС, вступившему в силу 1 января 2007 года, Армения взяла на себя обязательство сотрудничать и достичь продвижения в 8 приоритетных областях: правосудии, соблюдении прав человека, экономике, улучшении инвестиционного климата, административных реформах и сближении законодательства с принятыми в ЕС нормами, энергетическом секторе, региональном сотрудничестве и решении Карабахской проблемы⁹. Это сообщение было размещено в официальных армянских источниках, что подчеркивает положительную тенденцию в развитии взаимоотношений между ЕС и РА.

Европейский рынок является тем мостом, который может связать Армению с мировыми экономическими центрами. Доступ к нему создаст возможности для продвижения экономических интересов страны и ее широкого интегрирования в мировые экономические и научно-технические структуры, тем более что с Европой армян связывают также культурные и религиозные ценности, накопленные в течение многовековой истории. Именно поэтому интеграция в ЕС — один из важнейших вопросов, стоящих на повестке дня официального Еревана. Цели Армении отлично понимают и в Брюсселе.

Со своей стороны, ЕС также заинтересован в Армении, и это вполне объяснимо.

- Во-первых, по существу, как это ни парадоксально, в политическом истеблишменте ЕС до сих пор не «угасает» план-программа создания на Южном Кавказе в ущерб интересам России своего рода Южнокавказской Конфедерации в составе Грузии, Армении и Азербайджана под общим патронажем ЕС.

⁸ См.: Причина ускорения переговоров между Арменией и ЕС — Евразийский союз: мнение // Информационно-новостное агентство «Novostink.ru» [<http://novostink.ru/analytics/41571-prichina-uskoreniya-peregovorov-mezhdu-armeniy-i-es-evraziyskiy-soyuz-mnenie.html>], 17 мая 2013.

⁹ См.: Сотрудничество Республики Армения с Европейским союзом // Официальный веб-сайт Министерства иностранных дел РА [<http://www.mfa.am/ru/country-by-country/eu/>], 11 мая 2013.

- Во-вторых, современная Армения (на Западе ее продолжают рассматривать в качестве пророссийской страны) никоим образом «не устраивает» ни ЕС, ни США, которые заинтересованы не только в ее дистанцировании от России, но и в создании в регионе буферной зоны у границ с Ираном и с Турцией.
- В-третьих, Армения в географическом отношении является весьма удобным геоэкономическим узлом для продвижения европейских товаров в Центральную Азию и на Дальний Восток в обход России.
- В-четвертых, Армения богата полезными ископаемыми: в стране имеются месторождения золота, алмазов, меди и никеля, молибденовых руд. Некоторые из месторождений уже успели приобрести европейские компании. В частности, в 10 км от армянского курортного города Джермук располагается Амулсарское месторождение золота, где уже второй год через свое дочернее предприятие «Геотим» ведет геологоразведку британская компания «Ludian International». Согласно предварительным данным, это месторождение содержит порядка 2,5 млн унций (более 75 т) золота. И это еще не предел, так как рудник может еще более расшириться¹⁰.

В целом, интересы Брюсселя, по большому счету, давно уже очевидны. Нередко звучат даже официальные заявления о реальной возможности полной интеграции Армении в ЕС. Так, по словам руководителя отдела Восточной Европы и Центральной Азии МИД Великобритании К. Робертса, «Великобритания считает, что шесть постсоветских стран, участвующих в программе ЕС «Восточное партнерство», в том числе и Армения, должны в конечном счете стать полноправными членами Евросоюза»¹¹.

Еще один наглядный пример заинтересованности ЕС во включении армянского социума в «большую европейскую семью» — соглашение о реадмиссии, подписанное 19 апреля 2013 года в Брюсселе. Его основная цель — установление подлежащих реадмиссии лиц на основе взаимной договоренности, быстрая и эффективная процедура идентификации и безопасного и упорядоченного возвращения этих лиц. В этой связи следует упомянуть и договор об ассоциации между Арменией и ЕС, ратификация которого намечена на 2014 год; он предполагает, в частности, создание глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли¹².

- В-пятых, Армения, являющаяся христианской страной с богатейшим историко-культурным наследием, близка к Европе по своему менталитету и цивилизационным соображениям.
- В-шестых, с точки зрения дальнейшего развития научно-технической и культурно-образовательной сфер стран ЕС определенный интерес представляют кадрово-интеллектуальные ресурсы армянского общества (особенно в областях ИКТ и нанотехнологий).

Однако при этом Армении посылают четкие сигналы касательно ее взаимодействия с РФ. Согласие ЕС на переговоры по упрощению визового режима и заключению договора о созда-

¹⁰ См.: Мгдесян А. Золотая лихорадка туманит туристические перспективы армянского Джермука // Информационное агентство «Ecolur.org» [<http://www.ecolur.org/ru/news/mining/gold-rush-darkening-tourism-perspectives-for-jermuk-in-armenia/3270/>], 13 мая 2013.

¹¹ Робертс К. Великобритания считает возможным вступление Армении в ЕС [<http://rus.azatutyun.am/content/article/24969926.html>], 13 мая 2013.

¹² См.: Габриелян Э. Армения по Ассоциированному соглашению берет на себя обязательство внедрять законодательство и практику ЕС. Интервью с замминистром РА Зограбом Минацаканяном // Газета «Аравот» [<http://ru.aravot.am/2013/05/01/155457/>], 14 мая 2013.

нии глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли в любой момент может быть пересмотрено: все зависит от дальнейшего развития интеграционного сотрудничества Армении с ЕвразЭС.

Сравнительно недавно посол Германии в Армении Р. Морел заявил, что вступление Еревана в Евразийский союз чревато блокированием переговоров об упрощении визового режима с ЕС¹³. Армении придется также забыть о кредите в размере 1,5 млрд евро, предоставление которого ЕС и без того отложил до лучших времен.

Как утверждает «Файнэншл таймс», ссылаясь на речь Хиллари Клинтон в Дублине, США готовы на все, лишь бы не позволить России создать «новую версию Советского Союза». Говоря об интеграционной деятельности Кремля, стремящегося наладить отношения с соседями, она заявила: «Назовут они это Таможенным союзом, или Евразийским союзом, или как-нибудь в этом роде, все мы знаем, каковы реальные цели, и нужно найти эффективные пути замедлить или предотвратить их воплощение»¹⁴.

Более того, США официально заявили, что в 2013 году гуманитарная помощь Армении будет снижена на 17% (с 44,2 млн долл. в 2012 г. до 36,6 млн долл. в 2013 г.)¹⁵.

Таким образом, Армении предстоит новое сражение за отстаивание своего права на самостоятельный выбор внешнеполитического курса. При этом следует учесть, что комплементаризм в его нынешней форме, являющийся основой внешней политики РА, постепенно теряет актуальность.

Комплементаризм — дилемма для Армении

Политика комплементаризма традиционно выступала главным политическим выбором армянской государственности. В определенной степени система комплементаризма имела место в исторической жизни Армении. Именно благодаря ей сформировалось даже собственное специфическое этимологическое и гносеологическое толкование «армянского комплементаризма». Система комплементаризма не раз становилась предметом специальных исследований.

Целесообразно было бы специально остановиться на политическом понимании системы комплементаризма, на той положительной роли, которую она сыграла в развитии армянского государства, а также на том, насколько приемлем этот курс для Армении в будущем.

Один из современных идеологов армянского комплементаризма, экс-министр иностранных дел Армении В. Осканян, считает комплементаризм оптимальным внешнеполитическим курсом. При этом на современном этапе «Армения перестала придерживаться комплементаризма во внешней политике, поскольку он предполагает публичность, которой уже давно нет». По его словам, «комплементаризм не может быть эффективным, если о нем не говорится, если не раскрываются скобки. Суть комплементаризма в том, чтобы различные полюсы были информированы, учитывали политическую и идеологическую основу внешнего курса той или иной страны и не требовали большего. Если об этом не говорить и вести комплементарную политику скрытно, то она просто не будет работать... Этого сейчас вообще нет, термин исчез;

¹³ См.: Морел Р. Посол Германии: членство Армении в Евразийском союзе помешает ее евроинтеграции // Информационное агентство «Times.am» [http://times.am/?l=ru&p=13237], 10 мая 2013.

¹⁴ Клинтон Х. Клинтон разглядела советскую угрозу в Евразийском союзе // Информационно-новостное агентство «InoTV» [http://inotv.rt.com/2012-12-07/Klinton-razglyadela-sovetskuyu-ugrozu-v], 10 мая 2013.

¹⁵ См.: США снизили предоставляемую гуманитарную помощь на 17% // Информационно-новостное агентство «Lragir.am» [http://www.lragir.am/index.php/arm/0/politics/view/79146], 12 мая 2013 (на арм. яз.).

ситуация лишена определенности, во внешней политике нет идеологической базы. Мы не знаем, куда идем и к чему стремимся. Страна дрейфует... Если мы сами не можем четко представить идеологическую основу своей внешней политики, внешние игроки получают возможность интерпретировать все на свой лад и поступать в соответствии со своими интересами. А наши с ними интересы часто не совпадают, расходятся. Для начала мы должны сами определиться, по какому пути идем. Без этого об успехе во внешней политике говорить не приходится»¹⁶.

Вместе с тем комплементарность (или, в более широком смысле, комплементаризм) вовсе не предполагает предоставления какой-либо страной засекреченной информации другой стороне, которая могла бы вести политико-идеологическое, военно-стратегическое, социально-экономическое и энергетическое волирование ее внутренними вопросами, а также какого-либо «подыгрывания» одному из партнеров в ущерб другому или превращение страны в арену соперничества. Как отмечает директор Кавказского института СМИ А. Искандарян, «речь идет не столько о доле участия зарубежных стран в экономике Армении, сколько... о совмещении военно-стратегического и экономического сотрудничества, в частности, с Россией и Западом»¹⁷.

Подобный подход к комплементарному сотрудничеству выступает уже не как собственно комплементарная политика в узком смысле слова, а как уже известная в современной западной политической науке или корпоративная культура сотрудничества¹⁸. Если идеология политического комплементаризма предполагает, что у ведущей комплементарную политику страны нет «субъектности» — возможности самостоятельно и активно развивать сотрудничество «по всем векторам», особенно при отсутствии достаточного взаимного доверия между партнерами и элементарных политических правил *Modus Vivendi*, то корпоративная культура сотрудничества направлена на развитие именно сотрудничества стран и отражает все императивы функционирования современного развивающегося государства.

Это предполагает отсутствие мощных рычагов давления со стороны партнера, общекорпоративный, свободный и взаимодополняющий характер отношений. Кроме того, создаются реальные возможности продвижения совместных интересов на основе доверия и взаимовыгоды. Армении, оказавшейся в точке бифуркации, предстоит сделать выбор между Севером и Западом; по существу, проектирование корпоративной культуры политического развития (сотрудничество ради взаимной выгоды) более приемлемо, нежели «старая» традиционная форма армянского комплементаризма — зависимость от партнеров.

Какой же выбор сделает Армения? Практически изначально армянская сторона дает понять, что она против противопоставлений или постановок вопроса в стиле «или — или»; иными словами, она за «совмещение». Проблема в том, удастся ли РА, используя прежний комплементаризм (которого, по мнению В. Осканяна, уже нет), сохранить сбалансированную внешнюю политику?

В м е с т о з а к л ю ч е н и я

Недавние комментарии замминистра иностранных дел РА Ш. Кочаряна, который 30 мая 2013 года отвечал на запросы депутатов, наводят на мысль, что армянская дипломатия, как и

¹⁶ Осканян В. Армения отказалась от комплементаризма во внешней политике — экс-глава МИД // Информационное агентство «Georgia Times» [<http://www.georgiatimes.info/news/89238.html>], 15 мая 2013.

¹⁷ Искандарян А. Комплементаризм внешней политики Армении становится реальностью — политолог // Информационный аналитический центр «Евразия» [<http://eurasia.org.ru/8247-komplementarizm-vneshnej-politiki-armenii-stanovitsya-realnostyu-politolog.html>], 16 мая 2013.

¹⁸ См.: Rosen E. The Culture of Collaboration. 1st edition. Red Ape Publishing, 2009; Bowles S., Gintis H. A Cooperative Species: Human Reciprocity and Its Evolution. Princeton University Press, 2011.

прежде, старается избежать прямых решений в вопросах, касающихся ассоциированного членства РА в ЕС и возможного присоединения к Таможенному союзу.

Так, Ш. Кочарян отмечал: «Армения не смогла бы одновременно быть членом Евросоюза и присоединиться к зоне свободной торговли СНГ, [мы] не смогли бы сделать какой-либо шаг в плане сотрудничества с Таможенным союзом. И наоборот: если бы мы вступили в Таможенный союз, то не смогли бы быть суверенны в определенных аспектах. В таком случае мы бы не смогли подписать Соглашение об ассоциативном членстве с Евросоюзом. Если ты не идешь на эти шаги, что и делает Армения, то членство в зоне свободной торговли СНГ и зоне свободной торговли ЕС абсолютно не противоречат друг другу»¹⁹.

При этом Ш. Кочарян заметил, что Армения не ставит вопрос о членстве в ЕС и не участвует в Таможенном союзе, следовательно, может подписать и Соглашение об ассоциации с ЕС, и соглашения о зоне свободной торговли со странами Содружества²⁰.

Между тем 31 мая 2013 года на заседании Постоянной комиссии и Бюро Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) в Ереване председатель парламента РА О. Абрамян заявил, что Армения верна своей политике интеграции в европейские структуры; он, в частности, сказал: «У нас достаточно политической воли продвигать вперед процесс реформ, строить достойное, надежное и демократическое государство. Это выбор нашего народа, наших граждан. Для достижения этой цели мы подтверждаем свою готовность активно и эффективно сотрудничать с европейскими структурами»²¹.

Конечно, СЕ — это не ЕС; однако данный факт, равно как и неучастие президента Армении С. Саргсяна в Астанинском саммите ЕврАзЭС (Армения имеет в этой организации статус наблюдателя), наводят на размышления.

Как представляется, вопрос стоит не о смене вектора, а о стремлении страны сохранить комплементарность своей внешней политики.

Возьмем на себя смелость предположить, что Армения пытается взять некий тайм-аут. Насколько ей это удастся, судить трудно. Например, совсем недавно, во время заседания Совета глав правительств государств — участников СНГ в Минске, состоялась встреча премьер-министров России и Армении.

По сообщениям прессы, в ходе беседы, состоявшейся между Д. Медведевым и Т. Саркисяном, поднимались вопросы двусторонних торгово-экономических отношений, интеграционных процессов на пространстве СНГ, и, в частности, Таможенного союза. По мнению Д. Медведева, «Армения, в общем, хочет в этом участвовать. Нам тоже представляется это важным; нужно только найти подходящий формат соответствующего сотрудничества»²².

¹⁹ Кочарян Ш. Членство в Таможенном союзе не позволит Армении подписать Ассоциативное соглашение с ЕС — МИД // Информационное агентство «Regnum.ru» [<http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1665477.html>], 3 июня 2013.

²⁰ См.: Там же.

²¹ Абрамян О. Армения верна своей политике интеграции в европейские структуры — спикер парламента // Информационное агентство «Regnum.ru» [<http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1665763.html>], 3 июня 2013.

²² Медведев и Саркисян обсудили участие Армении в Таможенном союзе и строительство нового блока АЭС // Информационное агентство «Regnum.ru» [<http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1666148.html>], 3 июня 2013.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

СОВРЕМЕННЫЙ ГРУЗИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ДИСКУРСЕ СМИ: МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИЕЙ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМОМ

Максим КИРЧАНОВ

*доктор исторических наук,
доцент кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран факультета
международных отношений ФГБОУ ВПО
«Воронежский государственный университет»
(Воронеж, Российская Федерация)*

АННОТАЦИЯ

Автор анализирует тренды в идеологии современного грузинского национализма, который, по его мнению, имеет определенную политическую традицию и развивается как преимущественно гражданское движение. В противоположность этому Грузинская Православная Церковь поддерживает традиционные формы грузин-

ской идентичности. Активизация сексуальных меньшинств в мае 2013 года актуализировала традиционные тренды в грузинском национализме. Поляризация и фрагментация грузинского национализма стала результатом политических дебатов, связанных с ролью Грузии в регионе и проблемами грузино-российских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Грузия, национализм, идентичность, гражданский национализм, традиционализм, Грузинская Православная Церковь.*

Введение

Одной из наиболее влиятельных идеологий в постсоветских государствах следует признать национализм. Не является исключением и Грузия. Известно, что в период пребывания Грузии в составе СССР именно национализм во многом содействовал сохранению национальной идентичности. После восстановления независимости роль грузинского национализма возросла, и события, связанные с военными действиями в августе 2008 года, в значительной степени актуализировали его роль и значение в политической жизни страны.

Национализм играет особую роль в развитии интеллектуального пространства, и националистический дискурс доминирует в ряде грузинских СМИ. Анализируя идеологию современного грузинского национализма, во внимание следует принимать ее сложность и многокомпонентный характер. Современный грузинский национализм развивается в условиях сосуществования политических (гражданских) течений с тенденциями к постепенной радикализации, к росту этнического национализма.

Несмотря на обострение и фактический разрыв грузино-российских отношений в 2008 году и на их периодическое обострение в последующие годы, в российской историографии и политологии проблемы, связанные с современными политическими процессами в Грузии, относятся к числу практически неизученных тем. Сегодня грузинский националистический дискурс развивается преимущественно вокруг нескольких тем, принципиально важных как для грузинского интеллектуального сообщества, так и для политического класса. В центре внимания настоящей статьи стоят проблемы политической идеологии современного грузинского национализма и прежде всего проблемы концептов гражданского и этнического, современного и традиционного, как они отражаются в дискурсе СМИ Грузии.

Грузинский национализм: между гражданством и этничностью

Политическое пространство¹ в современной Грузии развивается в чрезвычайно напряженных условиях сосуществования как умеренных, так и более радикальных партий, которые в той или иной степени разделяют и развивают программу грузинского национализма. Часть современных грузинских интеллектуалов крайне тяжело переживают новейшие политические трансформации, связанные с поражением Единого национального движения², хотя при этом охотно воспроизводятся некоторые программные заявления и лозунги ЕНД³, позиции которо-

¹ О специфике политического пространства в Грузии см.: Векуа Г. Правящая партия Грузии начинает новую жизнь [http://georgiamonitor.org/detail.php?ID=440], 5 июня 2013; Он же. Стратегии политического выживания националов на современном этапе [http://georgiamonitor.org/detail.php?ID=465], 5 июня 2013.

² См.: Ошибки Национального движения [http://apsny.ge/articles/1365616267.php], 5 июня 2013.

³ См.: Уходящее «Национальное движение» заново расставляет акценты [http://www.civil.ge/geo/article.php?id=26791], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

го в 2012—2013 годах несколько ослабили⁴. Именно поэтому партия, которая ранее почти монополично формировала национальную и политическую повестку дня, переживает весьма сложный процесс поиска новых союзников и выработки нового — оппозиционного — политического имиджа.

В частности, многим грузинским интеллектуалам явно нравится транслировать нарратив о Грузии как если не европейской, то культурно западной стране⁵, о политическом сообществе и нации граждан, подчеркивая, что «западный путь развития — демократическое правление, рыночная экономика, мыслящая и руководствующаяся либеральными ценностями общественность — это исторически подтвержденный наилучший путь для обеспечения как могущества страны, так и благосостояния каждого ее гражданина»⁶. Сложности европейской интеграции Грузии в общественном мнении нередко связаны с политикой России⁷, которая, по мнению национально ориентированной части экспертного сообщества, намеренно блокирует европейские и прозападные инициативы Грузии. В рамках подобных настроений особую роль в современном грузинском национализме играет концепт «независимость»⁸, что связано, например, с актуализацией национально ориентированными авторами идеи о непрерывной преемственности политических движений, боровшихся за независимость.

С другой стороны, подобная проевропейская и/или прозападная риторика не спасла грузинских умеренных националистов, сторонников М. Саакашвили от политического поражения. Кризис некогда доминирующей партии связывается с деформациями в развитии грузинского национализма. В связи с этим Васил Рухадзе подчеркивает, что, «к сожалению, в Грузии большая часть людей присоединяется к политической партии не по политическому убеждению, а по материальным, меркантильным соображениям. Пока партия во власти, дела членов партии идут хорошо. Когда партия теряет власть, положение членов ухудшается. В результате члены покидают политическую партию и партия постепенно исчезает»⁹. Осознание грузинскими интеллектуалами этого факта свидетельствует, что часть представителей политического класса начинают осознавать слабость гражданского национализма (представленного, в частности, европейскими институтами типа партий), который оказался не в состоянии конкурировать с традиционными и неформальными отношениями.

Поражение ЕНД не означает возможности компромисса между различными группировками и течениями в рамках грузинского национализма, несмотря на значительную фрагментацию той части политического поля, которая представлена и контролируется националистами. Умеренные националисты из «Грузинской мечты», которые пошли на сближение с не менее национально ориентированными социальными демократами¹⁰, в принципе, транслируют идеи, которые в значительной степени сходны с принципиальными ценностями ЕНД. «Грузинская мечта», как и другие форматоры политического (националистического) дискурса в Грузии,

⁴ См.: «Национальное движение» Саакашвили борется за политическое выживание [<http://pirweli.com.ge/?menuid=12&id=32048>], 7 июня 2013 (на груз. яз.).

⁵ См.: Киласония С. Региональная идентичность и эксперименты [<http://24saati.ge/index.php/category/culture/2013-06-04/38490>], 6 июня 2013 (на груз. яз.).

⁶ «Нормализация отношений с Россией» — какой ценой? [<http://www.apsny.ge/analytics/1362335155.php>], 5 июня 2013.

⁷ См.: Канчавели Б. Грузия движется к изоляции [<http://24saati.ge/index.php/category/opinion/blog/2013-05-26/38237>], 7 июня 2013 (на груз. яз.).

⁸ Швелидзе Д. Независимость и мы [<http://24saati.ge/index.php/category/opinion/2013-05-26/38242>], 4 июня 2013 (на груз. яз.).

⁹ Рухадзе В. С нациями часто случается амнезия после долгой и тяжелой оккупации [<http://apsny.ge/interview/1366141152.php>], 5 июня 2013.

¹⁰ См.: «Грузинская мечта» и «Демократическая Грузия» объединятся в европейскую партию социального демократического типа [<http://pirweli.com.ge/?menuid=8&id=34703>], 3 июня 2013 (на груз. яз.).

указывает на необходимость продолжать политику, направленную на интеграцию в евро-атлантические структуры¹¹, на сближение с США, и придерживаться принципиальной позиции в отношении Абхазии и Цхинвальского региона как именно грузинских территорий¹².

В этом контексте в рамках грузинского национального воображения актуализируется нарратив о Грузии как идеальном воображаемом политическом Отечестве, как о «земле грузинской нации», которая не ограничивается «только сегодняшним поколением»¹³. Примечательно, что все перечисленные выше темы стали общими местами в идеологической повестке дня современного грузинского национализма. При этом в среде национально ориентированных политиков и экспертов существует некая градация политических приоритетов: наиболее последовательные националисты акцентируют вопрос о территориальной целостности страны, а сторонники более либерального течения (например, Нино Бурджанадзе¹⁴) охотнее обращаются к проблеме интеграции Грузии в евро-атлантические структуры.

Важнейшим стимулом для дальнейшей консолидации грузинского национализма является политика Российской Федерации в отношении Грузии в целом и сепаратистских режимов в Абхазии и Цхинвальском регионе в частности. Имевшие место весной 2013 года попытки отторгнуть территории Грузии, прилегающие к Цхинвальскому региону, не только привели к тому, что Грузия получила моральную поддержку США и НАТО¹⁵, но и помогли ЕНД и «Грузинской мечте» относительно быстро найти общий язык, выступив с осуждением политики России. В частности, Б. Иванишвили заявил, что такая политика РФ негативно отразится на интересах и имидже РФ в мире¹⁶, а другие грузинские политики подчеркнули, что действия России являются проявлением отчаяния, так как носят явно провокационный и авантюрный характер¹⁷.

С другой стороны, именно такие инициативы Москвы являются для Тбилиси не только стимулом, но и своеобразным источником внешней легитимации сближения с НАТО, которая также шлет грузинским элитам определенные сигналы, связанные с необходимостью уважать и соблюдать права человека и меньшинств. Несмотря на то что Тбилиси демонстрирует готовность изменяться, западные партнеры Грузии предпочитают ограничиваться общими нейтральными или дружественными декларациями¹⁸, избегая конкретики

¹¹ О курсе Грузии на интеграцию в евро-атлантические структуры см.: Гамзардия А. Внешнеполитические ориентиры Грузии с точки зрения общественных установок [<http://georgiamonitor.org/detail.php?ID=414>], 3 июня 2013; Европа и НАТО — далекая перспектива [<http://georgiamonitor.org/detail.php?ID=467>], 3 июня 2013.

¹² См.: Личные вопросы к Иванишвили о политических планах для страны и о международных отношениях [<http://www.civil.ge/geo/article.php?id=24679>], 4 июня 2013 (на груз. яз.).

¹³ Чачуа А. Земля принадлежит грузинской нации, а нация — это не только сегодняшнее поколение [http://saqinform.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=14757:2013-06-05-09-19-17&catid=109:arno&Itemid=538#axzz2V8KdFC2y], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

¹⁴ См.: Современные реалии: Грузия может стать членом НАТО [<http://pirweli.com.ge/?menuid=8&id=34725>], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

¹⁵ См.: «Мы призываем Россию выполнять свои международные обязательства» [<http://pirweli.com.ge/?menuid=8&id=34723>], 5 июня 2013; Андерс Расмуссен встретился с Ираклием Аласаниа [<http://pirweli.com.ge/?menuid=8&id=34691>], 5 июня 2013; Грузия продвигается к НАТО, а Иванишвили не является посланником Кремля [<http://pirweli.com.ge/?menuid=12&id=34328>], 5 июня 2013; Государственный Департамент США осудил возведение ограждений на административной границе с Южной Осетией [<http://www.civil.ge/geo/article.php?id=26972>], 5 июня 2013 (все на груз. яз.).

¹⁶ См.: Иванишвили прокомментировал ситуацию на административной границе с Южной Осетией [<http://www.civil.ge/geo/article.php?id=26970>], 7 июня 2013 (на груз. яз.).

¹⁷ См.: Гарибашвили: «Мы обсудили наиболее важные для страны вопросы» [http://saqinform.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=14777:2013-06-06-13-06-46&catid=98:politics&Itemid=457#axzz2VN26vyRSJ], 7 июня 2013 (на груз. яз.).

¹⁸ См.: Расмуссен ожидает, что в Грузии будет править закон и уважение в отношении прав меньшинств [<http://pirweli.com.ge/?menuid=8&id=34660>], 8 июня 2013 (на груз. яз.).

относительно возможных сроков вступления страны в НАТО. В свою очередь, действия РФ, о которых речь шла выше, направленные на нарушение территориальной целостности Грузии, оказываются важными информационными поводами (которые находят отражение в большинстве общенациональных СМИ¹⁹), успешно используемыми как для национальной и политической мобилизации, так и для усиления националистического течения в общественной жизни страны.

Отсутствие видимого прогресса в нормализации отношений с Россией, непризнание независимости сепаратистских регионов и периодическая антироссийская риторика Б. Иванишвили, проявившаяся к лету 2013 года, свидетельствуют о том, что иллюзии и опасения его оппонентов, видевших в нем пророссийского политика, оказались не более чем иллюзиями.

В целом, современный грузинский национализм пребывает на распутье: поражение ЕНД и усиление умеренных националистов из «Грузинской мечты» говорят о необходимости выработать новую стратегию развития грузинского национализма. На это, в частности, указывают лидеры страны, констатируя необходимость пересмотреть внутреннюю политику с целью избежать международной изоляции²⁰. При этом практически все грузинские националисты солидарны в том, что Грузия должна продолжать следовать евро-атлантической стратегии²¹, делая ставку как на развитие демократических институтов, реформу экономической инфраструктуры, так и на интеграцию в ЕС и НАТО. По мнению теоретиков грузинского национализма, экономически устойчивая и политически стабильная демократическая Грузия может стать не только важным региональным игроком, но и центром реинтеграции для Цхинвальского региона и Абхазии.

Грузинская идентичность: религиозное измерение

Несмотря на то что современный грузинский национализм развивается как преимущественно светское политическое движение и его теоретики предпочитают использовать западные концепции нации-государства, — определенную роль в развитии грузинского национализма играет и религиозный фактор, что связано с особой, консолидирующей ролью Церкви в жизни грузинского общества. В тех случаях, когда в грузинских СМИ заходит речь о Церкви, как правило, акцентируется та особая и уникальная роль, которую она играла и продолжает играть в сохранении, поддержании и развитии грузинской национальной идентичности, языка и литературы²².

Лидеры Церкви, периодически поднимающие проблемы теократии и ее перспектив на грузинской политической почве²³, на современном этапе заняли наступательную позицию, не только активно участвуя в политической жизни, поддерживая наиболее традиционные и кон-

¹⁹ См.: Неправительственные организации протестуют против изменений и оккупации [<http://1tv.ge/news-view/50850>], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

²⁰ См.: Саакашвили: «Россия испытывает правительство Грузии на прочность» [<http://www.civil.ge/rus/article.php?id=24856&search=>], 1 июня 2013.

²¹ См.: Якобшвили — государственный министр по вопросам урегулирования конфликтов [<http://www.civil.ge/geo/article.php?id=17435>], 7 июня 2013 (на груз. яз.).

²² См.: 35 лет — самых трудных и важных [<http://www.kvirispalitra.ge/martlmadidebluri/14978-35-tseli-gza-urthulesi-da-umnišvnelovanesi.html>], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

²³ См.: Патриарх о некоторых государственных и теократических формах правления [<http://geotimes.ge/index.php?m=home&newsid=44038&lang=geo>], 6 июня 2013 (на груз. яз.).

сервативные тенденции, но и полемизируя со светскими властями, которым указывают на недопустимость вмешательства во внутренние дела Церкви²⁴. Заметна если не тенденция заменить государственные институты церковными, то как минимум поставить под сомнение монополию светских властей на роль как теоретиков, так и выразителей грузинской национальной идеи. В подобной ситуации светские власти в 2010-х годах начали больше внимания уделять Церкви, активизировали, например, совместные социальные программы²⁵, стремясь подвести под свои инициативы не только политическую, светскую, но и религиозно маркированную легитимность.

Сама Церковь нередко акцентирует внимание не только на этой своей роли, но и на социальном служении²⁶, что содействует определенной политизации духовенства, его втягиванию в решение политических и социально-экономических проблем. Но на этом фоне появление грузинской версии «теологии освобождения» кажется отдаленной перспективой. Глава Грузинской Апостольской Автокефальной Православной Церкви — Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II²⁷ — периодически выступает в роли главного ньюсмейкера для сторонников религиозного, преимущественно традиционалистского течения в современном грузинском национализме, актуализируя именно традиционные ценности и принципы, лежащие в основе грузинской идентичности. Патриарх неоднократно указывал на особую роль Церкви в историческом развитии грузинской нации, поставив под сомнение роль светских институтов, в частности политических партий²⁸, которые он обвинил в следовании исключительно собственным узким интересам. Кроме того, Илия II стремится позиционировать ценности православия в качестве неотъемлемого элемента грузинской «национальной идеологии», резко выступая против радикальной вестернизации грузинского общества, что проявляется, например, в крайне негативном отношении к абортам²⁹.

Подобно польским и хорватским националистам католической ориентации, грузинские националисты крайне негативно относятся к активности представителей сексуальных меньшинств, хотя иерархи Церкви предпочли дистанцироваться от актов насилия во время гей-парада в мае 2013 года³⁰. При этом попытки начать дискуссию о месте гомосексуалистов³¹ так и не встретили понимания в обществе, которое продолжает развиваться в преимущественно традиционной системе координат. О значительной роли традиционализма свидетельствует и то, что после майской активизации представителей сексуальных меньшинств с их осуждением выступили представители всех традиционных конфессий, попросив их «воздержаться» от открытой демонстрации нетрадиционной сексуальной ориентации³². Интерпретируя столкнове-

²⁴ См.: Епископ Серафим: государство не должно в грубой форме вмешиваться в дела Церкви [<http://geotimes.ge/index.php?m=home&newsid=44083&lang=geo>], 9 июня 2013 (на груз. яз.).

²⁵ См.: Ассоциация по правам человека обратилась к премьер-министру и патриарху [<http://geotimes.ge/index.php?m=home&newsid=44009&lang=geo>], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

²⁶ См.: Что такое жизнь [<http://www.kvirispalitra.ge/martlmadidebluri/17143-ra-aris-sicockhle.html>], 7 июня 2013 (на груз. яз.).

²⁷ См.: Послание Его Святейшества [<http://www.kvirispalitra.ge/martlmadidebluri/16996-utsmindesis-saaghdgomo-epistole.html>], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

²⁸ См.: Патриарх Илия Второй: «Политические партии в своей конкуренции забыли о Грузии» [http://saqinform.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=14281:2013-04-26-09-48-33&catid=110:religia1&Itemid=514#axzz2VN26vyRS], 8 июня 2013 (на груз. яз.).

²⁹ См.: Христос воскрес! Воистину воскрес! [<http://www.kvirispalitra.ge/martlmadidebluri/16998-qriste-aghdga-tešmaritad-aghdga.html>], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

³⁰ См.: Церковь дистанцируется от насилия [<http://www.kvirispalitra.ge/kviridan-kviramde/17172-eklesia-dzaladobas-emijneba.html>], 7 июня 2013 (на груз. яз.).

³¹ См.: Является ли гомофобия только одной из фобий? [<http://24saati.ge/index.php/category/society/2013-06-02/38447>], 8 июня 2013 (на груз. яз.).

³² См.: Все церкви и религиозные объединения, действующие на территории Грузии, обратились к сексуальным меньшинствам с просьбой воздержаться от пропаганды и не демонстрировать свою идентичность в общественных

ния в Тбилиси, представители Церкви не только получили поддержку со стороны националистов традиционной ориентации, но и вступили в полемику с умеренными политиками из «Грузинской мечты», поставив под сомнение правильность слов Б. Иванишвили о том, что «представители сексуальных меньшинств обладают такими же правами, как и другие граждане, а общество, пусть и медленно, к ним все-таки привыкает»³³.

Подобная либеральная позиция вызвала резкое недовольство со стороны националистов и традиционалистов. Наиболее последовательную позицию в этом вопросе заняла Церковь³⁴, которая неоднократно выступала с осуждением представителей сексуальных меньшинств, сравнивая их, например, с наркоманами³⁵. Комментируя события, Илия II осудил желание представителей сексуальных меньшинств провести митинг в Тбилиси³⁶ и подчеркнул, что требования представителей сексуальных меньшинств являются для грузинского общества неприемлемыми, хотя и случаи насилия определил как «прискорбный акт»³⁷. В целом, грузинские националисты традиционалистского направления заняли принципиальную позицию, заявив, что в стране, где значительная часть населения исповедует христианство, открытые демонстрации гомосексуалистов недопустимы и неприемлемы³⁸.

Аналогичную позицию заняли и другие иерархи, подчеркнувшие, что гомосексуальная форма идентичности исторически и генетически чужда грузинской нации. Более того, волнения, связанные с разгоном гей-парада в Тбилиси, получили почти позитивную оценку, будучи восприняты как проявления «борьбы с грехом»³⁹.

Столь последовательная позиция грузинских националистов не подверглась ревизии даже после морального осуждения со стороны США⁴⁰, к мнению которых грузинские политики, как правило, предпочитают прислушиваться. Жесткая политика националистов и традиционалистов в отношении представителей сексуальных меньшинств и фактическое игнорирование международной критики свидетельствуют не только о реальном влиянии националистов, но и косвенно опровергают утверждение некоторых российских критиков о фактической зависимости Грузии от США. С другой стороны, последовательно отстаивая традиционные основания грузинской идентичности, деятели Церкви указывали, что гомо-

мексах [http://saqinform.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=14520:2013-05-17-07-24-47&catid=110:religion&Itemid=514#axzz2VN26vyRS], 9 июня 2013 (на груз. яз.).

³³ Премьер-министр прокомментировал планируемые действия против гомофобии [<http://www.civil.ge/geo/article.php?id=26881>], 4 июня 2013 (на груз. яз.).

³⁴ См.: Слава Господу, что он спасает нас от бед! [http://saqinform.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=14547:2013-05-20-09-56-51&catid=100:sazogadoeba&Itemid=396#axzz2VN26vyRS], 4 июня 2013 (на груз. яз.).

³⁵ См.: Церковь считает принадлежность к сексуальным меньшинствам очень серьезным грехом, веря в то, что гомосексуалисты нуждаются в помощи и поддержке [http://saqinform.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=14521:2013-05-17-07-28-30&catid=100:sazogadoeba&Itemid=396#axzz2VN26vyRS], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

³⁶ См.: Патриарх призвал отменить митинг в поддержку сексуальных меньшинств [<http://www.civil.ge/geo/article.php?id=26889>], 5 июня 2013; Гомофобия протестующих вылилась в насилие [<http://www.civil.ge/geo/article.php?id=26907>], 5 июня 2013 (все на груз. яз.).

³⁷ «Очень жаль, что представители духовенства повели себя грубо» [<http://www.kvirispalitra.ge/kviridan-kviramde/17281-qsamtsukharoa-rom-samghvdeloeba-uzrdelad-iqceodaq.html>], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

³⁸ См.: Патриархия: «В стране, где большинство населения являются христианами, мусульманами или последователями других традиционных религий, действия в поддержку гомосексуалистов вызывают протест» [http://saqinform.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=14599:2013-05-23-10-57-36&catid=100:sazogadoeba&Itemid=396#axzz2VN26vyRS], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

³⁹ Отец Тариезл: «В случае, если церковных лидеров апестуют...» [<http://geotimes.ge/index.php?m=home&newsid=43794&lang=geo>], 6 июня 2013 (на груз. яз.).

⁴⁰ См.: Бриджит Бринк: США осуждает насилие в отношении ЛГБТ [http://saqinform.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=14620:-----q&catid=100:sazogadoeba&Itemid=396#axzz2VN26vyRS], 8 июня 2013 (на груз. яз.).

сексуализм представляет собой «аномалию и болезнь», а также является «очень серьезным грехом»⁴¹.

В целом, в грузинском экспертном сообществе столкновения оценили как обострение конфронтации между сторонниками прозападного курса и националистами, склонными актуализировать не столько европейские политические ценности, сколько идеи, связанные преимущественно с грузинскими традициями. В современных грузинских СМИ оказываются востребованными статьи и репортажи, посвященные жизни и деятельности грузинских православных священников и деятелей Церкви XX века⁴², что, вероятно, указывает на принадлежность Грузии в целом и грузинского национализма в частности к той группе стран (наряду, например, с Польшей и Хорватией) и политических (националистических) движений, в которых идея национального актуализируется не только через светские, политические, гражданские, но и религиозные и церковные институты.

В подобной ситуации существование грузинской государственности нередко ставится в зависимость от сохранения Грузинской Церкви⁴³, что, вероятно, указывает на значительный нереализованный потенциал клерикальных течений в современном грузинском национализме — последний, по унаследованной от советского периода инерции, продолжает развиваться как движение преимущественно светской направленности. В этом отношении политический (гражданский) национализм пересекается с культурными тенденциями в современном грузинском национальном движении. Религиозное измерение в грузинском национализме на современном этапе имеет и политический уровень, связанный с борьбой Грузинской Церкви против отделения от нее Абхазской Церкви⁴⁴. Ответственность за появление и развитие церковного сепаратизма грузинские авторы возлагают не только на абхазских радикалов, но и на Московский Патриархат⁴⁵. По мнению грузинских СМИ, попытки создания отдельной Православной Церкви для Абхазии инспирированы извне и поддерживаются политическими элитами России, которая, как полагают национально ориентированные грузинские эксперты, стремится расчленить Грузию, отделив от нее как Абхазию, так и Цхинвальский регион.

Выводы и перспективы исследования

Таким образом, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с развитием современного грузинского национализма, точнее, со степенью и направленностью его проявления в грузинских СМИ.

Современный национализм развивается в условиях значительной фрагментации, которая, вероятно, со временем будет только усиливаться. На протяжении XX века грузин-

⁴¹ См.: Лидеры событий 17 мая недовольны заявлением Патриарха [<http://www.civil.ge/geo/article.php?id=26923>], 7 июня 2013 (на груз. яз.).

⁴² См.: Эксклюзивное интервью с Патриархом: «Я тот человек, который отвечает за отца Иоанна» [<http://www.kvirispalitra.ge/martlmadidebluri/16524-eqskluziuri-interviu-patriarqthan-qme-didad-davalebuli-var-mama-siosganq.html>], 7 июня 2013 (на груз. яз.).

⁴³ См.: Такого патриарха как наш, больше нет ни у кого [<http://www.kvirispalitra.ge/martlmadidebluri/15181-qisethi-patriarqi-rogoric-ebenia-aravis-ar-hyavsq.html>], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

⁴⁴ См.: Циктишвили И. Религиозный сепаратизм или идиотизм? [http://expertclub.ge/portal/cnid__10973/alias__Expertclub/lang__ka-GE/tabid__2546/default.aspx], 7 июня 2013 (на груз. яз.).

⁴⁵ См.: Исторические документы свидетельствуют... [http://expertclub.ge/portal/cnid__10983/alias__Expertclub/lang__ka-GE/tabid__2546/default.aspx], 5 июня 2013 (на груз. яз.).

ский национализм функционировал в условиях сосуществования как умеренных, так и радикальных трендов, что нашло свое отражение и в более ранних интерпретациях автором статьи идеологии грузинского национализма. С другой стороны, обращение к несколько иной базе источников хотя в целом и свидетельствует о сохранении подобной дихотомии, тем не менее открывает и новые перспективы исследования. Анализ проявлений современного грузинского национализма в тех формах, в которых он представлен в СМИ Грузии, позволяет в некоторой степени скорректировать более раннюю типологию грузинского национализма.

Вероятно, более корректно будет выделить в идеологии современного грузинского национализма не просто умеренное и радикальное течения, но и политические (гражданские, то есть модерновые) и традиционные (почти антимодерновые) тренды. При этом не следует связывать вторые исключительно с этнонационализмом. И гражданское, и традиционное течения в грузинском национализме опираются на более раннюю программу грузинского национализма, центральными задачами которой было создание современной грузинской нации с такими ее атрибутами, как идентичность, язык, развитая литературная традиция и политическое измерение, представленное независимой государственностью. Если первые три атрибута грузинской нации обладают определенной исторической традицией, то политическое измерение современного грузинского национализма — продукт 1990-х—2000-х годов. Именно негативная политическая динамика данного периода и определила характер развития грузинского националистического движения, которое обречено существовать в условиях значительной фрагментации политического пространства.

В подобной ситуации стало совершенно естественным не только дальнейшее развитие гражданского грузинского национализма, но и его последовательная радикализация, связанная с ростом этнических тенденций. Современный гражданский грузинский национализм — явление крайне противоречивое и разнообразное, а его теоретики охотно и умело применяют либеральную риторику, что достигло наивысшего расцвета после «революции роз», в условиях либеральных реформ и евро-атлантического внешнеполитического курса. На противоположном политическом полюсе находятся более традиционные течения в современном грузинском национализме, которые актуализируются в недрах и при помощи Православной Церкви. При этом традиционализм не следует воспринимать как некий универсальный антипод гражданского грузинского национализма. И традиционалисты, и гражданские националисты имеют общих политических предшественников. Поэтому, вероятно, имеет смысл говорить не только о фрагментации грузинского националистического дискурса, но и, в большей степени, об очередной волне его форматирования, выстраивания и актуализации самими же грузинскими националистами, которые не склонны к дискуссиям относительно проблем, проанализированных в данной статье.

Большинство грузинских националистов позитивно или сочувственно относятся к курсу на сближение с Западом, к дальнейшему развитию гражданских и политических институтов. Единственным камнем преткновения стал рецидив либерализации, связанный с активизацией гомосексуального сообщества в мае 2013 года, что, впрочем, содействовало консолидации националистов, вызвав с их стороны весьма жесткие комментарии. Поляризация и фрагментация грузинского национализма связана с совершенно иными вопросами политической повестки дня: с ролью Грузии на Кавказе и с проблемами российско-грузинских отношений. Таким образом, «российские» и «кавказские» темы должны стать объектом отдельного исследования актуальной идеологии современного грузинского национализма.

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ГРУЗИИ И КЫРГЫЗСТАНЕ

Айнура АКМАТАЛИЕВА

кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры политологии
Кыргызско-Российского славянского университета
(Бишкек, Кыргызстан)

АННОТАЦИЯ

После «революции роз» 2003 года кыргызстанские СМИ активно преподносят Грузию как пример проведения успешной экономической и антикоррупционной политики, реформирования правоохранительных органов и образовательного сектора. В практическом аспекте сотрудничество между Грузией и Кыргызстаном значительно расширилось после «второй тюльпановой революции» 2010 года и, в основном, принимает форму дипломатического и политического обмена опытом и совместных молодежных программ. Кроме того, предполагается, что товарооборот между Грузией и Кыргызстаном может превысить 1,4 млн долл.

Эти два государства постсоветского пространства, базирующиеся на различных социокультурных и экономических традициях, выбрали почти одинаковый путь построения сначала государственности, основанной на президентской форме правления, а затем —

парламентских демократий. Интенция на парламентскую демократию, проявившаяся после «цветных революций» (грузинской «революции роз» 2003 г. и кыргызских «тюльпановых революций» 2005 и 2010 гг.), была результатом постепенной «диффузии» мировой модели демократии. В обоих государствах эта интенция служит главным образом механизмом легитимации нового руководства как внутри страны, так и на международной арене. В обеих странах парламентская демократия находится пока на довольно ранней стадии развития, и говорить о каких-либо ее результатах еще рано. Сегодня интереснее посмотреть, как произошедшие изменения были восприняты и обоснованы в дискурсивных практиках, представленных в общественной дискуссии, в обсуждениях в СМИ и на интернет-форумах, в официальных документах, интервью и заявлениях лидеров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Грузия, Кыргызстан, парламентская демократия, «цветные революции», «революция роз», «тюльпановая революция», конституционная реформа, стратегии легитимации.

Введение

Грузия и Кыргызская Республика (КР), выбравшие почти одинаковые пути построения парламентских демократий, резко различаются по своим социокультурным и экономическим традициям и степени урбанизации. Так, на 2010 год в Грузии в городах проживали 53% граждан, а в Кыргызстане эта доля составила только 35%. Еще больше расходятся экономические показатели двух стран. В 2012 году ВВП Грузии на душу населения составил 5 900 долл., а в Кыргызстане — 2 400 долл. 9,7% грузин проживают за чертой бедности; в Кыргызстане этот показатель — 33,7%¹.

Тем не менее у этих государств есть и схожие черты. Так, в Грузии в сельском хозяйстве занято 55,6% населения, а в Кыргызстане — 48% (по данным 2012 г.). В обеих республиках государствообразующий этнос составляет подавляющее большинство населения: 83,8% — грузины (на 2002 г.) и 70,9% — кыргызы (на 2009 г.)².

Грузия часто представляется в кыргызстанских СМИ в качестве успешного примера проведения экономической и антикоррупционной политики, а также реформирования системы правоохранительных органов и образовательного сектора. И действительно, после «революции роз» Грузия поднялась со 133 места в мировом Индексе восприятия коррупции (CPI) «Трансперенси интернэшнл» (среди 176 государств) в 2004 году³ на 51-е в 2012 году, в то время как Кыргызстан за тот же период опустился со 122-го на 154 место⁴. В 2005 году оба государства находились на 130 месте в индексе CPI, при этом Грузия продемонстрировала впечатляющие результаты, а позиции Кыргызстана имели тенденцию к ухудшению.

Некоторые кыргызстанские СМИ для обозначения популярности грузинского опыта в проведении политических реформ используют термин «грузинификация»⁵. М. Саакашвили был единственным президентом, принявшим участие в инаугурации А. Атамбаева после его победы на выборах 2011 года, явивших собой первый пример мирной передачи власти в Центрально-Азиатском регионе. После официальной церемонии грузинский президент выступил в Американском университете Центральной Азии с речью на русском языке. Говоря о реформах, он заявил, что только молодое поколение может обеспечить достойное будущее.

Взаимный интерес двух республик значительно усилился после смены режима в Кыргызстане в 2010 году. Это проявилось в регулярных встречах на уровне руководства обеих стран, в активизации дипломатического и политического обмена опытом. Усилились и экономические связи между странами, а в кыргызстанских СМИ стали активно популяризоваться грузинские реформы. Некоторые аналитики объясняют такой интерес давними дружескими отношениями между двумя лидерами. Р. Отунбаева и М. Саакашвили были знакомы еще до того, как пришли к власти. В 2002—2003 годах Р. Отунбаева работала специальным представителем Генсека ООН в Грузии по урегулированию грузино-осетинского конфликта, а ранее, в 1990 году, опираясь на поддержку Э. Шеварднадзе, возглавила представительство СССР при ЮНЕСКО⁶. Сразу после апрельских событий 2010 года в Кыргызстане М. Саакашвили в телефонном разговоре с Р. Отунбаевой предложил ей помощь и

¹ См.: CIA World FactBook.

² Результаты переписи населения в Кыргызстане за 2009 год см.: [http://www.stat.kg/stat.files/din.files/census/5010003.pdf].

³ См.: CPI 2004 [http://archive.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2004].

⁴ См.: CPI 2012 [http://www.transparency.org/cpi2012/results].

⁵ Иосиф Илларионович: «Грузинификация» Кыргызстана: «химические реакции» или геополитическая механика? [http://polit.kg/conference/3/113], 12 марта 2013.

⁶ См.: Аскар Акаев: «Розу Отунбаеву я вырастил как политика...» [http://www.nvspb.ru/tops/askar-akaev-rozu-otunbaevu-ya-vyrastil-kak-politika-43121], 19 августа 2010.

поддержку, а еще до этого разговора отправил в Кыргызстан гуманитарную помощь, получив за это благодарность⁷. Кроме того, консультативную помощь временному правительству КР оказывала грузинская компания «Georgian Policy and Management Consulting Group» (PMCG) во главе с экс-министром экономики (2004—2005 гг.) и финансов (2005—2007 гг.) А. Алексишвили⁸. Ранее эта организация при поддержке ЮСАИД осуществляла в Грузии несколько общественно-политических проектов, направленных на совершенствование местного самоуправления, институциональное развитие парламента и содействие экономическим реформам.

В марте — июле 2009 года PMCG при поддержке и финансировании USAID осуществила в Кыргызстане проект по развитию бизнес-среды⁹. Однако некоторые эксперты в Кыргызстане и России восприняли консультативную помощь временному правительству в проведении макроэкономических реформ и антикоррупционных программ как попытку США сделать новое руководство республики проамериканским посредством привлечения грузинских организаций и финансирования их работы¹⁰.

21 сентября 2011 года, во время сентябрьского саммита ООН в Нью-Йорке, М. Саакашвили и Р. Отунбаева обсудили происходящие в обеих республиках политические процессы; при этом они договорились продолжать реформы и расширять программы по обмену для молодежи¹¹. Для изучения грузинского опыта депутаты Жогорку Кенеша КР несколько раз посетили Тбилиси. Увиденное там побудило их инициировать утверждение новых правил выдачи виз и контроля дорожного движения.

В 2011 году в целях увеличения товарооборота и расширения двухстороннего сотрудничества была создана межправительственная кыргызско-грузинская торгово-экономическая комиссия. В октябре 2012 года посол Грузии в Казахстане и Кыргызстане Д. Мумладзе объявил о решении создать зону свободной торговли и исключении двойного налогообложения между Грузией и КР¹². Однако в июне 2012 года это решение было отвергнуто Комитетом по международным отношениям Жогорку Кенеша. Причину подобного поворота событий аналитики видят в обязательствах Кыргызстана перед СНГ, куда Грузия не входит. Кроме того, с начала 2012 года в обществе активно обсуждался вопрос о вступлении КР в Таможенный союз. Это также не способствовало готовности парламентариев, испытывающих воздействие про-российского лобби и проказахстански настроенных бизнес-групп, поддержать грузино-кыргызскую зону свободной торговли.

Официальный Тбилиси решил активизировать дипломатические отношения с КР и открыть в Бишкеке консульское представительство Грузии (до этого посольство Грузии действовало только в Астане). Расширение сотрудничества между Кыргызстаном и Грузией наиболее наглядно проявилось именно в интенсификации дипломатических связей, встречах на высоком уровне, а также расширении молодежных программ.

⁷ См.: Саакашвили поговорил с Отунбаевой по телефону [<http://www.apsny.ge/2010/pol/1271616578.php>], 13 марта 2013.

⁸ См.: Розовая роза. Отунбаева позвала пиарщиков Саакашвили для «посткризисной реабилитации» обломков Кыргызстана. ВП берет деньги у России и отдает их Грузии! [<http://www.paruskg.info/2010/05/23/251111>], 25 мая 2010.

⁹ См.: Business Environment Improvement (BEI) Project in Kyrgyzstan [http://www.pmcg-i.com/index.php?option=com_content&view=article&id=181&Itemid=55], 20 December 2012.

¹⁰ См.: США наняли для новых властей Кыргызстана грузинских консультантов [<http://pda.newsme.com.ua/world/483840/>]; Розовая роза. Отунбаева позвала пиарщиков Саакашвили для «посткризисной реабилитации» обломков Кыргызстана. ВП берет деньги у России и отдает их Грузии!; Америка протянула Бишкеку руку Грузии [http://www.kyrgyznews.com/readarticle.php?article_id=3346], 10 апреля 2013.

¹¹ См.: Роза Отунбаева и М. Саакашвили договорились в Нью-Йорке создать «систему обмена молодежью» [<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1316692560>], 22 сентября 2011.

¹² [<http://www.24kg.org/economics/139392-kyrgyzstan-i-gruziya-gotovyatsya-podpisat.html>], 10 марта 2013.

«Цветные революции» и контекст изменений

Как и Кыргызстан, Грузию очень часто называют лабораторией или островком демократии. Причиной этого отчасти являются демократические обещания, которые в 1990-х годах президенты А. Шеварднадзе и А. Акаев щедро раздавали не только своим согражданам, но и международному сообществу. Однако в условиях политической и экономической либерализации, ухудшения социально-экономических условий жизни большинства граждан и коррумпированности власти выполнить эти обещания не удалось.

Зарубежные акторы, руководствовавшиеся парадигмой транзита, поддерживали демократизацию в этих странах посредством различных программ и инвестиций. Крупным иностранным донором Грузии являются США: с момента обретения независимости по 2010 год страна получила в целом 3,37 млрд долл.¹³ и является вторым после Израиля реципиентом американской помощи.

Кыргызстан получил за тот же период 1,22 млрд долл. и занимает третье место среди постсоветских государств в списке получателей донорского финансирования от США¹⁴.

Из всех программ наиболее успешными в плане долгосрочного эффекта являются образовательные проекты, возвращающие новые элиты, готовые к долгосрочным переменам. Они также формируют активные слои и группы гражданского общества и определяют направленность социальных изменений, что в целом можно рассматривать как процесс формирования предпочтений. Как пишет Дж. Най, «в университетах США были подготовлены 46 действующих и 165 бывших глав правительств и государств»¹⁵; не являются исключением и лидеры «цветных революций». Так, М. Саакашвили обучался в Школе права Колумбийского университета по программе стипендий Эдмунда Маски и в Международном институте прав человека в Страсбурге. Р. Отунбаева большую часть своей карьеры реализовала в западных странах. Экс-глава влиятельной НПО «Коалиция за демократию и гражданское общество» Э. Байсалов, игравший значительную роль в двух кыргызских революциях, является выпускником Американского университета в ЦА и стипендиатом американской программы по обмену студентами (1994—1995 гг.).

И в Грузии, и в Кыргызстане лидеры, создавая своим странам имидж либеральных государств в глазах иностранных акторов, использовали иностранные инвестиции для удержания власти. Деятельность Э. Шеварднадзе и А. Акаева способствовала росту осведомленности общества о демократических выборах, гражданском сопротивлении, свободе слова и т.д. Однако, предоставив широкие возможности для развития НПО и западных программ, они вместе с тем поддерживали свои коррумпированные авторитарные режимы.

Для понимания процессов консолидации демократии много дает теория М. Липсета. Согласно ей, уровень экономического развития напрямую коррелирует с уровнем образования и гражданской политической культуры и ролью среднего класса, типично ориентированного на демократические ценности.

Однако Грузия и Кыргызстан в условиях интенсивных глобализационных процессов получили очень большие — гораздо большие, нежели другие постсоветские государства, — возможности использовать иностранную стратегию «мягкой силы» и экономической помощи.

¹³ См.: *Nichol J.* Georgia: Recent Developments and US Interests, 13 July 2012. CRS Report for Congress [www.crs.gov], 10 November 2012.

¹⁴ См.: *Nichol J.* Kyrgyzstan: Recent Developments and US Interests, 26 October 2012. CRS Report for Congress [www.crs.gov], 10 November 2012.

¹⁵ *Nye J.* The Future of Power. New York, 2011. P. 96.

Это позволило широко использовать образовательный ресурс для консолидации «критической массы» граждан, требующих изменений, причем дело обошлось без формирования среднего класса. Стремление образованной молодежи к лучшей жизни и недовольство, порожденное несбывшимися ожиданиями граждан (погасить вызванный этим конфликт правящая элита была неспособна), обусловили возможность и неизбежность изменений.

Таким образом, важную роль в подготовке и процессе революций «роз» и «тюльпанов» сыграл рост двух переменных, задающих системный контекст политических изменений: социального и образовательного капитала. Первую переменную характеризует доминирование в обоих государствах социально-возрастной группы 25—54 лет. В Грузии доля лиц 25—54 лет составляла 42,1%, а в Кыргызстане — 39%. Эта группа является весьма активной частью социума: она более ориентирована на либеральные ценности, чем старшее поколение, целиком сформировавшееся в советскую эпоху.

Вторая переменная в обеих странах определялась высоким уровнем грамотности: 99,8% в Грузии, 99,7% в Кыргызстане¹⁶.

Необходимо также упомянуть о конкуренции внутри элиты (группы людей, в прошлом работавших вместе, но разобщенных в силу ряда причин); именно она создала возможность для объединения усилий оппозиции в решении краткосрочной задачи свержения власти и взятия реванша.

Лидеры «цветных революций» были экс-премьерами и министрами, близкими к режиму Шеварднадзе и Акаева, что позволяет последним называть их своими учениками¹⁷. Это, кстати, определило и неудачу инициативы о люстрации — просто не было государственных служащих, не работавших на Шеварднадзе и Акаева.

Интересно, что грузинская дискурсивная практика содержит утверждение: именно управленческий опыт правящей элиты обеспечивает успешность режима Саакашвили, а вот в Кыргызстане многие открыто выражают недоверие опытным кадрам и сомнение в их способности модернизировать или изменить систему¹⁸.

В середине лета 2010 года различные кыргызстанские НПО и общественные активисты инициировали Ордо Кенеш как Совет гражданского общества, чтобы продвинуть инициативу люстрации ради «очищения» нового режима от политиков, служивших Акаеву и Бакиеву¹⁹; однако трансформировать идею в закон они так и не смогли.

Если в Кыргызстане охоте на ведьм подверглись сторонники предыдущих режимов, то в Грузии эта кампания была направлена против коммунистических лидеров. 31 мая 2011 года грузинский парламент принял закон о люстрации, который запрещал бывшим работникам спецслужб СССР и коммунистическим лидерам занимать высокие посты в политической системе страны. Закон также запрещал использование фашистской и советской символики²⁰.

Политическая трансформация в Грузии и Кыргызстане началась после смены режимов, которая получила общепринятое название «цветная революция»; она имела как общие для

¹⁶ См.: CIA World FactBook info on Kyrgyzstan [<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kg.html>] and [<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kg.html>], 20 November 2012.

¹⁷ См.: Аскар Акаев: «Розу Отунбаеву я вырастил как политика...» (см. также: Interview with E. Shevardnadze, 27 February 2004. В кн.: «Enough!» The Rose Revolution in the Republic of Georgia 2003 / Ed. by Z. Karumidze, J. V. Wertsch. New York, 2005. P. 30—35).

¹⁸ См.: Кыргызстан: Инициаторы законопроекта о люстрации собрали в его поддержку 300 тысяч подписей [<http://www.fergananews.com/news.php?id=16507>], 10 апреля 2013.

¹⁹ См.: Люстрация в Кыргызстане не пройдет [http://delo.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=1915&catid=46:2011-05-19-19-45-19&Itemid=127], 10 апреля 2013.

²⁰ [http://zn.ua/POLITICS/parlament_gruzii_edinoglasno_prinyal_zakon_o_lyustratsii_a_takzhe_zaprete_fashistkoy_i_kommunistich.html], 20 марта 2013.

всех, так и специфические для каждой страны черты. В данном контексте можно сослаться на такое распространенное определение, как «репертуар ненасильственной, иногда успешной стратегии смены режимов»²¹.

Теме «цветных революций» было посвящено множество исследований с использованием дихотомии первичности актора или структуры, с парадигмой транзита и другими инструментами и конструкциями из методологического арсенала анализа элит²². Большое внимание данному вопросу уделили и западные политологи.

Дж. Витли выделяет семь факторов, обусловивших успешность «революции роз» в Грузии.

1. Умелая и правильно мотивированная оппозиция, обладающая опытом управления.
2. Активные и независимые СМИ, освещавшие деятельность оппозиции и недочеты правительства.
3. Несколько очень активных и политизированных НПО, сыгравших решающую роль в мобилизации граждан против властей.
4. Некоторые международные организации (наиболее заметная роль принадлежит Фонду Сороса), которые прямо или косвенно оказали активное содействие оппозиции посредством поддержки деятельности ключевых НПО.
5. Основные иностранные державы (Россия и США) либо занимали нейтральную позицию, либо были на стороне оппозиции.
6. Режим Шеварднадзе был крайне непопулярен, поскольку в полной мере не обеспечивал население необходимыми социальными благами.
7. Правительство Грузии либо не располагало силами, либо было не в состоянии проявить волю и применить насилие для подавления протестов, начавших набирать обороты в связи с оспариванием результатов выборов²³.

Д. Якопович отмечает решающую роль финансируемых Западом НПО, а также указывает на прозападную геополитическую ориентацию новых элит²⁴.

Д. Льюис, напротив, считает, что «иностранное содействие, финансируемые Западом НПО и группы гражданского общества играли куда более маргинальную роль» в «тюльпановой революции» в Кыргызстане²⁵. Однако при этом он недооценивает то обстоятельство, что среда для ненасильственной смены власти в стране создавалась в 1990-х годах при поддержке Запада, финансировавшего деятельность НПО, которые являлись активными реципиентами иностранных денег и помощи. Тем самым была создана возможность для получения активистами гражданского общества опыта предыдущих «цветных революций» и осознания ими права на мирное и открытое противостояние власти. При этом следует учесть, что НПО не были ключевыми акторами или главной движущей силой «цветных революций»: по мнению С. Джонса, их роль может быть определена как роль фасилитатора²⁶.

²¹ Finkel E., Brudny Y. No More Color! Authoritarian Regimes and Color Revolutions in Eurasia // Democratization, 12 February 2012, Vol. 19, Issue 1. P. 1—14.

²² См.: Zhrebkin M. In Search of a Theoretical Approach to the Analysis of «Colour Revolutions»: Transition Studies and Discourse Theory // Communist and Post-Communist Studies, 2009, No. 42. P. 199—216.

²³ См.: Wheatley J. Georgia from National Awakening to Rose Revolution: Delayed Transition in the Former Soviet Union. Aldershot: Ashgate Publishing, 2005.

²⁴ См.: Jakopovich D. The 2003 «Rose Revolution» in Georgia: A Case-Study in High-Politics and Rank-and-File Execution // Debatte, 2007, Vol. 15, Issue 2. P. 211—220.

²⁵ См.: Lewis D. The Dynamics of Regime Change: Domestic and International Factors in the «Tulip Revolution» // Central Asian Survey, September — December 2008, Vol. 27, No. 3—4. P. 265—277.

²⁶ См.: Jones St. The Rose Revolution: A Revolution without Revolutionaries? // Cambridge Review of International Affairs, March 2006, Vol. 19, No. 1. P. 42.

В свою очередь, Саакашвили, говоря о НПО и молодежных организациях, отмечает, что они «были многочисленны, но не играли особо важной роли. Однако их роль была важна для устрашения властей. Это все было сделано для восстановления морали и нравственности правительства»²⁷.

Между тем роль Запада как «экспортера революции» представляется достаточно спорной. Безусловно, при отсутствии благоприятных условий и как минимум активной группы людей, недовольных режимом, какому-либо зарубежному актору достаточно сложно мобилизовать гражданских активистов против существующей власти. Однако было бы неправильно утверждать, что успешное ненасильственное сопротивление властным структурам граждане Грузии и Кыргызстана оказали самостоятельно, без иностранной помощи.

В исследовании Э. Ченовет и М. Стефан, посвященном изучению множества различных конкретных случаев ненасильственного сопротивления в мире, указывается, что «эти кампании не обязательно пользуются преимуществами материальной помощи иностранных государств: они используют относительно небольшие гранты для приобретения таких предметов, как мобильные телефоны, компьютеры, радио, факсы, футболки, офисные помещения и другие средства, используемые активистами ненасильственных акций для рекрутирования людей, что в дальнейшем может дать многое»²⁸.

Некоторые зарубежные авторы в качестве ключевого условия успешности «цветных революций» называют наличие объединенной оппозиции; такого мнения придерживается, например, М. Бессингер²⁹. Д. О'Бичейн, оспаривая это суждение, указывает, что «оппозиционные партии столкнулись со сложностью координации действий, и их лидеры не могли найти компромисс в вопросе о том, как лучше изменить результаты выборов»³⁰.

В целом изменения в Грузии и Кыргызстане стали возможны благодаря действиям ряда акторов (оппозиция, НПО, молодежные организации, иностранные акторы) и определенному контексту социально-системных отношений в этих странах (наличие относительно свободных негосударственных оппозиционных СМИ, получение государствами достаточно ощутимой иностранной помощи, высокие ожидания граждан и неспособность правящих элит удовлетворить их).

Авторитарные и коррумпированные режимы, не желавшие реальных перемен, обещали своим гражданам светлое будущее; эти посулы раздавались на фоне ухудшения социально-экономических условий и постепенно начали раздражать население. Лидеры оппозиции, используя социальные сети и тактику ненасильственного сопротивления, смогли временно мобилизовать население вокруг общей цели, заключающейся в свержении власти. Основной движущей силой этого процесса стали вдохновленные прошлым опытом успеха «сербской бульдозерной революции» молодежные организации, такие как «Кмара» (Грузия), «Кел-Кел» и «Бирге» (Кыргызстан); их деятельность широко освещалась в СМИ.

Массовые протесты оппозиции против результатов парламентских выборов стали решающим фактором падения авторитарных режимов Шеварднадзе и Акаева; тысячи людей скандировали лозунги против властей и требовали от своих президентов сложить полномочия. Следует отметить, что в течение некоторого времени до парламентских выборов президенты уже проигрывали в информационной войне с оппозицией. Их нежелание признать спорность

²⁷ Interview with M. Saakashvili, 25 February 2004. В кн.: «Enough!» The Rose Revolution in the Republic of Georgia 2003. P. 26—27.

²⁸ Chenoweth E., Stephan M. Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. Columbia University Press, 2011. P. 223.

²⁹ См.: Bessinger M. Structure and Example of Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // Perspectives on Politics, 2007, Vol. 5, No. 2. P. 259—276.

³⁰ Beachain D. Roses and Tulips: Dynamics of Regime Change in Georgia and Kyrgyzstan // Journal of Communist Studies and Transition Politics, June — September 2009, Vol. 25, No. 2—3. P. 199—226.

результатов парламентских выборов способствовало дальнейшей эскалации напряженности, ведшей к свержению власти.

В Грузии народ был в состоянии предотвратить провокации и не допустить вооруженного конфликта. Мирные протесты продолжались в течение трех недель; дело не обошлось без международного вмешательства. Подобная ситуация лишила Э. Шеварднадзе возможности применить насилие против собственного народа. Как вспоминает М. Саакашвили, 9 ноября 2003 года в центре Зугдиди «вооруженные люди в масках стреляли в нас, и народ остановил их, сорвав с них маски. Три человека были ранены, двое из них получили ранение в грудь, так что это было довольно драматично»³¹.

В Кыргызстане в 2005 и 2010 годах лидеры оппозиции организовали прибытие в Бишкек сельских жителей, составлявших главную базу протестов, и затем не смогли остановить волну мародерства (в 2005 г.) и предотвратить жертвы среди населения (в 2010 г. погибли 87 чел.).

В Грузии основными протестующими были жители Тбилиси; в Кыргызстане первые народные волнения начались в регионах (Нарын, Джалал-Абад и Ош), и уже потом они переместились в столицу.

Как писали грузинские СМИ, была замечена «длинная линия из автомашин, направляющихся в сторону Тбилиси, однако лидеры оппозиции это расценили как символический жест. На автомашинах в Тбилиси прибыли не больше 5 тыс. чел.»³².

В обеих странах действовали временные правительства, возглавляемые женщинами-президентами (Н. Бурджанадзе и Р. Отунбаевой); и в Грузии, и в Кыргызстане были проведены ориентированные на парламентскую демократию конституционные реформы, референдумы, а также президентские и парламентские выборы.

Революции «роз» и «тюльпанов» привели к смене правящих элит. В Грузии новая элита во главе с президентом, получившим образование на Западе, проявила волю к переменам и реорганизации власти для «оправдания» философии реформ. Что же касается Кыргызстана, то все конституционные реформы, осуществленные режимом Бакиева после 2005 года, были направлены на реставрацию режима Акаева; они послужили основой массового недовольства, вылившегося в события 2010 года.

Для сравнения можно привести пример Украины: путь к парламентской революции, на который встал президент Ющенко после «оранжевых» событий, был прерван с приходом к власти «пророссийского» Януковича.

По различным оценкам, новые реформы иницируются элитой и являются процессами вертикальной направленности³³. Трансформация политических систем (от президентских к полупрезидентским) и дискурс о парламентской демократии позволяют говорить о грузинской «революции роз» и кыргызских «тюльпановых революциях» как о политических революциях нашего времени. По словам одного из крупнейших социологов современности Дж. Голдстоуна, «изменения институтов управления и принципов, на которых основывается практика действующих правительств, ... мотивированы убеждением, что принципы, на которых они основаны, неэффективны и несправедливы»³⁴.

Безусловно, в дальнейшем «дизайн» институциональной модели должен пройти проверку временем. Она покажет, происходят ли какие-либо системные изменения.

³¹ Interview with M. Saakashvili, 25 February 2004. P. 25.

³² Ibidem.

³³ См.: Cheterian V. Georgia's Rose Revolution: Change or Repetition? Tension between State-Building and Modernizing Projects // Nationalities Papers, September 2008, Vol. 36, No. 7. P. 689—712.

³⁴ Goldstone J. Revolution. Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences at Stanford University, 1997 [www.ciaonet.org/wps/goj01/].

Конституционные реформы

В Конституцию Грузии, принятую в 1995 году, в 2003—2010 годах был внесен ряд поправок. Главные из них касались перехода от президентской к полупрезидентской системе со значительным расширением полномочий законодательной власти. 2 ноября 2003 года в стране состоялся референдум, на котором за сокращение количества депутатов с 235 до 150 проголосовали 89,61% граждан Грузии; эта норма вступила в силу после парламентских выборов 2008 года.

В декабре 2004 года Саакашвили предложил новые поправки, касающиеся назначения президентом всех девяти членов Конституционного суда (до этого *по три кандидата в судьи Конституционного суда* назначались парламентом, президентом и Верховным судом), снижения возрастного ценза для судей с 35 до 30 лет и ограничения максимального срока пребывания в должности 10 годами³⁵, а также возможностей двойного гражданства для судей. В целом же эти изменения были направлены на снижение полномочий президента в пользу парламента и премьер-министра. 15 октября 2010 года они были приняты парламентом Грузии и должны вступить в силу после октябрьских президентских выборов 2013 года.

Поправки, внесенные в Конституцию Грузии в 2006 году, касались переноса президентских и парламентских выборов на осень (между сентябрем и ноябрем). В сентябре 2009 года были приняты еще два изменения, согласно которым парламент должен располагаться в Кутаиси, а Конституционный суд — в Батуми.

Внесение в Конституцию всех этих изменений стало возможно благодаря доминированию пропрезидентской партии Объединенное национальное движение Грузии (ОНДГ) на фоне «слабой и разобщенной оппозиции»³⁶. В июне 2011 года ОНДГ подписала с шестью партиями соглашение о необходимости внесения новых поправок в Конституцию относительно увеличения количества депутатов с 150 до 190 после парламентских выборов 2012 года. В декабре 2012 года победившая на выборах партия Иванишвили «Грузинская мечта» инициировала новые поправки, предусматривающие сокращение полномочий президента.

Конституция Кыргызстана, принятая 5 мая 1993 года, провозгласила в стране парламентско-президентскую форму правления. Однако вскоре между парламентом и президентом возник конфликт, и по итогам референдума 10 февраля 1996 года в стране была введена президентско-парламентская система.

Поправки 1998 и 2001 годов касались увеличения количества депутатов и предоставления русскому языку статуса официального. По итогам референдума 2 февраля 2003 года было принято решение о создании однопалатного парламента, в состав которого вошли 75 депутатов. При этом премьер-министр и парламент наделялись широкими полномочиями.

После «тюльпановой революции» Конституционное совещание разработало несколько вариантов изменений в Основной закон (их обсуждение началось 9 ноября 2006 г. и продлилось до 15 января 2007-го). Окончательная версия, предусматривавшая президентскую систему и пропорциональные выборы, была вынесена на референдум 21 октября 2007 года, что позволило тогдашнему президенту К. Бакиеву создать «карманный» парламент. Между тем последние поправки были аннулированы, и страна вернулась к Конституции 2003 года. После смены власти, произошедшей в 2010 году, новый вариант Конституции, содержащий положение о полупрезидентской системе, был одобрен на референдуме (27 июня 2010 г.). На референдум были вынесены два вопроса; они касались одобрения новой Конституции и продления

³⁵ См.: Khutsidze N. Proposed Constitutional Changes Cast Controversy // Civil.ge [http://www.civil.ge/eng/article.php?id=8812], 19 January 2005.

³⁶ [http://www.freedomhouse.org/report/nations-transit/2010/georgia], 20 ноября 2012.

полномочий президента переходного периода Р. Отунбаевой до 31 декабря 2011 года. Явка избирателей составила 65%; 90,57% проголосовавших одобрили поправки.

С одной стороны, можно говорить о легитимации нового руководства республики после апрельских событий. Но, с другой стороны, вызвала сомнения легитимность самого референдума. Причиной тому стали трагические события на юге страны в июне 2010 года. На момент проведения всенародного голосования обстоятельства этих событий все еще не были прояснены, что, согласно оценкам экспертов, отразилось на итогах референдума. Некоторые граждане проголосовали за стабильность «любой ценой», а 35% избирателей вообще не принимали участия в референдуме, опасаясь провокаций либо по причине отсутствия документов и жилья. В целом же на избирательных участках царила атмосфера веры; люди голосовали с надеждой на будущую стабильность и перемены к лучшему.

Одной из наиболее важных и часто упоминаемых западных организаций была Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия): она обеспечивала Грузии и Кыргызстану консультативную помощь при проведении конституционной реформы и внесении изменений в законы и кодексы о выборах. Применительно к Грузии Венецианская комиссия представляла доклады в 2004, 2006 и 2009 годах; их данные отражены в документе «Opinion on Draft Amendments to the Constitution of Georgia».

В 2003 году Венецианская комиссия предложила ряд рекомендаций относительно закона о выборах. Она подвергла критике парламентские выборы 2 ноября 2003 года, отметив несоблюдение демократических стандартов и серьезные нарушения, отраженные в мнении БДИПЧ, ПА ОБСЕ, ПАСЕ и Европарламента о низком соблюдении норм³⁷, да и сами нормы в совместном документе от 9—10 июня 2006 года характеризовались как требующие «значительного улучшения для соответствия стандартам ОБСЕ и обязательствам в рамках Совета Европы»³⁸.

В документе от 12 марта 2004 года Комиссия приветствовала намерения Грузии создать полупрезидентскую систему, которая сможет приблизить страну к «европейской практике». Однако при этом было отмечено, что поправки расширяют полномочия президента по назначению правительства без согласия парламента, хотя у законодателей есть право выразить вотум недоверия правительству³⁹.

В документе от 3—4 декабря 2004 года говорится, что «в некотором отношении конституция идет дальше, чем просто гарантирование основных прав и свобод граждан, включив в себя детализацию социальных, культурных и общественных прав»⁴⁰; в свою очередь, доклад 2006 года одобрял однозначность решения о создании полупрезидентской системы⁴¹.

Позже грузинское правительство осуществило двухгодичный проект по реформированию избирательного законодательства при поддержке миссии ОБСЕ в Грузии, а также Совета Европы и ПРООН. 16 июня 2009 года президент созвал Государственную конституционную комиссию для выработки поправок в Основной закон, которые должны были быть вынесены на широкое общественное обсуждение. 15—16 июня 2010 года немецкая организация техни-

³⁷ См.: Opinion on the Unified Election Code of Georgia as Amended on 14 August 2003 [[http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2004\)005-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2004)005-e)], 12 February 2013.

³⁸ См.: Joint Opinion of Election Code of Georgia by Venice Commission and ODIHR/OSCE [[http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2006\)023-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2006)023-e)], 12 February 2013.

³⁹ См.: Opinion on the Draft Amendments to the Constitution of Georgia Adopted by the Venice Commission on 12—13 March 2004 at its 58th Plenary Session [[http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2004\)008-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2004)008-e)], 12 February 2013.

⁴⁰ Joint Opinion on the Proposal on Constitutional Law on Changes and Amendments to the Constitution of Georgia Adopted by the Venice Commission on 3—4 December 2004 at its 61th Plenary Session [[http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2005\)003-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2005)003-e)], 12 February 2013.

⁴¹ См.: Opinion on the Draft Constitutional Law of Georgia on the Amendments to the Constitution, 15—16 December 2006 [[http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2006\)040-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2006)040-e)], 12 February 2013.

ческого содействия GTZ организовала в Берлине конференцию под названием Конституционная реформа в Грузии. В докладе за 2010 год по Грузии Венецианская комиссия «приветствует несколько важных улучшений и значительные шаги в правильном направлении»⁴². С 2002 года Венецианская комиссия оказывает консультативную помощь и Кыргызстану. В документе Комиссии от 14—15 декабря 2007 года, комментирующем поправки, которые были внесены в Конституцию КР после «тюльпановой революции» 2005 года, отмечается, что «превалируют негативные стороны текста», «авторитарные традиции взяли вверх» и что в целом была создана президентская система, что может в будущем провоцировать новые революции⁴³. В отчете 2010 года, посвященном новой Конституции КР, говорится уже о «шаге к улучшению системы разделения властей». Комиссия признает эту Конституцию «соответствующей демократическим стандартам» и высоко оценивает работу временного правительства и Конституционного совещания⁴⁴. Таким образом, роль Венецианской комиссии в легитимации новых элит Грузии и Кыргызстана посредством консультативной помощи в конституционной реформе и оказания дискурсивного давления на процесс принятия полупрезидентских систем сыграли важную роль в закреплении норм парламентской демократии. Новые политические системы, созданные в Грузии и Кыргызстане, часто называют парламентскими, однако де-юре они являются полупрезидентскими. Обратившись в Венецианскую комиссию за экспертизой конституционных поправок, лидеры революций до некоторой степени стремились к легитимации своей власти на международной арене. Поэтому они вынуждены были пойти на реальное внедрение изменений в контексте рекомендаций, предложенных европейскими экспертами. Деятельность Венецианской комиссии можно проследить по содержащимся в составленных ею документах и отчетах нормативным оценкам конституционных реформ в Грузии и Кыргызстане. Так, в некоторых из них отмечалось, что приближение к европейским стандартам означает априори улучшение системы. Таким образом, одобрение европейскими экспертами внесенных изменений обеспечило лидерам «цветных революций» возможность ссылаться на доклады комиссии как на вотум доверия их внутренней политике и рассчитывать на признание западными акторами.

Почему парламентская демократия?

Грузия и Кыргызстан изначально решили предоставить больше полномочий парламенту; при этом они руководствовались общей логикой, согласно которой важные политические решения должны приниматься широким консенсусом, дабы предотвратить тенденции к узурпации власти и установлению авторитарного режима. Эта идея была предложена лидерами «цветных революций», считающими, что конституционная реформа должна быть направлена на замену президентской системы парламентской.

В понимании главных причин перехода к полупрезидентской системе определенную роль могут сыграть аргументы разных акторов.

⁴² Final Opinion on the Draft Constitutional Law on Amendments and Changes to the Constitution of Georgia, 15—16 October 2010 [[http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2010\)028-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2010)028-e)], 12 February 2013.

⁴³ См.: Opinion on the Constitutional Situation in the Kyrgyz Republic Adopted by the Commission at its 73rd Plenary Session on 14—15 December 2007 [[http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2007\)045-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2007)045-e)], 12 February 2013.

⁴⁴ См.: Opinion on the Draft Constitution of the Kyrgyz Republic Adopted by the Venice Commission at its 83rd Plenary Session, 4 July 2010 [[http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2010\)015-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2010)015-e)], 12 February 2013.

Во-первых, общепризнано, что парламентская система подходит для полиэтнических по структуре государств, характеризующихся *сильно развитым регионализмом*. Она позволяет посредством политических партий представлять в парламенте интересы всех этносов страны, а также гарантировать стабильность и ощущение справедливости в обществе, что является необходимым условием для национального единства как важного фактора демократии (по Д. Растоу).

Процессы регионализма активно развиваются и в Грузии (Южная Осетия, Абхазия), и в Кыргызстане (Север — Юг); кроме того, в этих странах существуют проблемы, связанные с недостаточным этническим представительством и гендерным балансом в высших органах государственной власти.

В Кыргызстане при определении списка кандидатов в депутаты Жогорку Кенеша политическая партия обязана учесть следующий порядок представительства: в партийных списках кандидатов должны присутствовать

- не более 70% лиц одного пола, при этом разница очередности женщин и мужчин не должна превышать трех позиций;
- не менее 15% лиц не старше 35 лет;
- не менее 15% граждан, имеющих различную национальную принадлежность;
- не менее двух кандидатов — лиц с ограниченными возможностями, при этом один из них должен занимать в списке одну из первых 50 позиций.

Таким образом, КР демонстрирует свою приверженность ликвидации любых проявлений дискриминации по этническим, возрастным, половым или иным признакам.

Следует также отметить, что согласно ст. 70 п. 2. Конституции КР, политической партии по результатам выборов может быть предоставлено не более 65 депутатских мандатов в парламенте. Это может препятствовать доминированию в парламенте пропрезидентской партии, а также вынуждать ее представителей создавать коалиционные блоки.

Политические акторы и их интересы

Новая элита. А. Волферс подразделял политические цели на, с одной стороны, вполне конкретные и осязаемые «цели обладания» и, с другой — системные и неосязаемые «цели среды»⁴⁵. С этой точки зрения парламентская демократия связана с системными целями новых элит, а полупрезидентская система — с их «целью обладания» — легитимацией.

Выбор новой системы позволяет продемонстрировать реальные изменения и удовлетворить властные амбиции региональных элит. М. Буртон и Дж. Хигли указывают, что упорядочивание системы после политического кризиса происходит «со значительной скоростью, редко занимая больше нескольких недель или месяцев и заканчиваясь принятием формального документа (подписанного пакта, новой конституции) как воплощением неформальной и тактической договоренности»⁴⁶.

Именно необходимость легитимации новой элиты сделала проведение конституционной реформы главным вопросом повестки дня. Референдум по принятию новой Конституции в

⁴⁵ Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore, 1962. P. 73—77.

⁴⁶ Burton M., Higley J. Political Crises and Elite Settlement. В кн.: The Imported State: The Westernization of the Political Order / Ed. by B. Badie, Stanford University Press, 2000. P. 55—56.

Кыргызстане был проведен, несмотря на все еще остро ощущавшиеся последствия событий на юге страны. Довольно быстро вносил поправки в Конституцию и президент Грузии, опиравшийся на большинство в парламенте.

Новые элиты пытались опорочить президентскую систему, ссылаясь на исторический опыт первых лет независимости. Используя дискурсивные механизмы, они популяризировали парламентскую систему и старались сосредоточить внимание общественности исключительно на ее преимуществах. В качестве таковых назывались развитие политического плюрализма через конкуренцию партий, равное представительство региональных интересов в парламенте, а также механизм предотвращения авторитарных тенденций президента через систему разделения властей и систему сдержек и противовесов. При этом о негативных чертах парламентаризма практически не упоминалось.

Главный автор новой Конституции КР 2010 года О. Текебаев, считающийся отцом парламентской демократии в Кыргызстане, постоянно подчеркивает необходимость «новой политической культуры» и формирования «нового гражданина» в рамках ценностей парламентской демократии и демонстрирует несгибаемую веру в успешность системы наперекор всем сценариям афганизации и провала⁴⁷.

А. Атамбаев в своих интервью не устает подчеркивать, что нельзя дважды наступать на одни и те же грабли президентской системы⁴⁸, и утверждает, что смена элит возможна только через парламентские выборы⁴⁹.

Р. Отунбаева провозглашает, что «кыргызская весна 2010 года есть тренд в сторону парламентской демократии»⁵⁰, а сами кыргызы несут у себя в крови стремление к свободе слова и мнений. Она подчеркивает, что демократия как таковая не является чужеродным явлением для кыргызов⁵¹. 2005 и 2010 годы Р. Отунбаева обозначает как два этапа построения демократии⁵².

Новые изменения Конституции КР, не выносившиеся на широкое общественное обсуждение, были приняты очень быстро⁵³. Для обоснования необходимости парламентской системы правящая элита привлекала международные организации, иностранные агентства (Венецианская комиссия, БДИПЧ) и ряд ученых. В то же время она посредством дискурсивных практик стремилась маргинализировать приверженцев президентской системы, позиционируя их как сторонников предыдущих режимов. Таким образом были обрисованы условные границы поля политически корректных мнений. Сами лидеры оценивают новую систему как титаническое достижение на пути к общественному благоденствию.

⁴⁷ См.: Омурбек Текебаев: «Завтра это будет другая страна» [http://www.atameken.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=95:2010-09-11-09-08-40&catid=11:articles&Itemid=16]; Омурбек Текебаев: «Эпоха политического радикализма уходит в прошлое» [<http://www.polit.kg/newskg/209>]; Омурбек Текебаев: «Парламентаризм в Кыргызстане обречен на успех» [http://www.atameken.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=119:2010-10-10-11-21-22&catid=7:knovosti&Itemid=11], 12 февраля 2013.

⁴⁸ См.: Президент Алмазбек Атамбаев провел пресс-конференцию по итогам 2012 года [http://www.president.kg/ru/news/1351_prezident_almazbek_atambaev_provel_press-konferentsiyu_po_itogam_2012_goda/], 24 декабря 2012.

⁴⁹ См.: Интервью Президента А. Атамбаева МТРК «Мир», 11 марта 2013 [<http://kabar.kg/interview/full/51100>], 10 апреля 2013.

⁵⁰ Роза Отунбаева: В апреле 2010 года началась «кыргызская весна» и она стала трендом, 18 ноября 2011 [<http://www.knews.kg/ru/politics/6309/>], 12 февраля 2013.

⁵¹ См.: Роза Отунбаева: «Всею свое время». Президент Кыргызстана Роза Отунбаева дала эксклюзивное интервью «Азаттыку» по случаю 20-летия независимости страны [http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_otunbaeva_president/24314468.html], 1 сентября 2011.

⁵² См.: Р. Отунбаева о революциях и власти сегодня. Доклад Отунбаевой о событиях 23 марта 2011 года и 2005 и 2010 годов [<http://www.kyrgyznews.com/news.php?readmore=5112>], 12 февраля 2013.

⁵³ См.: Референдум в Кыргызстане [<http://www.golos-ameriki.ru/content/kyrgyzstani-citizens-2010-06-27-97277024/186153.html>], 12 февраля 2013.

Иностранные акторы. Построение парламентской демократии в постсоветских странах соответствовало интересам западных акторов. Дальнейшую демократизацию режимов предполагалось осуществлять путем развития парламентской системы посредством консультативной помощи Венецианской комиссии и БДИПЧ, а также финансовой поддержки деятельности НПО.

Здесь мы можем наблюдать различия в дискурсивных практиках постсоветских и западных государств. Соседние с Грузией и Кыргызстаном государства «хором» критиковали новые системы как неприемлемые для находящихся в состоянии постоянной нестабильности традиционных обществ с сильными элементами регионализма и кровнородственных отношений. Российский президент Д. Медведев открыто выражал свое негодование и сомнения в возможности успеха в Кыргызстане парламентской демократии, которая, на его взгляд, может привести к «катастрофическим последствиям»⁵⁴. Эта логика характерна для государств, испытывающих страх перед системой диффузии и пытающихся представить реформы, проведенные после «цветных революций», как «мертворожденные» инициативы.

Западные акторы в лице представителей ЕС и США в ходе своих визитов в Грузию и Кыргызстан, напротив, выражали поддержку и оптимизм относительно происходящих там процессов. Результаты «революции роз» в Грузии высоко оценивала и администрация Дж. Буша-младшего.

Тогдашний госсекретарь США Х. Клинтон с энтузиазмом выразила намерение поддерживать начатые в Кыргызстане реформы. О готовности предоставить консультативную помощь в проведении конституционной реформы заявила и Венецианская комиссия.

Содействие в организации общественных дискуссий и круглых столов по парламентаризму оказали также различные западные НПО. Так, на конференции, состоявшейся 18—20 ноября 2011 года в Бишкеке (в ней принимали участие делегаты из 14 государств), шведский Фонд Пальме выразил одобрение процессу построения парламентской демократии в КР⁵⁵. В ноябре 2012 года под эгидой ПРООН с участием представителей общественности прошла конференция о роли парламентаризма в постконфликтном урегулировании⁵⁶. 15 мая 2012 года несколько кыргызстанских НПО создали движение «За парламентаризм!», состоящее преимущественно из прозападно ориентированных лидеров⁵⁷.

Оппозиция. Лидеры оппозиции подчеркивали, что президентская система сама по себе является политически нейтральной и все зависит от личности президента и возможности узурпации им власти. Они также утверждали, что парламентская система тоже может создать парламентскую диктатуру. По их мнению, государство еще не готово для парламентаризма по следующим причинам: слабая партийная структура, сильный регионализм, непредсказуемость процесса принятия решений, отсутствие ответственности, постоянный коалиционный кризис и политическая нестабильность, значительная фрагментация населения, подчинение общественных интересов корпоративным и т.д.

Лидеры оппозиции инициируют новую конституционную реформу и роспуск парламента, критикуя политику нового правительства.

После президентских выборов 2011 года новую реформу предлагал А. Турдукулов⁵⁸; в августе 2012 года вышеуказанные цели провозгласил и лидер двух «цветных революций» глава объединенной оппозиции А. Бекназаров. Прошли массовые митинги, организованные движениями «Апрел Байрагы» и «Айкол Ала-Тоо» (23 августа 2012 г.)⁵⁹, «Таза коом учун»

⁵⁴ Президент Медведев и кыргызский парламентаризм // Независимая газета, 22 сентября 2010 [http://www.zpress.kg/news/news_only/6/22907/640.py].

⁵⁵ См.: Кыргызский парламентаризм глазами мирового сообщества // Азаттык [<http://www.paruskg.info/2011/10/21/51347>].

⁵⁶ См.: Интервью с З. Курмановым [http://www.open.kg/ru/theme/interview/?theme_id=248&id=611], 20 марта 2013.

⁵⁷ См.: В Бишкеке создали Совет по защите парламентаризма [<http://vof.kg/?p=4746>], 10 ноября 2012.

⁵⁸ [<http://www.knews.kg/ru/politics/2359/>], 12 февраля 2013.

⁵⁹ [<http://www.knews.kg/ru/society/20673/>], 10 апреля 2013.

(9 сентября 2012 г.)⁶⁰. Протестное движение постепенно начинало набирать обороты: когда 10 октября 2012 года после митинга были арестованы лидеры оппозиции,⁶¹ начались волнения в Джалал-Абаде (март 2013 г.)⁶².

Требования оппозиции, объединившейся вокруг движения «За роспуск парламента», становятся более радикальными; все чаще звучат имена лидера «Объединения прогрессивных сил» М. Ниязова⁶³ и руководителя движения «За спасение Кыргызстана» М. Чолпонбаева. 13 марта 2013 года оппозицией был проведен Курултай⁶⁴.

СМИ объясняли подобные действия оппозиции попытками Вашингтона свергнуть Атамбаева, не желающего продлевать сроки пребывания американской базы в аэропорту Манас. Сам президент КР исключает геополитические «игры» в качестве причины протестов: он расценивает их как попытку лидеров оппозиции, проигравших на предыдущих парламентских выборах 2010 года, прийти к власти⁶⁵. Новое правительство Грузии во главе с Иванишвили уже успели обвинить в пророссийской ориентации и пренебрежении европейскими ценностями, ставящем под угрозу возможность вступления республики в ЕС — речь идет о письме 23 депутатов Европарламента, в котором они раскритиковали политику новых властей страны⁶⁶.

Спикер парламента Усупашвили попросил ЕС «не устанавливать режим Саакашвили в качестве стандарта»⁶⁷. Затем в ответ на критику ЕС по поводу того, что в стране «наблюдается откат от демократии», последовал соответствующий меморандум⁶⁸. Однако 7 марта 2013 года грузинский парламент определил цель вступления в ЕС и НАТО в качестве приоритетной для внешней политики страны⁶⁹.

В настоящее время новое правительство и большинство депутатов парламента Грузии не спешат проводить конституционную реформу, инициатором которой был Саакашвили. Между тем новый парламент освободил 3 тыс. заключенных, в том числе 190 преследовавшихся по политическим причинам⁷⁰. О падении популярности Саакашвили свидетельствуют результаты парламентских выборов 2012 года, которые во многом связаны с подавлением протестов 2007 года и скандальным видео о насилии в тюрьмах⁷¹.

⁶⁰ См.: Митинг за роспуск парламента [<http://www.24kg.org/community/135915-v-stolice-kyrgyzstana-prodolzhaetsya-miting-za.html>], 10 апреля 2013.

⁶¹ [<http://www.24kg.org/community/139158-sredi-zaderzhannykh-mitinguyushhix-za-izmenenie.html>], 10 апреля 2013.

⁶² [<http://www.for.kg/news-216873-ru.html>], 10 апреля 2013.

⁶³ [<http://www.24kg.org/politic/147394-miroslav-niyazov-kyrgyzstan-na-polputi-k-tomu.html>]; [<http://rus.kg/news/vlast/9544-miroslav-niyazov-parlamentskaya-sistema-vedet-kyrgyzstan-k-haosu.html>], 10 апреля 2013.

⁶⁴ См.: *Алиева Ж.* Южная угроза [http://www.dn.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=1050:2013-03-07-21-33-33&catid=2:2011-10-23-11-43-45&Itemid=4], 10 апреля 2013.

⁶⁵ См.: Интервью Президента А. Атамбаева МТРК «Мир», 11 марта 2013.

⁶⁶ См.: European Center-Right Party Continues Educating Georgian Leader [<http://dfwatch.net/european-peoples-party-continues-educating-georgian-leader-15211>], 10 April 2013.

⁶⁷ GHN News Agency [http://www.lexisnexis.com/uk/nexis/results/docview/docview.do?docLinkInd=true&risb=21_T16945738247&format=GNBFI&sort=BOOLEAN&startDocNo=1&resultsUrlKey=29_T16945738264&cisb=22_T16945738263&treeMax=true&treeWidth=0&csi=404368&docNo=5], 10 April 2013.

⁶⁸ См.: Georgian Government Answers to the European People's Party [<http://dfwatch.net/georgian-government-answers-european-peoples-party-92855>], 10 April 2013.

⁶⁹ См.: Georgian Parliament Proclaims EU/NATO Integration Foreign Policy Priority // ITAR-TASS [http://www.lexisnexis.com/uk/nexis/results/docview/docview.do?docLinkInd=true&risb=21_T16945738247&format=GNBFI&sort=BOOLEAN&startDocNo=1&resultsUrlKey=29_T16945738264&cisb=22_T16945738263&treeMax=true&treeWidth=0&csi=384326&docNo=8], 10 April 2013.

⁷⁰ См.: IRIB news [<http://www.lexisnexis.com/uk/nexis/auth/checkbrowser.do?rand=0.735165503970945&cookieState=0&ipcounter=1&bhpc=1>], 14 January 2013.

⁷¹ См.: *Gemoklidze N.* Georgia's Parliamentary Elections — Democracy in Action? [<http://www.birmingham.ac.uk/news/thebirminghambrief/items/Georgias-Parliamentary-Elections-%E2%80%93-Democracy-in-Action.aspx>], 12 April 2013.

З а к л ю ч е н и е

«Революция роз» и социально-политические процессы, проходившие после нее в Грузии, сделали грузинских реформаторов весьма популярными в глазах политиков и СМИ Кыргызстана. Намерения и воля создать новую систему, ориентированную на парламентскую демократию, стали общей чертой политических процессов в Грузии и Кыргызстане, последовавших за «цветными революциями». Полупрезидентская система явилась следствием «включения» механизма легитимации новых элит как внутри страны, так и на международной арене. Это позволило продемонстрировать решительность властей в деле проведения структурных реформ.

Однако если 10 годовщина «революции роз» ознаменовалась позитивными изменениями в политической и социально-экономической жизни (например, образованная грузинская молодежь, рекрутируемая в государственные органы власти, теперь связывает свое будущее с родиной), то в отношении Кыргызстана вряд ли можно говорить о каких-либо прогрессивных изменениях. Реформаторские намерения, провозглашенные после «тюльпановых революций» 2005 и 2010 годов, остаются декларациями в силу отсутствия у «верхов» политической воли к переменам. Что же касается борьбы с коррупцией, то она стала механизмом преследования сторонников оппозиционных партий; немалую роль в этом сыграли и медийные ресурсы. Из-за отсутствия реальных перемен Кыргызстан на протяжении многих лет неизменно занимает низшие ступени в международных рейтингах.

Легитимация самой идеи парламентской демократии продолжается. Ее успешность зависит от способности лидеров «цветных революций» удержать власть и сохранить достигнутые результаты. Если они не проявят такой способности, оппозиция сможет добиться реставрации президентской системы.

ФРАГМЕНТАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Сейит Али АВДЖУ

*кандидат политических наук, доцент факультета
международных отношений Университета штата Вирджиния,
директор Центра исследований Центральной Азии
Кыргызско-Турецкого университета «Манас»
(Бишкек, Кыргызстан)*

А Н Н О Т А Ц И Я

Под «системой политических партий» понимают характер и взаимоотношения политических партий в той или иной конкретной политической системе. В основе классификации партийных систем лежат четыре

основные переменные: масштаб проникновения партий в ткань общества, партийные идеологии, отношение партий к легитимности режима и число партий в системе. Это последнее и определяет уровень фрагментации партийной системы. Кыргызская Республика как независимая страна возникла в результате распада Советского Союза. Кыргызстан после двух революций, завершившихся смещением президентов, изменил свою политическую систему, официально заявив об установлении в стране парламентской демократии. После смены режима в октябре 2010 года прошли первые выборы, в ходе которых пяти партиям удалось преодолеть пятипроцентный барьер и получить места в парламенте. Однако ни одна из них не получила большинства голосов, которое позволило бы ей единолично сформировать правительство, и партиям пришлось вступать в коалиции между собой. Последняя такая коалиция включает три партии: Социал-демократическую партию Кыргызстана (СДПК), партии «Ар-Намыс» и «Ата-Мекен». Две другие партии — «Республика» и «Ата-Журт» — остались в оппозиции. Я оценил эффективное число партий на пар-

ламентских выборах 2010 года по доле голосов и по доле мест, а также определил индекс наименьших квадратов для данного случая, используя индекс Майкла Галлахера, применявшего формулу Лааксо — Таагепера. Рассчитанное по распределению мест, эффективное число партий в Кыргызстане для парламентских выборов 2010 года составило 4,90. Однако по доле голосов, полученных партиями, эффективное число партий намного выше: 9,86. С другой стороны, индекс наименьших квадратов, измеряющий нарушение пропорциональности при определении результатов выборов, составляет 13,75. Это говорит о наличии значительного числа мелких партий, не получивших мест в парламенте. Важным источником этой диспропорции был пятипроцентный общенациональный барьер. Делается вывод, что система политических партий Кыргызстана сильно фрагментирована. Эта фрагментация вызвана как институциональными факторами, такими как конституционные нормы, законодательство о политических партиях и избирательная система, так и структурными, такими как социальный и политический расколы в обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические партии, социальные расколы, фрагментация, поляризация, Кыргызстан.

Введение

Политическим партиям принадлежит весьма значимое место в современной политической жизни: они играют важнейшую роль не только в демократических государствах, но и в большинстве авторитарных стран: именно через них осуществляется власть. Однако политические партии — явление в политике недавнее: они появились только в девятнадцатом столетии. Партии выдвигают кандидатов на общественные должности, формулируют программы действий для правительств, конкурируют за голоса, и, если им повезет, осуществляют исполнительную власть, пока их не отстранят. Они осуществляют необходимую связь между государством и обществом, между правительством и существующими в обществе группами интересов.

В ходе третьей волны демократизации в 1990-х годах число демократических государств в мире резко выросло. По мере развития этого процесса в возникающих демократических го-

сударствах создавались политические партии. Однако политические партии в этих странах неизменно занимают последние строчки в рейтингах институтов, пользующихся уважением в обществе: они либо слишком коррумпированы, либо слишком слабо связаны с реальной жизнью, чтобы завоевать доверие и поддержку. К тому же в восприятии людей они слишком слабы, слишком тесно связаны с конкретными лицами, вокруг которых формировались, или слишком ограничены в своих действиях авторитарной властью. Делать здесь какие-то обобщения опасно, но похоже, что политические партии, которые постсоветские страны произвели на свет за двадцать лет после распада Советского Союза, являются либо сильными, но авторитарными, либо демократическими, но слабыми.

Кыргызстан как независимая страна возник в результате распада Советского Союза. После двух революций, завершившихся свержением президентов, Кыргызстан изменил политическую систему, официально заявив об установлении парламентской демократии. После смены режима в октябре 2010 года в стране прошли первые выборы, в ходе которых пяти партиям удалось преодолеть пятипроцентный барьер и получить места в парламенте. Однако ни одна из них не получила большинства, которое позволило бы ей единолично сформировать правительство, и партиям пришлось вступать в коалиции между собой. Последняя такая коалиция объединила три партии: Социал-демократическую партию Кыргызстана (СДПК), партии «Ар-Намыс» и «Ата-Мекен». Две другие партии — «Республика» и «Ата-Журт» — остались в оппозиции. Отсюда вывод, что партийно-политическая система Кыргызстана сильно фрагментирована. Эта фрагментация вызвана как институциональными факторами, такими как конституционные нормы, законодательство о политических партиях и избирательная система, так и структурными — такими как социальный и политический расколы в обществе. Статья построена следующим образом. Сначала объясняются понятия «система политических партий», фрагментация и «поляризация» партийной системы. Затем анализируются институциональные и структурные причины фрагментации системы политических партий. Далее оценивается уровень партийной фрагментации в Кыргызстане. Наконец, исследуются причины фрагментации партийной системы в Кыргызстане.

1. Партийно-политическая система и ее фрагментация

Под «системой политических партий» понимают характер и взаимоотношения политических партий в той или иной конкретной политической системе. По мнению А. Уэра, любая партийная система характеризуется тремя признаками: эффективное число партий, политический и идеологический характер этих партий и то, как они взаимодействуют и конкурируют между собой. Он утверждает: «[Понятие] партийной системы охватывает как конкуренцию между различными партиями в рамках системы, так и сотрудничество между ними»¹. После публикации в 1976 году классической книги Дж. Сартори «Партии и партийные системы» исследование партийных систем стало делом значительно более методически изощренным. Согласно Уэру, классификация партийных систем основывается на четырех критериях: масштабе проникновения партий в ткань общества, их идеологии, отношении партий к легитимности режима и числе партий в системе². Первый критерий — масштаб проникновения партий в общественную ткань — количественно оценивается такими показателями связи между избирателями и партиями, как число избирателей, отождествляющих себя с той или иной партией,

¹ Ware A. Political Parties and Party Systems. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 147.

² См.: Ibid. P. 149.

численность членов партии, связь партий с гражданским обществом, политическая дееспособность. Недостаточная глубина проникновения может делать голосование более волатильным, а настроения избирателей — более переменчивыми и тем самым облегчить новым партиям вхождение в систему. В Кыргызстане примером такого явления может служить появление партии «Республика» и завоевание ею 19,17% мест в Жогорку Кенеше.

Второй критерий — партийная идеология — определяет место партии в политическом спектре. По своей идеологии партии делятся на группы. Клаус фон Бейме выделяет девять групп, или семейств, партий: либеральные/радикальные; социалистические/рабочие; консервативные; коммунистические; христианские демократы; аграрные; региональные/этнические; крайне правые; экологические³. Характер партийной системы зависит от картины идеологий партий, эту систему образующих.

По третьему критерию — позиции по отношению к режиму — партии могут сильно различаться: одни стремятся защитить и сохранить режим или улучшить его, другие хотят полностью изменить систему. Наличие всякого рода антисистемных партий в составе системы, их число и размер способны породить особые проблемы и даже хаос в случае, если эти партии предпочтут прибегнуть к насильственным или революционным методам — нередкая ситуация для антисистемных партий. Антисистемными могут быть партии с самой разной идеологией: крайне левые, крайне правые, регионалистские/сепаратистские, этнические, религиозные.

Второй и третий критерии определяют *поляризацию* партийной системы. Поляризацией называют идеологическую дистанцию между партиями. По классификации Сартори, поляризация партийной системы тем сильнее, чем дальше отстоят друг от друга партии по своей идеологии.

Однако чаще всего для характеристики партийных систем используется четвертый критерий — эффективное число партий. Политическая дееспособность и востребованность партии определяется ее способностью формировать правительство или входить в правящую коалицию: партия должна, по крайней мере время от времени, быть востребованной для самостоятельного формирования правительства или для участия в правительстве совместно с другими партиями. Методика измерения эффективного числа партий первоначально была разработана Д. Рэем⁴ и сегодня является весьма изощренной. Шире всего используется формула Лааксо — Таагепера, хотя существуют и другие формулы. Согласно Лааксо и Таагепера, *эффективное число партий* рассчитывается по следующей формуле⁵:

$$N = \frac{1}{\sum_{i=1}^n p_i^2},$$

где N — число партий, получивших как минимум один голос/одно место в парламенте,
а p_i^2 — квадрат доли, полученной каждой из партий в общем числе голосов/мест в парламенте.

Число партий в партийной системе определяет уровень ее фрагментации: чем больше партий в системе, тем сильнее та фрагментирована. Другими словами, фрагментация наблюдается в том случае, когда в системе больше двух партий и ни одна из них не получает большинства мест в законодательном органе, так что партии вынуждены вступать в коалицию между собой. Фрагментация партийной системы предполагает существование многопартийной системы. Соответственно, нельзя говорить о фрагментации в тоталитарных/авторитар-

³ См.: Von Beyme K. Political Parties in Western Democracies. New York: St. Martin's Press, 1985.

⁴ См.: Rae D. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven: Yale University Press, 1967.

⁵ См.: Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies, 1979, Vol. 12, No. 1.

ных режимах. Отсюда можно заключить, что наличие фрагментации партийной системы в какой-то стране может служить показателем или признаком демократического режима или, по крайней мере, усилий по демократизации страны. В конечном счете фрагментация и поляризация — два измерения, которые определяют тип партийной системы. Все партийные системы можно разбить на четыре группы⁶. Первая — группа с низким уровнем фрагментации и низким уровнем поляризации, которые ведут к формированию двухпартийных систем подобных той, что существует в Великобритании. Вторая группа — системы с высоким уровнем фрагментации и высоким уровнем поляризации — такой тип систем называют поляризованным плюрализмом. В качестве примера такого рода систем можно указать на Турцию 1990-х годов и Чили 1970-х. Третья группа — системы с высоким уровнем фрагментации и низким уровнем поляризации — этот тип называют сегментированным плюрализмом. Отчетливых примеров систем такого типа в мире немного, однако нынешняя партийная система Кыргызстана хорошо укладывается в эту категорию. Четвертая группа — системы с низким уровнем фрагментации и высоким уровнем поляризации. Системы такого типа встречаются чрезвычайно редко. Это Новая Зеландия до 1995 года, Великобритания 1970-х—1980-х годов. В эту же категорию укладывается и нынешняя американская партийная система. До сих пор мы говорили о партийно-политической системе; в следующем разделе мы объясним, какие причины обуславливают существование в стране той или иной партийной системы.

2. Формирование и изменение партийно-политической системы

Как можно объяснить фрагментацию партийных систем в развивающемся мире за последние 20 лет и наблюдающиеся различия между странами по этому показателю? По утверждению К. Хоукинса, один из самых легких ответов на этот вопрос лежит в плоскости культуры: избиратели в развивающемся мире бедны и неискушенны и не имели возможностей приобрести опыт демократии. Поэтому их партии по большей части строятся вокруг конкретных личностей, что не дает развиваться партийной идентификации или связям на основе региональной, профессиональной или идеологической общности. Кроме того, культурологическая концепция утверждает, что партийные системы в развивающемся мире всегда будут нестабильны и от выборов до выборов следует ожидать существенного падения доли голосов, полученных той или иной партией⁷.

Хотя объяснение с позиций культуры позволяет описать ситуацию с партиями и партийными системами в развивающемся мире, этого еще не достаточно: необходимо понимать, что же лежит за слабостью партийных систем в развивающихся странах. Поэтому следует рассмотреть и другие объяснения, исходящие из характера и размера партийных систем. В самом общем виде эти подходы можно разделить на те, что рассматривают процессы формирования партийных систем как «восходящие», то есть идущие «снизу вверх», и те, что рассматривают их как «нисходящие». Подходы, рассматривающие партийные системы как выстраивающиеся «снизу вверх», основываются на идее, что партийные системы формируются снизу, социальными силами, в то время как «нисходящие» подходы базируются на том, что такие системы созданы сверху, то есть институтами и политическими элитами. Основные из «восходящих» подходов — подход с позиций так называемого социального кливажа — расколов общества

⁶ См.: Ware A. Op. cit. P. 169.

⁷ См.: Hawkins K. The Breakdown of Traditional Parties in Latin America // APSA, 2001, No. 10.

по классовым, расовым, религиозным и т.п. основаниям; пространственное моделирование; теория «экономического голосования». «Нисходящие» подходы включают институционализм и концепции, исходящие из теории элит. Ниже будет проанализирован каждый из подходов и его достоинства.

2.1. «Снизу вверх»

Три самых важных «восходящих» подхода — анализ социальных расколов, пространственное моделирование и теория «экономического голосования». Подход, исходящий из анализа социальных расколов, апеллирует к существующим в обществе социальным группам и слоям. Пространственное моделирование основывается на идее, что избиратели выбирают кандидата или партию, чья позиция по тем или иным вопросам ближе всего к той, что представляется им предпочтительной. Модель «экономического голосования» основывается на том, что к фрагментации ведут различия в оценке избирателями экономических достижений партий, которые находятся у власти и претендуют на переизбрание.

2.1.1. Подход с позиции социальных расколов и его критики

В дискуссии о факторах, определяющих характер и размер партийных систем, заметное место занимают работы, подчеркивающие роль социальных расколов в структурировании партийных систем⁸. В частности, С. Липсет и С. Роккан в своем классическом труде утверждали, что самые важные различия между партийными системами среди стран Западной Европы отражают различие в характере существующих там социальных расколов. Они выделили четыре главных раскола, конфигурация которых задает структуру партийных систем: расколы по религиозному и по классовому признаку, противостояние ядра и периферии и города и деревни. Партийные системы, однажды сформированные под влиянием этих расколов, оставались устойчивыми или замороженными даже в тех случаях, когда структура и линии самих расколов со временем изменялись. Партии, завоевавшие приверженность тех или иных социальных групп, сохраняли ее.

Под линиями социальных расколов понимаются разграничения между организованными социальными и структурными элементами общества — такими, как классы, этнические и религиозные группы, у каждой из которых есть свой особый «комплекс ценностей, верований и убеждений, обеспечивающий ее членам чувство идентичности и отражающий самосознание соответствующей социальной группы»⁹. На конкуренцию между политическими партиями влияют как несогласия вокруг конкретных проблем или политические разногласия, так и социальные расколы. «Разделения в обществах вызываются не только структурными различиями, вроде этнических и классовых, но и различиями во взглядах и предпочтениях по полити-

⁸ См.: *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives* / Ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press, 1967; *Bartolini S., Mair P. Identity, Competition, and Electoral Availability: The Stabilization of European Electorates, 1885—1985*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1990; *Kitschelt H. The Formation of Party Systems in East Central Europe* // *Politics and Society*, March 1992, Vol. 20, No. 1; *Yashar D.J. Civil War and Social Welfare: The Origins of Costa Rica's Competitive Party System*. В кн.: *Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America* / Ed. by S. Mainwaring, T. Scully. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995.

⁹ *Bartolini S., Mair P. Op. cit. P. 215.*

ческим, экономическим, культурным, и социальным проблемам», — утверждает Морено¹⁰. В большинстве случаев социальные расколы и расколы по конкретным проблемам связаны друг с другом. Постоянно присутствующие спорные проблемы в политической сфере обычно имеют под собой твердые социальные и структурные основания.

Партии и существующие в обществе расколы влияют друг на друга и взаимно друг друга формируют. Социальные расколы определяют появление партий, потому что политики выбирают себе в качестве социальной базы несколько социальных групп или группировок. Хоукинс описывает отношения между расколами и изменением системы политических партий таким образом: «...партийные системы меняются под влиянием долгосрочных изменений в запросах избирателя, а эти запросы меняются в тех случаях, когда возникают новые социальные расколы, не совпадающие с прежними, или если появляются новые взаимосвязанные комплексы фундаментальных проблем, пересекающие прежние идеологические водоразделы»¹¹.

Подход с позиций социальных расколов стали критиковать сразу же после того, как он впервые был сформулирован. Прежде всего, как утверждает С. Стоукс, подход этот «никогда не мог удовлетворительным образом объяснить, почему именно возникает тот или иной комплекс расколов и почему он оказывается устойчивее других»¹². Вполне возможно, что какие-то важные различия никогда не приобретали политического характера. Предположение, что социальные расколы всегда оформляются политически, упускает из виду проблему коллективного действия. Во-вторых, институционалисты доказывают, что социальные группы не всегда организуются в политические партии, поскольку образование коалиций с другими социальными группами обычно оказывается лучшей стратегией, чем организация своей самостоятельной партии¹³. В третьих, они подвергают критике тезис, что социальные расколы автоматически находят отражение на политической сцене: такое утверждение игнорирует субъективный фактор, действия конкретных людей. Как утверждает Сартори, именно партии определяют, каким именно социальным расколам следует придавать политическую форму: «Старомодная социология принимала как нечто само собой разумеющееся, что политическая система сама по себе лишь отражает существующие в обществе расколы, но не порождает их. В результате в реальности мы очень мало знаем о том, в какой мере благодаря действиям и действующим лицам политической системы конфликты и расколы могут быть канализованы, направлены в другое русло и разрешены через представительство или же, напротив, возбуждены и усилены»¹⁴.

Таким образом, партии не только пассивное отражение существующих социальных расколов; они еще и самостоятельные институты, содействующие оформлению этих расколов. Другими словами, политики имеют возможность самыми разными способами объединять и рекомбинировать те или иные группы для достижения политических целей. В-четвертых, подход с позиций социальных расколов иногда критикуют за то, что он игнорирует воздействие, которое оказывают на партийную систему институты, прежде всего положения избирательной системы.

Под влиянием этой критики некоторые авторы приходят к выводу, что подход с позиций социальных расколов в его традиционной форме, в соответствии с которой партийные систе-

¹⁰ См.: *Moreno A.* Political Cleavages: Issues, Parties, and the Consolidation of Democracy. Boulder, CO: Westview Press, 1999. P. 106.

¹¹ *Hawkins K.* Op. cit.

¹² *Stokes S.C.* Political Parties and Democracy // *Annual Review of Political Science*, 1999, No. 2. P. 247.

¹³ См.: *Neto O.A., Cox G.W.* Electoral Institutions, Cleavage Structures, and the Number of Parties // *American Journal of Political Science*, January 1997, Vol. 41, No. 1. P. 150.

¹⁴ *Sartori G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge, Ma: Cambridge University Press, 1976. P. 176.

мы лишь пассивно отражают застывшую систему расколов в обществе, больше нельзя считать продуктивным объяснительным инструментом¹⁵. Это, однако, не означает, что социальные расколы полностью исчезли или что подход с позиций социальных расколов полностью утратил объяснительную силу. Я здесь утверждаю, что социальные расколы по-прежнему серьезно влияют на формирование партийных систем и в развивающихся странах эти расколы изменяются под влиянием стремительной глобализации. Я утверждаю также, что положение дел в каждой стране следует анализировать особо, выясняя, какие именно социальные расколы в этой стране вышли на поверхность и нашли отражение в ее партийной системе. Поэтому если рассматривать социальные расколы в их динамике, то с их помощью можно объяснить многие изменения в партийной системе.

2.2. «Сверху-вниз»

Сторонники «нисходящих» подходов придерживаются мнения, что фрагментация партийной системы отражает роль политической элиты и более широких институтов политического режима, таких как конституции, нормы избирательной системы, другие барьеры для вхождения в политическую систему, а также является результатом внутренней организации самих партий. Попытки объяснить формирование партийных систем с точки зрения роли политической элиты отражают переход от социетальных трактовок к политическим. Институционалистская теория развивает подход к анализу партийных систем, альтернативный по отношению к анализу социальных расколов. Как утверждает Стоукс, для институционалистов важнее объяснить число партий в системе, чем тип этих партий¹⁶.

Начало институционалистской теории было положено работами М. Дюверже¹⁷. Как и ряд других исследователей, он подчеркивал влияние, которое характер избирательной системы оказывает на число партий в стране.¹⁸ По утверждению Дюверже, *система с одномандатными округами*, при которой для завоевания места в представительном органе требуется получить простое большинство голосов, обычно гораздо сильнее ограничивает число значимых партий в политической системе, чем *система с многомандатными округами и пропорциональным представительством*. Говоря точнее, мажоритарная система в один тур способствует формированию двухпартийной системы — это утверждение обычно называют законом Дюверже¹⁹, в то время как мажоритарное голосование в два тура и система пропорционального представительства способствуют формированию многопартийной системы — это положение носит название гипотезы Дюверже²⁰. Похоже, что корреляция между избирательными системами с одномандатными округами с победой простым большинством и двухпартийностью и между

¹⁵ См.: Comparing Party System Change / Ed. by P. Pennings, J.-E. Lane. New York: Routledge, 1998. P. 13.

¹⁶ См.: Stokes S.C. Op. cit.

¹⁷ См.: Duverger M. Political Parties. New York: Wiley, 1951; *Idem*. Political Parties and Pressure Groups: A Comparative Introduction. New York: Wiley, 1966.

¹⁸ См.: Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. New York: John Wiley and Sons, 1954; Rae D. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven: Yale University Press, 1967; Sartori G. Op. cit.; Riker W.H. Duverger's Law Revisited. В кн.: Electoral Laws and Their Political Consequences / Ed. by B. Grofman, A. Lijphart. New York: Agathon, 1986; Lijphart A. Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945—1990. Oxford: Oxford University Press, 1994; Taagepera R., Shugart M.S. Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. New Haven: Yale University Press, 1989; Cox G. Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

¹⁹ См.: Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. 3rd edition. London: Methuen, 1964. P. 217.

²⁰ См.: Duverger M. Political Parties. P. 239.

системами пропорционального представительства и многопартийностью подтверждается для большинства стран.

Хотя утверждения Дюверже получили статус социологического закона, наличие таких важных исключений, как Канада, Индия и Австралия, породили среди ученых споры о том, действительно ли это отношение носит причинно-следственный характер. Например, У. Райкер не уверен в том, какова природа сформулированных Дюверже закономерностей: представляют ли они собой детерминистические законы или вероятностные закономерности. Кроме того, для объяснения контрпримеров Канады и Индии он ввел дополнительные переменные, такие как уровень, на котором соревнуются между собой две партии — местный или общенациональный²¹. Сартори внес в этот спор свой вклад, утверждая, что воздействие избирательного законодательства на партийные системы следует рассматривать не как непосредственную причину, а лишь как побочный эффект, иначе говоря, он считает, что избирательное законодательство не создает партийные системы, но лишь поддерживает их²². И Райкер, и Сартори утверждают, что с модификацией избирательного законодательства закон Дюверже должен быть признан.

Некоторые приверженцы анализа социальных расколов сохраняют скепсис по отношению к институциональному подходу и утверждают, что институционалисты меняют местами причину и следствие и что на самом деле именно характер партийной системы определяет избирательную систему, и никак не наоборот. Например, К. Бойкс пытается обогатить методологический инструментарий анализа социальных расколов, включив в него учет субъективного фактора, и утверждает, что характер избирательных систем есть следствие стратегических решений, принимаемых правящими партиями с целью минимизировать риски. До тех пор, пока ситуация с голосованием не меняется и действующая система благоприятствует правящим партиям, неизменной остается и избирательная система. Если же в систему вступают новые партии и старые ощущают угрозу, — эти последние начинают выступать за переход от мажоритарной системы к пропорциональному представительству²³.

Еще с одним вызовом утверждения Дюверже столкнулись в 1990-х годах, когда появились новые демократии. Факты, наблюдаемые в новых демократических государствах, не подтверждали закон Дюверже в той его формулировке, которая приводилась выше. Опыт России, Украины и Польши показал, что пропорциональное представительство и выборы по мажоритарной системе могут привести к сильнейшей фрагментации партийной системы²⁴. Р. Мозер исследовал эффект выборов по одномандатным округам в пяти посткоммунистических государствах, чтобы установить воздействие избирательных систем на партийные системы в посткоммунистических условиях. Он обнаружил, что в Польше и Венгрии в ответ на стимулы со стороны избирательных систем спустя какое-то время реализовались стандартные модели партийной консолидации, а в России и Украине этого не произошло. Система выборов по одномандатным округам там не принесла автоматического эффекта, и результатом ее стало образование в России и Украине фрагментированных партийных систем. Но если избирательные системы не являются решающим фактором формирования партийных систем, то, значит, должны существовать другие переменные, влияющие на характер партийной системы.

²¹ См.: *Riker W.H.* Op. cit.

²² См.: *Sartori G.* The Influence of Electoral Systems: Faulty Laws or Faulty Method. В кн.: *Electoral Laws and Their Political Consequences.*

²³ См.: *Boix C.* Setting the Rules of the Game: The Choice of Electoral Systems in Advanced Democracies // *American Political Science Review*, 1999, Vol. 93, No. 3. P. 609.

²⁴ См.: *Jasiewicz K.* From Solidarity to Fragmentation // *Journal of Democracy*, April 1992, No. 3; *Moser R.G.* Electoral Systems and the Number of Parties in Postcommunist States // *World Politics*, 1999, Vol. 51, No. 3.

Опираясь на аргументацию С. Мэйнуоринга, Мозер объясняет различия в эффектах избирательных систем различиями в уровне партийной институционализации в посткоммунистических государствах²⁵. Институционализацию Мэйнуоринг определяет как процесс, в ходе которого та или иная практика или форма организации если и не принимается всеми без исключения, то, по крайней мере, прочно утверждается и получает широкую известность. Участники процесса основывают свои ожидания, ориентации и поведение на предпосылке, что в обозримом будущем преобладать будет именно эта практика или тип организации. В политике институционализация означает, что у политических акторов имеются ясные и устойчивые ожидания относительно поведения других акторов²⁶.

Критикуя подход к анализу партийных систем, исходящий из социальных расколов и предполагающий, что партийные предпочтения избирателя определяются его социальный статусом, Мэйнуоринг утверждает, что для ситуации Латинской Америки подход с позиций социального раскола имеет лишь весьма ограниченную применимость. Он предполагает, что крайняя неустойчивость избирательного поведения, неукорененность партий в обществе, низкая легитимность и слабость организации партий делает партийную систему плохо организованной. Но хотя все четыре объяснения вполне правомерны, сами они требуют дальнейшего объяснения. Что еще важнее, Мэйнуоринг не пытается объяснить крах хорошо институционализированных партийных систем, таких как системы в Перу, Эквадоре, Мексике и Венесуэле. Например, в Венесуэле ранее вполне институционализированная партийная система полностью исчезла, что совпало по времени с экономическими реформами.

Один из выводов Мозера непосредственно касается одного из основных пунктов моих рассуждений. Исследователь утверждает: «Наконец, мы полагаем, что в условиях слабой институционализации партий в некоторых посткоммунистических государствах системы пропорционального представительства с законодательно установленными порогами прохождения могут ограничивать число партий сильнее, чем выборы по одномандатным округам»²⁷.

3. Фрагментация и поляризация партийной системы в Кыргызстане

Как уже отмечалось выше, «фрагментация» означает число партий в системе. Чем больше партий присутствует в системе, тем сильнее она фрагментирована. Партийную систему Кыргызстана можно определить как многопартийную систему без доминирующей или главной партии. Всего в Кыргызстане 184 партии, из которых только десять активно участвуют в политическом процессе²⁸. Партийная система страны весьма фрагментирована. Как видно из таблицы, в парламенте представлены пять партий. Три из них сформировали коалицию, а две находятся в оппозиции. У этих пяти политических партий различаются политические платформы, идеология и представления лидеров о политике и экономике. При наличии пяти партий трудно добиться консенсуса.

²⁵ См.: Moser R.G. Op. cit. P. 361.

²⁶ См.: Mainwaring S. Rethinking party Systems in the Third Wave of Democratisation. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999. P. 25.

²⁷ Moser R.G. Op. cit.

²⁸ См.: Официальный сайт Министерства юстиции [http://minjust.gov.kg/?page_id=6551], 2 мая 2013.

Таблица

Оценка эффективного числа партий по доле полученных голосов и по доле мест и индексам наименьших квадратов на парламентских выборах 2010 года

	Число голосов ¹	Число мест	Доля полученных голосов, %	Доля полученных мест, %	Индекс наименьших квадратов ²	Эффективное число партий по доле полученных голосов ³	Эффективное число партий по доле полученных мест ⁴
Контрольный показатель	0	0	0,00	0,00	13,75	9,86	4,90
Всего	1 679 710	120	100	100	378,05	0,10	0,20
«Ата-Журт»	257 100	28	15,31	23,33	64,43	0,02	0,05
СДПК	237 634	26	14,15	21,67	56,54	0,02	0,05
«Ар-Намыс»	229 916	25	13,69	20,83	51,06	0,02	0,04
«Республика»	210 594	23	12,54	19,17	43,95	0,02	0,04
«Ата-Мекен»	166 714	18	9,93	15,00	25,75	0,01	0,02
«Бутун Кыргызстан»	139 548	0	8,31	0,00	69,02	0,01	0,00
«Ак-Шумкар»	78 673	0	4,68	0,00	21,94	0,00	0,00
«Замандаш»	55 907	0	3,33	0,00	11,08	0,00	0,00
Партия 9 ⁵	46 070	0	2,74	0,00	7,52	0,00	0,00

Таблица (продолжение)

	Число голосов ¹	Число мест	Доля полученных голосов, %	Доля полученных мест, %	Индекс наименьших квадратов ²	Эффективное число партий по доле полученных голосов ³	Эффективное число партий по доле полученных мест ⁴
Партия 10	35 560	0	2,12	0,00	4,48	0,00	0,00
Партия 11	32 355	0	1,93	0,00	3,71	0,00	0,00
Партия 12	24 431	0	1,45	0,00	2,12	0,00	0,00
Партия 13	11 056	0	0,66	0,00	0,43	0,00	0,00
Партия 14	10 960	0	0,65	0,00	0,43	0,00	0,00
Партия 15	9 338	0	0,56	0,00	0,31	0,00	0,00
Партия 16	8 574	0	0,51	0,00	0,26	0,00	0,00
Партия 17	7 818	0	0,47	0,00	0,22	0,00	0,00
Партия 18	7 487	0	0,45	0,00	0,20	0,00	0,00
Партия 19	5 776	0	0,34	0,00	0,12	0,00	0,00
Партия 20	5 484	0	0,33	0,00	0,11	0,00	0,00
Партия 21	5 311	0	0,32	0,00	0,10	0,00	0,00
Партия 22	5 066	0	0,30	0,00	0,09	0,00	0,00
Партия 23	4 475	0	0,27	0,00	0,07	0,00	0,00

Таблица (продолжение)

	Число голосов ¹	Число мест	Доля полученных голосов, %	Доля полученных мест, %	Индекс наименьших квадратов ²	Эффективное число партий по доле полученных голосов ³	Эффективное число партий по доле полученных мест ⁴
Партия 24	3 937	0	0,23	0,00	0,05	0,00	0,00
Партия 25	1 935	0	0,12	0,00	0,01	0,00	0,00
Партия 26	1 802	0	0,11	0,00	0,01	0,00	0,00
Партия 27	1 784	0	0,11	0,00	0,01	0,00	0,00
Партия 28	939	0	0,06	0,00	0,00	0,00	0,00
Партия 29	671	0	0,04	0,00	0,00	0,00	0,00
Против всех	10 839	0	0,65	0,00	0,42	0,00	0,00
Недействительные бюллетени	61 956	0	3,69	0,00	13,60	0,00	0,00

¹ Данные по результатам выборов взяты с сайта Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики [<http://cec.shnloo.gov.kg/i-election.asp?ElectionID=137>], 2 мая 2013.

² Индекс наименьших квадратов измеряет нарушения пропорциональности. Он показывает, насколько распределение мест между партиями отличается от распределения голосов.

³ Показатель эффективного числа определяет, насколько фрагментирована по партиям совокупность поданных голосов.

⁴ Показатель эффективного числа определяет, насколько фрагментирована по партиям совокупность мест в парламенте.

⁵ В данной таблице приводятся названия только первых восьми партий. Остальные обозначены номерами.

Источники: Оценка автора с использованием индекса М. Галлахера (см.: The Politics of Electoral Systems / Ed. by M. Gallagher, P. Mitchell. Oxford: Oxford University Press, 2006 [http://www.tcd.ie/Political_Science/staff/michael_gallagher/EISystems/index.php], 2 May 2013).

Из таблицы видно, что индекс эффективного числа партий в Кыргызстане, рассчитанный по доле мест в Жогорку Кенеше, по результатам парламентских выборов 2010 года составлял 4,90. А вот эффективное число партий по доле полученных голосов оказалось намного выше — 9,86. С другой стороны, индекс наименьших квадратов, позволяющий оценить диспропорции между результатами голосования и распределением мест, составил 13,75, что указывает на наличие множества мелких партий, не получивших мест. Важную роль в формировании этих диспропорций сыграл общенациональный пятипроцентный порог. Так, разница в числе голосов, полученных партией «Ата-Мекен» и партией «Бутун Кыргызстан», составила всего 27 166 голосов, но при этом «Бутун Кыргызстан» получила 4,6% голосов зарегистрированных избирателей и не преодолела пятипроцентного общенационального барьера. (В таблице приведены данные о доле поданных за партии голосов, в процентах, причем не от общего числа внесенных в списки избирателей, а от числа фактически проголосовавших; эта доля для данной партии составила 8,31%.) Есть и другие партии, не преодолевшие порог, но достаточно влиятельные, такие как «Ак-Шумкар». В следующем разделе я проанализирую возможные источники политической фрагментации партийной системы в Кыргызстане: социальные расколы и институты.

3.1. Институциональные причины фрагментации партийно-политической системы в Кыргызстане

Законодательство Кыргызстана содержит нормы, призванные предотвратить фрагментацию и доминирование одной-единственной партии. Конституция содержит статьи, касающиеся политических партий; согласно Конституции, принятой 27 июня 2010 года, одна партия может получить как максимум 65 из 120 мест в парламенте: «По результатам выборов политической партии может быть предоставлено не более 65 депутатских мандатов в парламенте»²⁹. Эта норма была установлена для того, чтобы предотвратить доминирование президентской партии, как это случалось во время президентства Акаева и Бакиева. Никаких признаков влияния данной нормы на партийную систему не замечено, так как ни одна партия не сумела завоевать больше 28 мест в парламенте, но психологически это могло способствовать фрагментации партийной системы. Члены парламента избираются на пятилетний срок по партийным спискам на основе пропорциональной системы по единому национальному избирательному округу. Как уже говорилось в теоретическом разделе данной статьи, пропорциональное представительство с выборами по единому избирательному округу обеспечивает более справедливое распределение мест, но порождает более сильную фрагментацию, чем система с множеством избирательных округов и выборами по принципу «победитель получает всё».

Однако есть законы, специально предназначенные для того, чтобы предотвратить фрагментацию партийной системы. Согласно Закону о выборах, чтобы получить места в Жогорку Кенеше, партия должна преодолеть пятипроцентный общенациональный барьер и получить не менее 0,5% голосов в каждой из административных областей Кыргызстана и в двух ключевых городах — Бишкеке и Оше. И национальные, и региональные барьеры исчисляются от числа зарегистрированных избирателей, а не тех, кто фактически принял участие в голосовании, так что в действительности порог прохождения в парламент намного выше, как мы по-

²⁹ Действующая Конституция Кыргызской республики, принятая 27 июня 2010 года. Ст. 70, пункт 2.

казали на примере партии «Бутун Кыргызстан»: эта партия не прошла в парламент, несмотря на то что получила 8,31% голосов. Согласно докладу ОБСЕ/БДИПЧ, «установление двойного порога подрывает цели системы пропорционального представительства»³⁰. Национальные и региональные барьеры призваны воспрепятствовать прохождению в парламент партий, не имеющих широкой поддержки по всей стране. И эти нормы сработали: как видно из таблицы, только пять из 29 партий сумели преодолеть пятипроцентный национальный барьер и получить места в парламенте.

3.2. Социальные расколы и их роль во фрагментации системы политических партий

Как уже говорилось выше, социальные расколы формируют партийную систему Кыргызстана и прямо влияют на нее. Можно отметить несколько социальных расколов, которые отразились на облике системы политических партий, такие как межплеменные и межрегиональные (между Севером и Югом) расколы. В литературе часто говорят о расколе между Севером и Югом как об одной из главных разделительных линий, рассекающих Кыргызстан. «...Регионализм в Кыргызстане происходит от условного разделения кыргызов как народа на *тундук* (северян) и *туштук* (южан); в соответствии с этой линией раздела четыре области: Чуйскую, включая столицу Бишкек, Нарынскую, Таласскую и Иссык-Кульскую — относят к северным, а еще три: Ошскую, Джалал-Абадскую и Баткенскую — к южным»³¹. На севере в основном пользуются поддержкой СДПК и «Ата-Мекен», а на юге предпочитают главным образом «Ата-Журт» и «Бутун Кыргызстан». «Республика» выглядит несколько более «географически сбалансированной» партией, чем «Ата-Журт».

Племенная структура в Кыргызстане более или менее соответствует разделительной линии «север — юг» и также влияет на партийную систему страны. Для очень многих кыргызов традиционная система родства остается весьма актуальной. К основным родоплеменным группам Кыргызстана относятся *саруу* и *кучу* (Талас), *саяк* (Жумгал, Суусамыр), *солто* (Чуй), *бугу* (Иссык-Куль), *сары багыш* (Кемин), *кара багыш* (Нарын), и группа кланов *ичкилик* (юго-западный Кыргызстан)³². Хотя советская система значительно модернизировала страну и изменила многие традиционные формы социальных связей и идентичностей, полностью она их не уничтожила. После распада Советского Союза племенная структура возродилась и стала влиять на оформление политической сцены. Так происходило в ходе схватки между правительством и оппозицией во время правления Акаева в 2002 году. Как отмечал А. Темиркулов, «факт, что многие видные лидеры оппозиции и оппозиционные депутаты связаны с южными кланами, — еще одно подтверждение того, что борьба за власть между правительством и оппозицией — это, отчасти, борьба между северными и южными кланами»³³. Однако одно из новейших исследований свидетельствует, что роль клановых связей преувеличена³⁴. Но хотя

³⁰ Kyrgyz Republic Parliamentary Elections, 10 October 2010. OSCE/ODIHR Election Observation Mission Report, Warsaw, 20 December 2010.

³¹ Momunova A. Party and Clan Politics in Kyrgyzstan. M.A. thesis. Budapest, Hungary: Central European University, 2012. P. 27.

³² См.: Kyrgyzstan at Ten: Trouble in the Island of Democracy, 28 August 2001. ICG Asia Report No. 22. Osh/Brussels. P. 5.

³³ Temirkoulov A. Tribalism, Social Conflict, and State-Building in the Kyrgyz Republic. Berlin: Berliner Osteuropa Info, 2004.

³⁴ См.: Momunova A. Op. cit. P. 28.

и нельзя говорить, что племена, племенные связи являются базой действующих политических партий в строгом смысле этого слова, они тем не менее заметно влияют на формирование союзов и привлечение голосов избирателей. Ведь партии в стране относятся больше к лидерскому, а не к идеологическому типу. Например, прежний президент Р. Отунбаева поддержала Бабанова, потому что оба они происходят из племени саруу.

Другой важнейший социальный раскол проходит по линиям этнической принадлежности. Из-за советского наследия Кыргызстан не является гомогенной в этническом отношении страной. По данным Национального статистического комитета, этнический состав населения страны выглядит следующим образом: 72,2% кыргызов, 14,3% узбеков, 6,9% русских и 6,6% представителей других этносов³⁵. Конституция не разрешает учреждать политические партии, основанные на этнической принадлежности: «...запрещается создание политических партий на религиозной, этнической основе, преследование религиозными объединениями политических целей»³⁶. Однако некоторые партии ориентируются на представителей какой-то одной национальности больше, чем на представителей других. Например, «Ата-Журт» и «Бутун Кыргызстан» стремятся привлечь голоса кыргызов, а не представителей других национальностей, в то время как «Ар-Намыс» и СДПК хотят привлечь голоса и представителей меньшинств.

4. Поляризация партийно-политической системы Кыргызстана

Для классификации партийных систем число партий весьма важно, но важна и их идеология. Политическую сцену поделили соответствующие политические партии с различными взглядами, платформами и повесткой дня — иногда очень далекими друг от друга, иногда частично совпадающими. Партийная система Кыргызстана относительно молода, и различия между партиями не слишком очевидны. Все партии говорят о социальных льготах и пособиях, провозглашают социал-демократические ценности, и все они выступают за сохранение близких отношений с Россией. Коммунисты обращаются главным образом к рабочим; «Ата-Журт» и «Бутун Кыргызстан», используя умеренную националистическую риторику, пытаются завоевать голоса кыргызов. СДПК на парламентских выборах 2010 года прибегала к националистической риторике, но на президентских выборах 2011-го выступала более сбалансированно и пыталась представить себя как партию для всех.

Кыргызстан можно считать страной с сильно фрагментированной, но слабо поляризованной партийной системой. В том, что касается идеологии, между партиями нет никаких четких границ: все они по своему типу относятся к универсальным, или всеобъемлющим, партиям (их еще иногда называют «партии — хватай всех»). Поэтому коалиции между различными партиями были вполне возможны. Это не значит, что в Кыргызстане не наблюдается никакой поляризации партийной системы. Только полюсами в этой системе выступают главным образом не идеологии, а личности. Политические партии представляют собой не более чем прототипы их аналогов в развитых демократических государствах: они не выполняют своей роли центров объединения интересов. Отчасти дело здесь

³⁵ См.: Национальный комитет Кыргызской Республики по статистике [<http://stat.kg/images/stories/docs/Yearbook/Demo/demo%209.pdf>], 2 мая 2013.

³⁶ Конституция Кыргызской Республики. Ст. 4 п. 4.

в том, что само общество находится в процессе постоянных перемен и «в посткоммунистическом обществе еще не выделились значительные группы с четко осознанными социальными интересами»³⁷.

Страна расколота и по взглядам на некоторые политические проблемы, а партии в Кыргызстане отражают основные политические расколы. Одна из таких проблем — предпочтительность президентской или парламентской системы правления. СДПК, «Ата-Мекен» и «Ак-Шумкар» — главные партии, возглавлявшие свержение режима Бакиева, — отстаивают парламентскую систему. Недавно основанная партия «Республика», образованная выходцами из СДПК, также на стороне парламентской системы. А «Ата-Журт» и «Ар-Намыс» выступили против недавно учрежденной парламентской системы и хотят восстановить существовавшую ранее систему президентского правления. Еще один политический раскол связан с направлением и ориентацией внешней политики страны. Хотя ни одна партия открыто не занимает антироссийской позиции, некоторые, как СДПК и «Республика», предпочли бы более сбалансированную внешнюю политику, в то время как другие, вроде «Ар-Намыс», являются открыто пророссийскими.

Заключение

Несмотря на меры вроде пятипроцентного национального барьера, который необходимо преодолеть, чтобы пройти в парламент, партийная система Кыргызстана фрагментирована, поскольку в парламенте представлены пять партий, ни у одной из которых нет большинства мест. Фрагментации способствуют не только институциональные факторы, но также социальные и политические расколы. Хотя пятипроцентный национальный барьер сыграл существенную роль, ограничив фрагментацию в парламенте пятью партиями, фрагментация по доле голосов весьма высока: индекс эффективного числа партий по формуле Лааксо — Таагепера составил 9,86. Однако среди институциональных факторов главная причина фрагментации состоит в системе пропорционального представительства с голосованием по партийным спискам. Законодатели явно отдали предпочтение стабильности перед адекватным представительством. На следующих выборах мелкие партии, получившие меньше 5% голосов на выборах 2010 года, могли бы объединиться или образовывать коалиции.

Среди главных социальных расколов, ставших причиной фрагментации, раскол между Севером и Югом, клановая структура, этническое разнообразие, в то время как политические расколы вызваны разногласиями по вопросам о типе правления и внешней политике. Нет никаких признаков того, что социальные и политические расколы исчезнут в обозримом будущем. Вероятно, они будут определять партийную систему в Кыргызстане еще много лет. Поскольку свободные и справедливые выборы в Кыргызстане — вещь относительно новая, пришедшая в страну только с парламентскими выборами 2010 года, — развитие устойчивой и работающей партийной системы потребует многих лет и многих усилий.

Фрагментация партийной системы предполагает наличие многопартийной системы, то есть присутствие в системе не одной-двух партий или какой-то доминирующей партии, но более чем двух партий без какой-либо доминирующей партии. Это явствует из смысла самого термина «фрагментация». Таким образом, в условиях тоталитарных и авторитарных режимов

³⁷ Курманов З. О проблемах партотгенеза в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 5 (35). С. 7.

говорить о фрагментации невозможно. Следовательно, можно заключить, что наличие в Кыргызстане фрагментации партийной системы — показатель или признак демократического режима или, по крайней мере, усилий в направлении демократизации.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСТАНА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 2010 ГОДА: ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ

Закир ЧОТАЕВ

*доктор наук (международные отношения),
заместитель директора Центра исследований
Центральной Азии
(Бишкек, Кыргызстан)*

АННОТАЦИЯ

Политическое развитие Кыргызстана после обретения независимости в 1991 году непосредственно связано с проблемой демократизации общества и системы государственного управления. Период правления президентов Аскара Акаева и Курманбека Бакиева в рамках полупрезидентской формы правления показали несостоятельность данной системы, которая со временем скатывалась к монополизации и узурпации государственной власти. События апреля 2010 года открыли новый этап политического развития в Кыргызстане и создали воз-

можность для установления полупарламентской формы правления.

В статье анализируются перспективы долгосрочной реализации парламентской формы правления в Кыргызстане, определяются основные проблемы и трудности ее становления, ее положительные и отрицательные стороны и возможности ее реализации в будущем. По мнению автора, несмотря на отрицательные моменты, развитие полупарламентской формы правления будет способствовать демократизации политической системы в Кыргызстане.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Кыргызстан, политическое развитие, демократизация, государственное управление, Жогорку Кенеш, «Ата-Мекен», СДПК (Социал-демократическая партия), «Ак-Шумкар», «Асаба».

Введение

В событиях апреля 2010 года отразилось огромное недовольство общества авторитарными методами управления государством и экономикой и готовность народных масс противостоять произволу политической элиты — даже ценой собственных жизней. Эти события поставили под сомнение целесообразность сохранения президентской или полупрезидентской формы правления: в условиях традиционных ценностей и установившейся политической культуры в Кыргызстане она неизбежно приводит к монополизации власти и авторитаризму.

Пришедшая к власти после апрельских событий политическая элита в лице временного правительства поставила своей целью демократизацию политической системы и установление полупарламентской формы правления в Кыргызстане. Принятие новой Конституции 2010 года, последующие выборы в Жогорку Кенеш (парламент) и выборы президента Кыргызской Республики в 2011 году, а также выборы в органы местного самоуправления в 2012 году показали, что процесс реформирования политической системы и установление полупарламентской формы правления в Кыргызстане продолжается.

В этих условиях вопрос о долгосрочных перспективах становления парламентской формы правления в Кыргызстане приобретает особое значение. Ниже будут рассмотрены различные аспекты данного вопроса: исторические предпосылки и социально-культурные факторы, воздействующие на данный процесс; развитие политического процесса и политических сил в стране после 2010 года; проблемы и трудности реализации новой политической системы, положительные и отрицательные стороны парламентской формы правления в условиях Кыргызстана; возможности и перспективы ее реализации в стране.

Исторические предпосылки

Политическое развитие Кыргызстана после получения независимости непосредственно связано с проблемой демократизации общества и системы государственного управления. Нетрудно заметить, что и акаевский, и бакиевский режимы пришли к власти на волне демократизации и ставили перед собой задачу построения демократического общества в Кыргызстане. Но постепенно их предпочтения смещались в сторону авторитарных методов управления государством.

Попытки Аскара Акаева в начале 1990-х годов активно продвигать демократические ценности постепенно сменились стремлением консолидировать власть в своих руках путем ослабления роли и сокращения полномочий парламента, что привело к усилению авторитаризма в стране. По мнению некоторых исследователей, в государствах Центральной Азии первым этапом демократизации политической системы должно было быть обеспечение разделения властей и самостоятельности как минимум двух ветвей власти: исполнительной и законодательной, что наблюдалось в Кыргызстане уже в 1990 годах¹. Однако незавершенные попытки реформирования политической системы страны на тот период чаще характеризуют не как собственно демократизацию, а скорее как либерализацию².

¹ См.: *Kubicek P.* Authoritarianism in Central Asia: Curse or Cure? // *Third World Quarterly*, March 1998, Vol. 19, Issue 1; *Diamond L.* *Developing Democracy: Toward Consolidation*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1999.

² Данная характеристика была, в частности, высказана в отношении периода правления Аскара Акаева Дж. Андерсоном (см.: *Anderson J.* *Creating a Framework for Civil Society in Kyrgyzstan* // *Europe-Asia Studies*, January 2000, Vol. 52, Issue 1 [from Academic Search Premier Database, 09668136]).

После смены власти в 2005 году новый лидер Курманбек Бакиев также провозгласил своей основной целью развитие демократии и либерализма в Кыргызстане. Он предлагал реформировать систему государственного устройства для установления парламентской республики³. Но после избрания президентом в июне 2005 года Бакиев постепенно отошел от идеи строительства парламентской системы и для стабилизации политической обстановки обратился к уже испытанным методам усиления президентской власти и использования авторитарных методов правления.

После трагических событий апреля 2010 года и очередной смены власти в Кыргызстане вновь встал вопрос о трансформации политической системы государства, переходе от президентской к парламентской форме правления. На примере деятельности предыдущих руководителей страны мы видим, что президентская система правления в условиях Кыргызстана дискредитировала себя. Личные качества первых лидеров, их семейные кланы и политическое окружение не позволили наладить в государстве эффективное управление, способное решить социально-экономические и политические проблемы, утвердить демократические принципы, и в итоге привели к узурпации власти и разгулу коррупции.

Принятие новой редакции Конституции Кыргызской Республики в июне 2010 года положило начало новому этапу развития политической системы — этапу построения парламентской системы правления с ограничением полномочий президента. Сегодня, спустя три года, все еще высказывается немало критических замечаний и сомнений в целесообразности, эффективности и перспективах парламентской системы в Кыргызстане.

Социально-культурные факторы

Анализируя современную политическую систему и политические отношения в Кыргызстане, важно учитывать особое влияние социально-культурных факторов, прежде всего регионализма и трайбализма, клановых, семейственных и покровительственных отношений. Данные факторы проявляются в повышенной солидарности представителей той или иной социальной группы, в наличии определенных доминирующих социально-культурных принципов взаимодействия, а также механизмов социальной мобилизации. В качестве примера можно привести различные исследования политических процессов в Центральной Азии (ЦА), проведенные зарубежными учеными.

Так, К. Коллинз характеризует внутривнутриполитические отношения в постсоветских государствах ЦА как «политику кланов», где последние являются основой политической и экономической власти. Клан — «это неформальная организация, состоящая из сети индивидов, объединенных на основе родственных связей»⁴. Неформальные пакты, заключенные между различными кланами, с одной стороны, обеспечивают стабильность государства и правящего режима, но, с другой — заметно тормозят процессы демократизации и либерализации, что отчетливо проявилось в политическом развитии Кыргызстана. По мнению автора, политика кланов, порождая краткосрочную стабильность и усиливая авторитаризм, в долгосрочной перспективе может негативно отразиться на консолидации самой же авторитарной власти и на ее стабильности⁵.

³ См.: Чотаев З. Политическое самосознание и конституционные реформы в Кыргызстане после событий 24 марта 2005 года // Вестник АУПР (Сборник статей и докладов Международной конференции в Академии управления при Президенте Кыргызской Республики, 11 мая 2007 г.). Бишкек, 2007. С. 142.

⁴ Collins K. The Logic of Clan Politics: Evidence from Central Asian Trajectories // World Politics, January 2004, Issue 56. P. 231.

⁵ См.: Ibid. P. 260.

С. Радниц, изучая ситуацию в Кыргызстане, также подчеркивает сильное влияние местных сообществ и покровительственных отношений на внутривнутриполитические процессы. По его мнению, кланы не играют активной роли в мобилизации масс для участия в политических процессах на региональном уровне⁶. Поэтому активное и пассивное участие народных масс в политических движениях и последующее развитие этих движений на национальном уровне зависят от взаимоотношений их участников и лидеров на локальном и региональном уровнях, точнее, от солидарности местных сообществ и влияния покровительственных отношений. В данном аспекте можно рассматривать и родоплеменную принадлежность политиков как одну из составляющих политических взаимоотношений.

Дж. Ингвэл подчеркивает влияние социально-культурных ценностей на ослабление правопорядка и усиление коррупции в Кыргызстане⁷. В частности, он акцентирует роль социально-культурных ценностей, ориентированных на поддержку традиционных связей внутри кланов, родов и регионов, в наблюдающемся нежелании политической элиты активно участвовать в реформировании правовой системы и искоренении коррупции.

Однако, рассматривая особенности политических отношений и политической культуры в Кыргызстане, можно наряду с отрицательными последствиями влияния социально-культурных ценностей выявить и ряд условий, благоприятствующих становлению и последующему развитию парламентской системы. Сегодня различные кланы, региональные и родовые группы, связанные между собой общими интересами, могут быть представлены в парламенте как политические силы, объединившиеся в коалиционное правительство для реализации политической власти. Эти силы, сформированные в парламентские фракции посредством пропорциональной избирательной системы, предусматривающей общереспубликанское представительство, со временем могут трансформироваться в современные политические партии. Так, политическая партия, сформированная на региональной или клановой основе, чтобы пройти в парламент, первым делом должна будет обеспечить себе минимальное представительство во всех регионах страны, а со временем, для сохранения и продолжения своей политической активности и обеспечения постоянной поддержки со стороны избирателей, должна будет изменить свои региональные или клановые предпочтения в пользу общереспубликанских интересов.

Сегодня политическая стабильность в Кыргызстане в целом зависит от активной поддержки действующей элиты со стороны различных региональных, политических и экономических групп. В данном случае речь идет о так называемых неофициальных договоренностях между властью и ее окружением: политическими, экономическими, региональными и родоплеменными группами — с целью обеспечить сохранение позиций властвующей политической элиты и стабильность в стране в обмен на определенные привилегии для поддерживающих ее групп. В качестве примера можно привести опыт правления А. Акаева, который ради семейных приоритетов пожертвовал значительной поддержкой многих политических сил (а также кланов), а в 2005 году лишился и политической власти. К. Бакиев, являющийся представителем юга страны, напротив, после событий 2005 года успешно добивался консолидации своей политической власти, обеспечивая поддержку со стороны некоторых северных кланов и других политических сил⁸.

Данную практику можно использовать и в рамках парламентской системы, где неформальные договоренности между различными политическими силами, кланами и региональными группами можно трансформировать в официальный договор, заключенный в рамках

⁶ См.: Radnitz S. A Hoarse of Different Color: Revolution and Regression in Kyrgyzstan // Democracy and Authoritarianism in the Post-communist World. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 316.

⁷ См.: Engvall J. Kyrgyzstan: Anatomy of a State // Problems of Post-Communism, July — August 2007, Vol. 54, No. 4. P. 41.

⁸ См.: Чотоев З. Указ. соч. С. 143—144.

Жогорку Кенеша (парламента) при формировании коалиционного большинства (правительства). Предоставляя официальную платформу для представительства различных политических сил и их интересов в парламенте, можно на основе переговоров и договоренностей формировать общий политический курс для руководства страны в зависимости от политического веса его участников — парламентских фракций. Представительство региональных, родоплеменных групп и кланов возможно реализовать и на более низком уровне, в рамках политических партий, которые при существующей пропорциональной системе выборов в Жогорку Кенеш будут стремиться обеспечить себе возможность последующего расширения своего электората на всю территорию страны и постепенно выходить на общереспубликанский уровень.

Таким образом, влияние различных социально-культурных и экономических групп на политические процессы в Кыргызстане можно вывести из тени, из сферы скрытых взаимоотношений и официально предоставить этим группам возможность участия в принятии решений в рамках парламентской формы правления, обеспечивая их интеграцию в политический процесс.

Политические партии и лидеры в процессе формирования парламентской формы правления

События 7 апреля 2010 года стали началом нового этапа развития политических сил в Кыргызстане. В этот период на передний план вышли оппозиционные предыдущему президенту партии, такие как «Ата-Мекен», СДПК (Социал-демократическая партия), «Ак-Шумкар» и «Асаба», которые вошли во временное правительство и занялись подготовкой новой конституции и выборами в Жогорку Кенеш (ЖК). На данном этапе были созданы новые и активизировались уже сформировавшиеся политические движения и различные политические партии. В парламентских выборах в октябре 2010 года приняли участие 29 политических партий, из них 11 набрали больше 1%; 5 партий, преодолев 5%-й барьер, вошли в парламент⁹.

Политические партии «Ата-Журт», СДПК, «Ар-Намыс», «Республика» и «Ата-Мекен», вошедшие в Жогорку Кенеш, в общей сложности набрали свыше 36% голосов списочного состава избирателей. А партии «Бутун Кыргызстан» и «Ак-Шумкар», набравшие 4,6% и 2,59% соответственно, остались за порогом парламента. Эти партии в совокупности набрали свыше 44% голосов от общего числа избирателей при 55%-й явке избирателей, то есть получили поддержку подавляющего большинства политически активной части населения, участвовавшей в выборах.

В ходе исследования процесса реализации полупарламентской формы правления в Кыргызстане в период выборов в Жогорку Кенеш в 2010 году были проанализированы точки зрения лидеров и активистов политических партий, получивших наибольшую поддержку электората на парламентских выборах 2010 года. Оказалось, что как минимум три из семи политических партий: «Ата-Журт», «Ар-Намыс» и «Бутун Кыргызстан» — были настроены против парламентской формы правления, а партия «Республика» поддержала действующую форму

⁹ См. результаты выборов в Жогорку Кенеш КР: Официальный сайт Центральной избирательной комиссии по выборам и проведению референдумов в КР [<http://shailoo.gov.kg/>], 19 января 2011.

правления благодаря вхождению в правящую коалицию большинства¹⁰. Спустя год, после того как принятая в рамках Конституции 2010 года парламентская форма правления начала функционировать, проявляя свои положительные и отрицательные стороны, выявились некоторые изменения в отношении действующих представителей политической власти к парламентской форме правления. Так, некоторые депутаты от партий «Ата-Журт» и «Ар-Намыс», в период парламентских выборов недвусмысленно выступавшие против парламентской формы правления, через какое-то время стали положительно оценивать ее функционирование. Например, первый спикер Жогорку Кенеша действующего созыва представитель партии «Ата-Журт» Ахматбек Кельдибеков в своем интервью Информационному агентству «Регион.kg», упомянув о несовершенстве сегодняшней формы правления, требующей доработки, отметил, что «парламентаризм естественен для Кыргызстана, и отказываться от него не имеет смысла»¹¹. Депутат Жогорку Кенеша от фракции «Ар-Намыс» Дастан Бекешев заметил: проработав год в парламенте, приходишь к выводу, что «стоит оставить уже сложившуюся систему»¹².

Чтобы выявить отношение действующей политической элиты к парламентской форме правления и прояснить перспективы ее дальнейшей реализации в Кыргызстане, автор в декабре 2011 года опросил представителей парламентских фракций Жогорку Кенеша. В опросе участвовали депутаты от фракции СДПК, «Ар-Намыс», «Республика» и советники лидеров фракций «Ата-Журт» и «Ата-Мекен». Выяснилось, что на сегодняшний день 4 парламентские фракции выступают в целом за сохранение действующей формы правления. В то же время имеются и отрицательные отзывы со стороны представителей фракции «Ата-Журт»¹³.

Характерны существенные изменения в позиции депутатов фракции «Ар-Намыс». К примеру, депутат этой фракции Каныбек Осмоналиев утверждает, что не нужно менять действующую форму правления, надо ее доработать, а если президент попытается расширить свои полномочия, то фракция и партия «Ар-Намыс» в целом выступит против изменения действующей Конституции и будет отстаивать полномочия Жогорку Кенеша¹⁴.

Формирование коалиционного большинства из четырех парламентских фракций: СДПК, «Республика», «Ар-Намыс» и «Ата-Мекен» — в декабре 2011 года еще раз подтвердило их намерение развивать парламентскую форму правления, закрепленное и в Коалиционном соглашении. В документе признается «на весь период деятельности создаваемой коалиции фракций неизменность Конституции» и провозглашается обязательство «реализовывать и защищать заложенные в ней идеи и принципы»¹⁵.

Вновь сформированное в сентябре 2012 года коалиционное большинство из трех политических партий: СДПК, «Ар-Намыс» и «Ата-Мекен» — подтвердило стремление развиваться в рамках действующей парламентской формы правления, а ее члены высказали намерение «обеспечить необходимую преемственность и последовательность в функционировании системы органов исполнительной власти» в структуре нового правительства¹⁶.

¹⁰ Данные выводы являются результатом исследования автора, проведенного в рамках проекта Национального института стратегических исследований при Правительстве КР (об этом подробнее см.: Чотаев З. Парламентская форма правления в Кыргызстане: проблемы и перспективы. Бишкек, 2012. С. 33—38).

¹¹ Интервью спикера Жогорку Кенеша Ахматбека Кельдибекова Информационному агентству «Регион.kg», 28 октября 2011 [http://www.region.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=291:2011-10-28-06-43-14&catid=30:2011-05-22-12-08-18&Itemid=37], 25 апреля 2013.

¹² Интервью Дастана Бекешева Информационно-аналитическому portalу «Polit.kg», 14 декабря 2011 [<http://polit.kg/print/1/93>], 25 апреля 2013.

¹³ См.: Чотаев З. Парламентская форма правления в Кыргызстане: проблемы и перспективы. С. 38—42.

¹⁴ См.: Интервью автора с депутатом фракции «Ар-Намыс» Каныбеком Осмоналиевым, 14 декабря 2011.

¹⁵ См.: Текст Соглашения о формировании коалиции депутатских фракций Жогорку Кенеша Кыргызской Республики // ИА «Акипресс» [<http://www.akipress.org>], 19 декабря 2011.

¹⁶ См.: Текст Соглашения о формировании коалиции депутатских фракций «Ырыс алды — ынтымак» Жогорку Кенеша Кыргызстана // ИА «Акипресс» [<http://www.akipress.org>], 3 сентября 2012.

Выборы президента Кыргызстана 30 октября 2011 года стали завершающим этапом легитимизации политической власти в стране после событий 7 апреля 2010 года и новой проверкой стремления политической элиты к демократизации политической системы. Результаты выборов косвенно свидетельствуют и о готовности электората поддержать того или иного претендента на пост главы государства в зависимости от его намерения изменить или сохранить действующую парламентскую форму правления. С этой целью можно вспомнить результаты фаворитов предвыборной гонки: лидера партии СДПК Алмазбека Атамбаева, лидера партии «Бутун Кыргызстан» Адахана Мадумарова и лидера партии «Ата-Журт» Камчибека Ташиева, которые в совокупности получили свыше 90% голосов избирателей, участвовавших в выборах.

Президентские выборы 30 октября 2011 года продемонстрировали преобладающую поддержку Алмазбека Атамбаева (63,24% всех поданных голосов), открыто выступившего за полупарламентскую форму правления. Главные его оппоненты — лидер политической партии «Бутун Кыргызстан» Адахан Мадумаров и лидер политической партии «Ата-Журт» Камчибек Ташиев, которые выступали против данной формы правления, получили соответственно 14,77% и 14,32% голосов¹⁷.

Избрание А. Атамбаева говорило и о поддержке электоратом идеи реформирования политической и административной системы Кыргызстана, проводимой в жизнь действующей политической элитой. С другой стороны, отметим также и критику данных реформ со стороны таких кандидатов, как Адахан Мадумаров и Камчибек Ташиев, заявивших о непризнании результатов выборов¹⁸ (при этом международные и местные наблюдатели «не увидели серьезных нарушений, которые могли бы повлиять на результаты» и, в целом, признали выборы свободными и открытыми, выражая «осторожный оптимизм о демократическом будущем Кыргызстана», хотя также отметили существование ряда недостатков и проблем и необходимость улучшения предвыборного процесса и избирательного законодательства¹⁹).

Парламентская форма правления и проблемы в ее реализации

Общеизвестно, что разделение властей сегодня является одним из главных принципов построения и функционирования демократического и правового государства²⁰. Данный прин-

¹⁷ См. результаты голосования на выборах президента КР в октябре 2011 года: Официальный сайт Центральной избирательной комиссии по выборам и проведению референдумов в КР [<http://shailoo.gov.kg/>], 2 декабря 2011.

¹⁸ См.: Адахан Мадумаров не признает итоги выборов президента // ИА «Акипресс», 16 ноября 2011 [<http://www.akipress.org>]; Мазыкина Ю. Кыргызстан поствыборный: за что голосовали? // ИА «24.kg», 1 ноября 2011 [<http://www.24kg.org/election2011/113174-kyrgyzstan-postvybornyj-za-chto-golosovali.html>], 26 ноября 2011.

¹⁹ См.: Избирательный процесс проходит относительно открыто и прозрачно, — отчет по наблюдению за выборами «Коалиции за демократию...» // ИА «Акипресс», 24 октября 2011; Представитель Миссии ОБСЕ: Нужно еще провести значительную работу на всех уровнях, чтобы страна могла соответствовать своим международным обязательствам проводить демократические выборы // ИА «Акипресс», 31 октября 2011; Мы не увидели серьезных нарушений, которые могли бы повлиять на результаты выборов в Кыргызстане, — наблюдатели из Японии // ИА «Акипресс», 31 октября 2011; Наблюдатели от СНГ сообщили президенту Р. Отунбаевой, что не выявили серьезных нарушений на выборах // ИА «Акипресс», 31 октября 2011 [<http://www.akipress.org>], 31 октября 2011.

²⁰ Суть данного принципа заключается в функциональном разделении полномочий по управлению государством на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Данный принцип направлен на предотвращение возвышения одной из ветвей государственной власти, главным образом исполнительной, над другими, и тем самым на предупреждение установления авторитаризма и диктаторского режима в стране.

цип призван обеспечить равновесие между ветвями власти через систему «сдержек и противовесов»²¹. Таким образом, принцип разделения властей предусматривает сбалансированное взаимодействие между ветвями власти, которое может проявляться в различном виде — при разных формах правления. Форма правления в государстве характеризуется взаимоотношениями между ветвями власти или, точнее, процессом формирования исполнительной власти и ее взаимодействием с институтом президента и парламентом (прежде всего тем, перед каким из этих двух институтов она несет основную ответственность)²².

Основываясь на положениях Конституции Кыргызстана от 27 июня 2010 года, можно предположить, что это республика с полупарламентской формой правления. В рамках принципа «разделения государственной власти», предусмотренного в пункте 2 статьи 3, новая Конституция 2010 года, распределив полномочия президента, правительства и Жогорку Кенеша²³, построила свою собственную систему «сдержек и противовесов», в целом обеспечивающую сбалансированность ветвей власти. Что касается практической реализации распределения полномочий и взаимодействия органов и ветвей власти в рамках полупарламентской формы правления в Кыргызстане, — необходимо обозначить основные функции и выделить проявившиеся трудности и проблемы данного взаимодействия.

Первым делом следует отметить особую роль Жогорку Кенеша как законодательного органа, ответственного за приведение законов и нормативных правовых актов в соответствие с Конституцией. ЖК, являясь основным представительным органом страны, активно участвует в формировании исполнительной и судебной ветвей власти, ратифицирует международные договоры, а также имеет ряд других полномочий в сфере управления государством²⁴. В некоторых случаях, исходя из логики Основного закона, по умолчанию возможно и расширение данных полномочий. Например, определение внешнеполитического курса страны через утверждение политической программы правительства также можно было бы отнести к полномочиям Жогорку Кенеша или коалиционного большинства. Хотя принятый 28 июня 2012 года Закон «О взаимодействии государственных органов в сфере внешней политики Кыргызской Республики» заполнил пробелы в Конституции и передал данные полномочия президенту Кыргызстана²⁵.

Принятая в Кыргызстане в 2010 году полупарламентская форма правления предусматривает построение определенного баланса между ветвями власти и наличие у президента прямых полномочий в деле обеспечения национальной безопасности и политической стабильности в стране, предоставляя президенту так называемые функции «арбитра» в политическом процессе. Наделение президента полномочиями Главнокомандующего Вооруженными силами КР определяет его как главное лицо, ответственное за обеспечение национальной безопасности. В связи с этим вызвали ряд сомнений принятые в период президентства Розы Отунбаевой

²¹ Об этом подробнее см.: Бахрар Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник, 3-е издание, пересмотренное и дополненное. М.: Норма, 2008.

²² Например, в классической президентской форме правления, такой как в США, четко проявляется разделение исполнительной и законодательной властей, сосредоточенных в руках президента и Конгресса. Но при этом предусмотрены формы воздействия органов одной власти на органы другой. Так, президент США наделен правом налагать вето на законы, принимаемые Конгрессом. Сенат наделен полномочием утверждения членов правительства, назначаемых президентом. Он также ратифицирует договоры и иные международные соглашения, заключаемые президентом и т.д. Одним из важных рычагов давления Конгресса на президента США являются полномочия по принятию бюджета страны и утверждению других финансовых документов, предусматривающих государственные расходы.

²³ Об этом подробнее см.: Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года. Бишкек, 2010.

²⁴ См.: Там же. Ст. 74.

²⁵ См.: Статья 4 Закона КР «О взаимодействии государственных органов в сфере внешней политики Кыргызской Республики» от 28 июня 2012 года. Бишкек: Информационная система «Параграф», апрель 2013 [<http://www.adviser.kg/>] (Доступ по подписке).

(2011 г.) Жогорку Кенешем положения «об отмене охраны семьи президента» и предпринятые попытки парламента пересмотреть полномочия главы государства «по введению чрезвычайного положения в стране»²⁶. Данные изменения были направлены на сокращение полномочий президента, предусмотренных в Конституции, и могли привести к нарушению баланса между ветвями власти в пользу Жогорку Кенеша.

С другой стороны, большое значение для функционирования полупарламентской формы правления имеет распределение полномочий между Жогорку Кенешем и правительством. Несмотря на то что состав правительства утверждается парламентом и правительство ответственно перед ним, эффективность исполнительной власти и государственного управления зависит от его самостоятельности и функциональной независимости. В целом это выражается в персональной ответственности членов правительства не перед парламентом, а перед премьер-министром и в политической ответственности последнего перед Жогорку Кенешем за работу всего правительства.

Сегодня законодательная власть в Кыргызстане часто вмешивается в работу правительства, точнее, отдельных министерств и ведомств. Это выражается в давлении со стороны депутатов парламента и требованиях внеочередных отчетов руководителей исполнительной власти перед Жогорку Кенешем²⁷. В связи с этим очень важно предотвратить необоснованное вмешательство законодательной власти в работу исполнительной власти, детально регламентировать порядок отчетности членов правительства перед ЖК и их совместную работу при подготовке законопроектов и принятии законодательных актов. Данный процесс постепенно приобретает конструктивный характер, что отразилось в принятии ряда законов, в частности Конституционного закона «О правительстве КР», принятого в мае 2012 года²⁸, а также в некоторых официальных договоренностях между парламентскими фракциями в период формирования нового правительства в сентябре 2012 года²⁹. В соответствии с коалиционным соглашением, подписанным парламентскими фракциями «Ар-Намыс», СДПК и «Ата-Мекен», премьер-министр Жанторо Сатыбалдиев получил право назначать и смещать по своему усмотрению не выполняющих свои обязанности руководителей министерств и ведомств. Данные обстоятельства обеспечили сравнительную самостоятельность исполнительной власти по отношению к законодательной, но, с другой стороны, усилили влияние президента на работу так называемого «технического» правительства Жанторо Сатыбалдиева³⁰.

Говоря о взаимодействии ЖК с другими ветвями власти, необходимо выделить его определяющее влияние на другие ветви власти и различные сферы государственного управления в условиях парламентской и полупарламентской формы правления. В связи с этим опыт зарубежных стран и сегодняшняя практика самого Кыргызстана показывают необходимость определить границы полномочий парламента в тех или иных политических процессах и вопросах государственного строительства. Так, в процессе реформирования судебных структур органы, формулирующие политику в данной сфере, пытались лоббировать собственные интересы и повысить собственное влияние, что вызвало критику с разных сторон в адрес непрозрачности данного процесса. В результате некоторые механизмы реформы судебной системы были пересмотрены³¹. Именно ЖК как орган, разрабатывающий и принимающий новые законы, активно

²⁶ Новости Информационного агентства «Акипресс», октябрь 2011 [<http://www.akipress.org>], 24 октября 2011.

²⁷ См.: Чотаев З. Парламентская форма правления в Кыргызстане: проблемы и перспективы. С. 31.

²⁸ См.: Статьи 31—32 Конституционного закона КР «О Правительстве Кыргызской Республики» от 12 мая 2012 года. Бишкек: Информационная система «Параграф», апрель 2013.

²⁹ См.: Члены коалиции большинства решили не менять структуру правительства // ИА «Акипресс», 3 сентября 2012 [<http://www.akipress.org>], 3 сентября 2012.

³⁰ См.: Текст Соглашения о формировании коалиции депутатских фракций «Ырыс алды — ынтымак» Жогорку Кенеша Кыргызстана.

³¹ См.: Шамарал Майчиев: «Парламент не обеспечил в полной мере прозрачное формирование Совета по отбору судей», 16 ноября 2011 [http://www.knews.kg/ru/sudebnaya_reforma/6153/], 23 апреля 2013.

участвует в регламентации данного процесса. С другой стороны, необходимо обратить внимание на отсутствие у судебной власти официальных полномочий по толкованию законов и разрешению споров о соответствии тех или иных нормативно-правовых актов Конституции. Безусловно, данные недостатки связаны с сегодняшними проблемами формирования судебной ветви власти.

В первые два года после введения парламентской системы, в частности в период президентства Р. Отунбаевой, очень много говорилось о монополизации власти со стороны ЖК. Конечно, во многом это нормальный процесс активной деятельности парламента в условиях парламентской республики. Но хотелось бы отметить необходимость более четко определить и ограничить полномочия ЖК, а также предотвратить использование им законодательных и контрольных функций для расширения собственных полномочий. Но сегодня мы видим иную картину — усиление влияния президента на исполнительную ветвь власти и расширение его полномочий. В качестве примера можно привести принятие 28 июня 2012 года Закона «О взаимодействии государственных органов в сфере внешней политики Кыргызской Республики», который предоставил президенту полномочия по определению внешнеполитического курса страны. Другой пример — формирование «технического» правительства во главе с бывшим руководителем Аппарата президента Жанторо Сатыбалдиевым, а также разработка и принятие Стратегии устойчивого развития страны на 2013—2017 годы. Данные инициативы, с одной стороны, были необходимы для стабилизации внешнеполитического курса страны, нормальной работы исполнительной власти и ускорения процесса реформирования, но, с другой стороны, они отдаляют практическую деятельность по управлению государством от принятой концепции построения полупарламентской формы правления. Очевидно, что и Жогорку Кенеш, и президент должны принимать во внимание выстроенную в Конституции 2010 года систему «сдержек и противовесов» и равновесие во взаимодействии между ветвями власти.

Положительные и отрицательные моменты в реализации парламентской формы правления

После трех лет функционирования парламентской формы правления в Кыргызстане уже можно выделить некоторые ее положительные и отрицательные стороны.

События апреля 2010 года, принятие новой Конституции, формирование и функционирование органов власти в рамках новой системы государственного управления подняли уровень открытости и прозрачности принятия решений, расширили участие политических партий (парламентских фракций) в формировании исполнительной и судебной ветвей власти и в управлении государством в целом.

Расширение возможностей для участия различных политических сил в управлении государством, в свою очередь, активизировало политические взаимоотношения в рамках Жогорку Кенеша. Перенос взаимодействия и противостояния проправительственных и оппозиционных политических сил с улицы на парламентскую трибуну снижает накал политического противостояния и способствует политической и общественной стабильности в стране.

Переход к парламентской форме правления в Кыргызстане явился результатом демократизации политической системы после событий апреля 2010 года и породил либерализацию средств массовой информации, их большую независимость и расширение политического плю-

рализма. Стало возможно открыто обсуждать существующие проблемы в обществе и снижать социальную напряженность. За эти годы не раз предпринимались попытки давления на средства массовой информации как со стороны государства, так и со стороны различных политических сил, и все же сегодня можно говорить об определенном плюрализме и свободе слова в Кыргызстане. Это подтверждают многочисленные комментарии депутатов Жогорку Кенеша³², представителей гражданского общества³³; об этом же свидетельствуют и результаты различных социологических исследований и опросов³⁴.

Возможность обсуждать законопроекты или государственные мероприятия в парламенте с участием представителей гражданского общества также увеличила открытость и прозрачность принятия решений. К тому же участие различных парламентских фракций, политических сил и представителей гражданского общества в обсуждении законопроектов делает принятие решений более согласованным, демократичным и помогает предотвратить глубокие кризисы недопонимания со стороны общества. Распределение властных полномочий между ветвями власти и институтом президента в Конституции 2010 года обеспечило участие президента в политическом процессе Кыргызстана уже не как основного игрока, а как координатора и арбитра. Политические партии, представленные в парламенте, осознав свою роль и свое влияние на политическую жизнь страны, становятся важным препятствием к возможному скатыванию к авторитарному режиму³⁵.

Однако в реализации парламентской формы правления в Кыргызстане есть и отрицательные аспекты. Многие представители политической элиты оказались не готовы к новым переменам. Проявились недостатки в развитии политической культуры как в обществе, так и в самой политической элите, в том числе и у ее представителей, вошедших в парламент. Это касается и взаимоотношений внутри парламентских фракций, и отношений между политическими партиями: и те, и другие по-прежнему во многом определяются не партийной принадлежностью и идеологией, а традиционными связями. Недостатки также проявляются в неумении политических сил приходить к консенсусу и выполнять данные обещания для реализации общего политического курса страны.

Но положение постепенно улучшается. Например, формирование второго коалиционного правительства в декабре 2011 года прошло более конструктивно, чем формирование правительства в январе 2011 года, и правительство удалось создать с первой попытки; а третье коалиционное правительство, сформированное за короткие сроки в сентябре 2012 года, продемонстрировало намерение обеспечить преемственность политического курса³⁶.

С другой стороны, в связи с ослаблением системы государственного управления и контроля после событий 2010 года определенные социальные группы стали воспринимать демократию не как реализацию своих политических прав в рамках закона, а как охлократию —

³² Такие выводы были сделаны в результате проведенных автором интервью с представителями парламентских фракций Жогорку Кенеша в декабре 2011 года.

³³ См.: Кыргызстан улучшил позиции в рейтинге свободы прессы // Информационное агентство «24.kg», 12 февраля 2013 [<http://www.24kg.org/community/147767-kyrgyzstan-uluchshil-pozicii-v-rejtinge-svobody.html>], 25 апреля 2013.

³⁴ К примеру, в ходе социологического опроса, периодически проводимого Международным республиканским институтом среди 1 500 респондентов страны, на вопрос «боятся ли люди в Кыргызстане открыто высказывать свои политические взгляды?» большинство людей ответили отрицательно: «Не боятся». Причем в мае 2011 года доля ответивших таким образом составляла 52%, в феврале 2012 года — 69%, в феврале 2013 года — 57% (см.: Национальный опрос жителей Кыргызстана, февраль 2013. Международный республиканский институт (IRI) при поддержке USAID. Информация о проекте на сайте: [<http://www.iri.org/countries-and-programs/kyrgyz-republic/kyrgyz-republic>]).

³⁵ См.: Чоттаев З. Парламентская форма правления в Кыргызстане: проблемы и перспективы. С. 51—58.

³⁶ См.: Текст Соглашения о формировании коалиции депутатских фракций «Ырыс алды — ынтымак» Жогорку Кенеша Кыргызстана.

власть толпы, или постоянное «давление улицы». Таким образом, некоторые политические и социальные группы стали отождествлять демократизацию и реализацию парламентской формы правления со вседозволенностью и безнаказанностью. Это повлекло за собой стихийные митинги, протесты, необоснованные и незаконные требования, дестабилизирующие обстановку в стране. Постепенно власти Кыргызстана начали более жестко реагировать на нарушения порядка во время протестов и митингов, принуждая протестующих к соблюдению законов и напоминая о неотвратимости наказания за их нарушение. Так, за нарушение общественного порядка, вторжение на охраняемый объект (Дом правительства) и попытку захвата власти во время митинга, организованного партией «Ата-Журт» 3 октября 2012 года, были арестованы и осуждены три лидера оппозиции: депутаты ЖК КР Камчибек Ташиев, Садыр Жапаров и Талант Мамытов³⁷. Другим примером является митинг провластной партии «Ата-Мекен», во время которого был нарушен общественный порядок (перекрыта дорога), за что на организаторов мероприятия было наложено административное взыскание. Были внесены соответствующие дополнения в Кодекс об административной ответственности³⁸.

Необходимо отметить также недостатки Избирательного кодекса Кыргызстана. Принятая в Конституции 2007 года пропорциональная избирательная система показала свои недостатки на выборах в Жогорку Кенеш в 2007 году из-за слабости политических партий, а главным образом из-за отсутствия условий для политической конкуренции и широкого применения административного ресурса в период правления президента К. Бакиева. После событий апреля 2010 года, несмотря на демократизацию политического процесса, на парламентских выборах в октябре 2010 года вновь проявились недостатки действующего избирательного кодекса, связанные в большей степени с механизмом подсчета голосов и некоторыми несоответствиями с новой Конституцией 2010 года. Например, голоса исчислялись относительно количества людей, зарегистрированных в списке избирателей, а не количества избирателей, реально участвовавших в выборах, что стало причиной путаницы и повлияло на результаты выборов³⁹. Принятый 30 июня 2011 года новый Конституционный закон «О выборах», ликвидировал данные недостатки, но не разрешил всех проблем в избирательном процессе. Чисто пропорциональная избирательная система не может обеспечить достаточно высокую представленность интересов регионов, так как на сегодняшний день политические партии Кыргызстана недостаточно развиты, активно действуют лишь в некоторых регионах, не пользуются необходимой поддержкой во всех областях страны и не могут в полной мере отражать их интересы в парламенте.

Переход к парламентской форме правления требует реформировать судебную ветвь власти и построить независимую судебную систему. Отсутствие независимо функционирующей судебной ветви власти серьезно препятствует установлению и реализации парламентской формы правления, а также разрешению спорных юридических вопросов. До сих пор — по истечении трех лет — не закончился процесс формирования Конституционной палаты Верховного суда, ответственной за контроль соответствия законов страны Конституции. Это позволяет парламентариям принимать порой нормативно-правовые акты, основанные только на полити-

³⁷ См.: Киргизских депутатов задержали за штурм // Информационное агентство «Lenta.ru», 4 октября 2012 [<http://lenta.ru/articles/2012/10/04/kyrgyz/>]; Кыргызстан: суд вынес приговор трем депутатам от партии «Ата-Журт» // Информационное агентство «Фергана. news», 29 марта 2013 [<http://www.fergananews.com/news/20435>], 29 марта 2013.

³⁸ См.: Президент Кыргызстана осудил митинг партии «Ата-Мекен», участники которого перекрыли дорогу // Аргументы и факты в Кыргызстане, 15 февраля 2013 [<http://aif.kg/novosti/novosti-dnya/359-prezident-kyrgyzstana-osudil-miting-partii-ata-meken-uchastniki-kotorogo-perekryli-ulicu.html>], 25 апреля 2013.

³⁹ Изменения количества избирателей, включенных в списки голосования со стороны избирательной комиссии, повлияли на прохождение общереспубликанского барьера партией «Единый Кыргызстан» и явились причиной всеобщей критики (см.: А. Мадумаров считает прошедшие выборы незаконными // ИА «Акипресс» [<http://www.akipress.org>], 1 ноября 2010).

ческой конъюнктуре и не соответствующие действующему Основному закону⁴⁰. С другой стороны, работа судебной ветви власти, а также органов прокуратуры очень часто подвергается критике, в частности в рамках борьбы с коррупцией: эта борьба временами используется как инструмент давления на политических оппонентов. К примеру, на сегодняшний день, по словам генерального прокурора республики Аиды Саяновой, в рамках борьбы с коррупцией возбуждены уголовные дела против 7 депутатов и 4 министров и замминистров⁴¹, однако среди них нет ни одного представителя президентской партии СДПК.

З а к л ю ч е н и е

Рассматривая развитие политического процесса в Кыргызстане в течение двадцатилетнего периода независимости, и особенно после событий апреля 2010 года, можно прийти к выводу, что страна получила новый (и возможно, последний) шанс построить демократическое государство. Демократизация страны сегодня непосредственно связана с реализацией полупарламентской формы правления, которая в определенной степени ограничивает возможность монополизации власти в руках одного человека или института власти.

Анализируя перспективы реализации парламентской формы правления, можно заключить, что, несмотря на сомнения в обществе и в зарубежных средствах массовой информации, на сегодняшний день в Кыргызстане произошло становление парламентской формы правления. По итогам 2011 года она уже заработала в системе государственного управления. Однако в процессе ее функционирования наблюдаются серьезные проблемы, требующие скорейшего разрешения.

В качестве обобщающего вывода отметим, что процесс становления и реализации парламентской формы правления в Кыргызстане, получив поддержку со стороны основных (или большинства) политических сил в парламенте страны, а также со стороны действующего президента Алмазбека Атамбаева, переступил «точку невозврата» и продолжает развиваться. Сам президент Атамбаев не раз заявлял о намерениях развивать парламентскую форму правления и демократизацию, постепенно сокращать президентские полномочия, а также о том, что не будет баллотироваться на второй срок⁴². Тем не менее наблюдаемые тенденции расширения полномочий президента и роста его вмешательства в работу исполнительной власти не позволяют с полной уверенностью говорить о сложившемся и необратимом установлении парламентской формы правления в Кыргызстане. В этих условиях особую важность приобретает активное участие политических сил и гражданского общества в данном процессе. Необходимо также подчеркнуть, что в случае отказа от реализации полупарламентской формы правления и от процесса демократизации правящая элита натолкнется на новую волну дестабилизации политической ситуации в стране, что может привести к новой революции и смене политической элиты.

⁴⁰ См.: Чотаев З. Парламентская форма правления в Кыргызстане: проблемы и перспективы. С. 31.

⁴¹ См.: После Заявления Президента КР А. Атамбаева о борьбе с коррупцией Генпрокуратура возбудила уголовные дела в отношении 7 депутатов и 4 министров и замминистров // Издание бизнес-новостей «Tazabek», 16 апреля 2013 [<http://www.tazabek.kg>], 16 апреля 2013.

⁴² См.: А. Атамбаев: «Я не буду баллотироваться на второй срок» // ИА «Акипресс», 19 апреля 2013 [<http://www.akipress.org>], 19 апреля 2013; А. Атамбаев об итогах поездки в Турцию: В кыргызско-турецких отношениях открывается новая страница // ИА «Акипресс», 16 января 2012 [<http://www.akipress.org>], 16 января 2012.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ, ДОСТИЖЕНИЯ

Зайнидин КУРМАНОВ

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой международных отношений
Кыргызско-Российского Славянского университета
им. Б.Н. Ельцина
(Бишкек, Кыргызстан)*

Ильяс КУРМАНОВ

*аспирант Кыргызского государственного университета
им. Ишеналы Арабаева
(Бишкек, Кыргызстан)*

А Н Н О Т А Ц И Я

В контексте проблем развития кыргызского парламентаризма анализируется опыт строительства Жогорку Кенеша и выявляются объективные трудности и недостатки его деятельности. Проведенное исследова-

ние основывается на личном опыте работы одного из авторов в качестве депутата и спикера кыргызского парламента, а также эмпирических наблюдениях изменений в деятельности Жогорку Кенеша.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Кыргызстан, парламентаризм, Жогорку Кенеш, курултай, жыйын, Верховный Совет, политические партии, депутатские фракции.

В в е д е н и е

Как показывает исторический опыт, успех в решении крупномасштабных проблем государственного уровня зависит от степени вовлеченности народных масс в процесс принятия решений. В разных условиях возникали различные формы такой вовлеченности и соответствующие механизмы взаимоотношений между «управляющими» и «управляемыми»: определялись государственные структуры, отрабатывались их взаимосвязь и соподчинение. Соответственно, определялись типы, разновидности и формы организации и деятельности представительных и законодательных органов.

Роль народных масс наглядным образом проявилась в ходе революционных процессов в Кыргызстане. Одним из их итогов стал переход к парламентской республике. Оценка состояния и хода развития кыргызского типа парламентаризма позволяет обнаружить такие его характерные черты, как сохранение элитарного характера системы, направленность на удовлетворение интересов кочевой знати, слабое развитие законодательных функций и крайне низкая доступность передового международного опыта. Все это свидетельствует о серьезных проблемах, которые сопровождают развитие парламентаризма в Кыргызской Республике (КР).

Как понимать парламентаризм?

В общественных науках до сих пор нет единого понимания парламентаризма: при его оценке ссылаются на форму политического режима, форму правления, институты народного представительства; оперируют теми или иными политологическими категориями, вспоминают различные системы, учения и т.д. Все это свидетельствует о сложности парламентаризма как социально-политического и правового явления и объясняет тот высокий интерес, который проявляют к нему общественные науки. Но в самом общем виде под парламентаризмом подразумевается система государственного управления, при которой существует разделение ветвей власти при доминирующем положении представительного органа власти. При этом следует отметить, что наличие в государстве подобного органа (далее для простоты — парламента) само по себе не всегда означает существование в нем парламентаризма: в качестве примеров можно привести СССР, КНР, Кубу, Саудовскую Аравию и др.

Так, в СССР не было ни разделения ветвей власти, ни депутатов-законодателей, осуществлявших свою деятельность на постоянной, профессиональной основе. Реальная законодательная власть принадлежала Генеральному секретарю и Политбюро ЦК партии. Верховный Совет СССР лишь дублировал партийные директивы, придавая им форму законодательных актов.

Во избежание методологических ошибок, связанных с неверным толкованием парламентаризма, хотелось бы сразу уточнить некоторые моменты.

- Во-первых, форма государственного правления определяется ролью главы государства, но не парламента.
- Во-вторых, понятие «доминирование парламента» носит условный характер: в силу своей природы и особенностей организации парламент не может доминировать над исполнительной властью.

Исполнительная власть в лице президента или премьер-министра сильнее любого, даже самого «доминирующего» парламента. Утверждения о том, что парламент может всеми управлять и командовать — не более чем иллюзия. При парламентской форме правления главной политической фигурой является не спикер, а премьер-министр.

Современный парламентаризм есть продукт исторического творчества множества народов, каждый из которых внес в формирование этого института свое неповторимое своеобразие; определенный вклад в этом совместном «строительстве» принадлежит кыргызам. Несогласие с данным выводом, по существу, будет означать отрицание возможности построения парламентской демократии в развивающихся странах, одной из которых является КР.

Основные особенности кыргызского парламентаризма

Курс на построение правового государства Кыргызстан взял только после обретения независимости. Стране предстоит пройти путь, который никогда не был и вряд ли когда-нибудь будет простым и быстрым.

Учение о правовом государстве имеет свои корни и предпосылки; каждая новая идея опирается на предшествующие, каждый новый шаг подготовлен временем и людьми. Кочевники-кыргызы тысячелетиями обходились без писаных законов; за это время человечество прошло через несколько эпох и этапов общественно-экономического развития (греко-римский, англо-французский, новый и новейший). Идеи парламентаризма, получившие распространение в мировой общественной мысли, стали доступны кыргызам лишь недавно, однако это вовсе не означает, что у кыргызов никогда не было своего опыта в сфере народного представительства.

Для парламентаризма кыргызского типа весьма характерен принцип преемственности (в то время как на Западе в основе системы парламентаризма лежит принцип разделения властей). Истоки современного кыргызского парламентаризма восходят к народным собраниям — курултаям и жыйынам, традиции которых берут начало в архаической эпохе. Подобное «своеобразие» противоречит западноевропейским представлениям о парламенте как высшем законодательном и представительном органе государственной власти.

Курултай, жыйыны и другие аналогичные органы народного волеизъявления (с поправкой на национальные и местные особенности) представляли собой естественные прототипы современного кыргызского парламентаризма. Правда, в отличие от западных парламентов, эти институты, сохраняя в целом представительный характер, так и не превратились в законодательные органы; они не эволюционировали в сторону соблюдения интересов простых людей и оставались, по сути, собранием знати.

Советы (в процессе исторического развития общества это название менялось), прекратившие свое существование в декабре 1991 года, также являются полноправными, полноценными и всецело признанными мировой парламентской практикой представительными законодательными органами власти¹; опыт их деятельности, сыгравшей огромную роль в строительстве и укреплении государственности и правопорядка на территории бывшего СССР, никак нельзя отвергать. Именно поэтому роль и значение курултаев и жыйынов следует рассматривать с учетом советского наследия; в любом случае это не принесет ничего, кроме пользы.

Такой подход не чужд также зарубежной теории и практике парламентаризма. Считается, что родиной парламента является Англия, где с XIII века власть короля начала ограничиваться собранием крупнейших феодалов (лордов), высшего духовенства (прелатов) и представителей городов и графств (сельских территориальных единиц — общин). Впоследствии подобные учреждения (сословные и сословно-представительные) возникли в Польше, Венгрии, Франции, Испании и других странах. Со временем они превратились в представительные учреждения современного типа или были заменены ими; можно сказать, что важным звеном западного парламентаризма также является принцип преемственности. Кроме того, он имеет немаловажное значение в формировании мировой парламентской практики.

В советский период Кыргызстан формально являлся парламентской республикой, однако главной фигурой был первый секретарь ЦК компартии. Согласно Конституции Киргизской

¹ См.: Курманов И. Законодательная власть Кыргызской Республики в глобализирующемся мире: эволюция, проблемы, перспективы. Бишкек, 2012. С. 48—66.

ССР 1978 года, Верховный Совет Киргизской ССР де-юре являлся высшим органом государственной власти в республике. Де-факто власть принадлежала Компартии Киргизии. Верховный Совет Киргизской ССР 12-го созыва стал последним парламентом советского типа.

Парламент Кыргызстана сохранял свой «верховный» статус до тех пор, пока в 1994 году не была принята первая конституционная поправка, предусматривавшая создание двухпалатного Жогорку Кенеша (ЖК; в переводе с кыргызского — «Верховный Совет»). Согласно этой поправке парламент лишился статуса верховной власти и стал одной из ветвей единой государственной власти².

В 1995 году приступил к своей деятельности Жогорку Кенеш первого созыва; он работал на постоянной и профессиональной основе. С тех пор избиралось пять созывов парламента, два из которых были распущены досрочно. Это позволяет сделать вывод, что процессы становления и развития парламентской демократии в Кыргызстане протекают со значительными осложнениями.

Хотелось бы особо отметить одну важную особенность кыргызской парламентской демократии, без которой нельзя оценить ее суть и выживаемость: речь идет о политическом конформизме депутатов. Умение приспосабливаться к разным политическим условиям, исходя из приоритета личных интересов, обусловлено транзитным характером развития демократии и отсутствием реальных демократических институтов и политических партий.

Этапы развития кыргызского Жогорку Кенеша

Рассмотрим каждый созыв ЖК в отдельности.

➤ **I созыв Жогорку Кенеша (1995—2000 гг.)** был избран на основе мажоритарной избирательной системы: депутаты избирались индивидуально по округам, для избрания требовалось получить абсолютное большинство голосов (50% + 1 голос). В Собрание народных представителей (СНП), работавшее на сессионной основе, было избрано 70 депутатов, а в Законодательное собрание (ЗС), работавшее на постоянной основе, — 35.

Кандидаты в депутаты выдвигались главным образом от трудовых коллективов и собраний избирателей; среди них были и самовыдвиженцы. Депутаты не были вовлечены в образовательный процесс по основам парламентаризма, так как у страны не было для этого необходимого потенциала.

Новое в деятельности. Был создан профессионально действующий парламент; депутаты имели свободный мандат и избирались благодаря своим личным заслугам и возможностям. Впервые появились выдвиженцы от политических партий, по тем временам это было редкостью; именно поэтому в ЖК не произошло политической идентификации и не образовались депутатские фракции. Депутаты, преимущественно, представляли самих себя, свои трудовые коллективы и жителей своего округа и очень редко — свои политические партии (О. Текебаев, Социалистическая партия «Ата-Мекен»; Ж. Жекшеев, партия «Демократическое движение Кыргызстана»).

Положительные стороны. Наблюдался политический плюрализм: в стране действовало около 20 партий (Партия коммунистов Кыргызстана, партия «Асаба», «Ата-Мекен», партия «Демократическое движение Кыргызстана» (ДДК), партия «Эркин Кыргызстан» и др.). Осуществлялась государственная деятельность, что являлось преимущественно заслугой прези-

² См.: Конституция Кыргызской Республики. Бишкек, 1995.

дента А. Акаева и правительства. Парламент был способен влиять на политику президента и кабинета министров.

Недостатки. Деятельность парламента была плохо организована; ощущалось сильное влияние советского парламентаризма и политического наследия прошлого. Отсюда небрежность в законодательной работе и недостаточный контроль деятельности правительства.

По социальному составу парламент состоял преимущественно из чиновников и руководителей производств; он был склонен к конформизму на условиях личных предпочтений. Значительно уменьшилось представительство женщин, нетитульных национальностей и людей непривилегированных профессий. То есть наметились тенденции к бюрократизации, олигархизации, дефеминизации и мононационализации парламента.

В основе фрагментации ЖК лежали не политические мотивы, а преимущественно личные и профессиональные интересы, а также приятельские, региональные и трайбалистские отношения. Состав организационно не оформившейся оппозиции был весьма расплывчат, а ее политические требования — аморфны. Процветали теневой лоббизм и коррупция. Депутаты время от времени поднимали вопросы о закрытии казино, автозаправок, денонсации договора с крупной золотодобывающей компанией «Кумтор оперейтинг компани» и др. с целью получения откатов; в этих сомнительных сделках участвовали и представители исполнительной власти. Наблюдались непропорциональность распределения депутатов по комитетам и низкий уровень посещаемости заседаний.

Президент. Имел неформальное большинство и обладал правом роспуска ЖК, который, в свою очередь, мог объявить ему импичмент. Правительство было подотчетно ЖК и ответственно перед президентом.

➤ **II созыв Жогорку Кенеша (2000—2005 гг.)** был избран на основе мажоритарно-пропорциональной избирательной системы. СНП состояло из 45 депутатов, ЗС — из 60. По партийным спискам были избраны 15 депутатов ЗС. В выборах участвовали девять партий и два избирательных блока. В парламент прошли представители пяти партий; депутаты имели свободный мандат.

СНП предпринимал попытки политической идентификации: были созданы две депутатские группы, однако они не сыграли никакой роли в политической жизни. Основная фрагментация в палате шла по личным и земляческим признакам.

Депутаты были слабо вовлечены в образовательный процесс по основам парламентаризма, хотя у страны уже имелся для этого определенный, пусть и незначительный, потенциал. По социальному составу парламент оставался преимущественно бюрократическим (60% госслужащих) и олигархическим (25% предпринимателей)³.

Новое в деятельности. Появилась широкая прослойка представителей бизнеса. По сравнению с предыдущим созывом незначительно увеличилась доля женщин. За счет партийной квоты в парламент вновь вернулись представители «простых» профессий. Начался процесс политической идентификации парламента через создание фракций и депутатских групп: «Он Ордо» (Правая коалиция), Элкомсоц (народ, коммунисты и социалисты), «Регионы Кыргызстана» и «Эл учун» (За народ). Организационно оформились правое («Он Ордо»), центристское («Регионы Кыргызстана» и «Эл учун») и левое (Элкомсоц) крылья парламента, а также парламентская оппозиция (Элкомсоц).

Положительные стороны. В парламенте существовал политический плюрализм: важную роль в его развитии играли различные партии. На участие в выборах подали заявки 24 партии. К выборам были допущены семь партий и два политических блока («Союз демократических

³ См.: Становление и развитие парламента и парламентаризма в Кыргызстане. Материалы научно-практической конференции 5—6 октября 2009 года / Под ред. Ч. Басковой, З. Курманова, А. Джакишева и др. Бишкек, 2010. С. 29.

сил» и «Манас»)⁴. Осуществлялась государственная деятельность, что являлось преимущественно заслугой президента А. Акаева и правительства. Парламент сохранил способность влиять на политику или изменять ее.

Недостатки. Деятельность парламента по-прежнему была плохо организована (с точки зрения внедрения современных парламентских стандартов и технологий); сохранялась тенденция к его олигархизации, бюрократизации и мононационализации. Состав фракций и депутатских групп носил аморфный и непостоянный характер. Отсутствовали законодательные требования партийной дисциплины, так как основу всех фракций составляли непартийные депутаты. Состав оппозиции был непостоянен и непредсказуем; ее деятельность во многом зависела от политической конъюнктуры. Требования, выдвигаемые оппозицией, были расплывчаты. Из-за недостаточной доли партийных депутатов не удалось создать необходимых условий для формирования системы парламентской демократии. Политическая фрагментация ЖК по-прежнему была очень дробной. Продолжалась идентификация преимущественно по личным интересам, а также профессиональным, приятельским, дружеским, региональным и трайбалистским признакам. Процветали теневой лоббизм и коррупция: к заправкам, казино и «Кумтор оперейтинг компани» прибавились скандалы, связанные с турецкой компанией «Импаш-Манас», вывозом из республики трупов для пластикации их за границей, «пробиванием» депутатами интересов действовавшей в соседнем Казахстане табачной компании «Мальборо» в ущерб национальному производителю сигарет «Вест» и т.д. В этом были замешаны разные силы, в том числе и представители исполнительной власти. Отмечался невысокий уровень посещаемости заседаний парламента. Структура комитетов была абсурдна (в ЗС существовало 28 комитетов на 60 депутатов).

Президент имел неформальное большинство. Пропрезидентский блок «Союз демократических сил», получивший четыре депутатских мандата, занял на пропорциональных выборах второе место, уступив первенство Партии коммунистов Кыргызстана. Это поражение было «сглажено» за счет «проведения» в парламент через мажоритарные округа лояльных президенту депутатов. Президент имел право роспуска ЖК, а ЖК — право объявить ему импичмент. Правительство было подотчетно ЖК и ответственно перед президентом.

Деятельность парламента II созыва завершилась в связи с истечением срока его полномочий.

➤ **III созыв Жогорку Кенеша (2005—2007 гг.)** был избран по мажоритарной системе в количестве 75 депутатов. Выдвижение кандидатов шло сразу по двум каналам: ими могли быть и самовыдвиженцы, и представители политических партий. В целом победу на выборах одержали две пропрезидентские партии — «Алга, Кыргызстан!» и «Адилет», которые собрали около половины мандатов. Депутаты имели свободный мандат.

Политический плюрализм набирал силу, но не имел эффективных каналов реализации через качественное законодательство и контроль. Состав депутатов ЖК III созыва можно охарактеризовать как ярко выраженный олигархическо-бюрократический. Появилась широкая прослойка представителей бизнеса, склонных к еще большему конформизму.

Новое в деятельности. Выборы прошли с грубым нарушением законодательства на фоне откровенного цинизма властей. Для оппозиционно настроенных кандидатов создавались различные препятствия как бюрократического, так и физического характера. Им угрожали расправой и не давали возможности встречаться с избирателями. В результате в парламент не прошли известные и авторитетные политики, в том числе и лидер оппозиции К. Бакиев, проигравший в своем округе никому не известному человеку. Все это вызвало взрыв народного возмущения, закончившийся государственным переворотом 24 марта 2005 года. Несомненно,

⁴ См.: Там же. С. 27.

в основе переворота лежали и более серьезные причины, связанные с социальным самочувствием граждан, ростом дороговизны, хронической безработицей и т.д.

Народные массы требовали роспуска этого созыва ЖК, но он был сохранен в интересах достижения стабильности и в связи с массовым переходом депутатов на сторону новой власти.

Произошел полный возврат к мажоритарной системе с абсолютным большинством. Была предпринята попытка создать на этой основе пропрезидентское большинство с использованием административного ресурса и финансовых возможностей лояльных президенту предпринимателей.

Наблюдалось полное отсутствие представительства женщин.

Предпринимались попытки структуризации: возникло несколько депутатских фракций и групп (6—8), объединенных на основе симбиоза политики, личных интересов, региональной близости и национальной идентичности. Президент не имел надежного большинства. Парламент впервые попытался принять конституцию, минуя референдум, и установить новые правила организации власти и взаимодействия ее ветвей. Однако решением Конституционного суда все они были признаны недействительными, так как их принятие сопровождалось многочисленными нарушениями правил и процедур. Решением ЖК несколько депутатов были лишены мандатов за систематическое отсутствие на работе.

Положительные моменты. Парламент, будучи на первых порах очень влиятельной силой, предпринял попытку изменить конституционный строй путем принятия нового Основного закона страны. Однако вскоре он утратил свои позиции, что было связано с восстановлением вертикали власти и конформизмом большей части депутатов. Начала оживляться государственная деятельность; это было обусловлено возвращением президентского статус-кво.

Недостатки. Парламент оставался крайне фрагментированным, а его работа — неэффективной. На первых порах на фоне царивших хаоса и беспорядка не велось никакой государственной деятельности; почти на каждый второй принятый законопроект накладывалось президентское вето. Как и прежде, процветал теневой лоббизм, в котором участвовали лица с различными политическими предпочтениями. Наблюдался низкий уровень посещаемости заседаний парламента, множественность комитетов и искусственность структуры ЖК.

Президент не обладал твердым большинством; имел право роспуска ЖК, а ЖК — право объявить ему импичмент. Правительство было подотчетно ЖК и ответственно перед президентом.

Парламент III созыва был досрочно распущен указом президента по причине невозможности дальнейшего сотрудничества и взаимодействия с ним.

➤ **IV внеочередной созыв Жогорку Кенеша (2007—2010 гг.)** состоял из 90 депутатов, избранных на основе пропорциональной системы. В парламент прошли 3 партии из 20, принимавших участие в выборах. 71 мандат (абсолютное большинство) получила пропрезидентская Народная партия «Ак Жол» (Светлый путь); 11 мест досталось Социал-демократической партии Кыргызстана (СДПК) и 8 — Партии коммунистов Кыргызстана (ПКС).

По-прежнему высокой оставалась доля чиновников и богатых людей. Депутаты разделялись на фракции; две из них объявили себя оппозиционными (СДПК и ПКС). Сохранялся политический плюрализм. Независимо от фракционной принадлежности сохранялась идентификация по земляческим, родоплеменным и другим признакам. ЖК дал согласие на лишение мандатов двух депутатов в связи с их систематическим отсутствием на работе и обвинением в совершении преступления.

Новое в деятельности. Основная деятельность переместилась с парламентской трибуны в комитеты и фракции; вместо докладов и речей началась рутинная работа над различными законопроектами. Правительство впервые стало формироваться партийным большинством (согласно Конституции). Де-факто все решения принимал президент, не имевший права роспуска ЖК. Мандат депутата был преимущественно императивным; выборы проводились

только по партийным спискам. За счет введения специальных квот для женщин (30%), представителей молодежи (30%) и национальных меньшинств (15%) было достигнуто разнообразие состава депутатов⁵. Среди них вновь появились рабочие, учителя, врачи, ученые, работники гражданского сектора и т.д., что, скорее всего, было связано с введением пропорциональной системы и квотированием. Использовалось понятие «фракционная дисциплина».

Положительные моменты. Формат работы ЖК принципиально изменился и стал больше соответствовать мировой парламентской практике. Основной упор был сделан на работу комитетов и фракций (у которых появились секретариаты). Значительно реже стали проводиться пленарные заседания; сократилась численность комитетов парламента.

Был создан орган по координации деятельности ЖК — Координационный совет, включавший спикера, вице-спикеров, руководителей фракций и председателей комитетов. Появились понятия «консолидированное» и «автономное» голосование.

Стали активно проводиться «первые», «вторые» и «третьи» чтения законопроектов. Было введено обязательное правило о проведении пяти видов экспертиз. Началось планирование контрольной деятельности. Комитеты парламента формировались по партийному признаку. Руководство комитетов осуществлялось по принципу подчинения меньшинства большинству. Для проведения заседаний фракциям и комитетам отводились определенные дни недели. Впервые перед началом работы депутаты начали проходить трехдневное обучение основам парламентаризма.

Недостатки. Спикером и вице-спикерами избирались только члены партии большинства; «хромала» фракционная дисциплина. Парламентские процедуры исполнялись некачественно или даже откровенно плохо. Несмотря на строгие требования партийной дисциплины процветали теневой лоббизм и коррупция (заправки, казино, «Кумтор оперейтинг компани», попытки денонсировать договор с США о создании авиабазы в аэропорту Манас, попытка законодательно запретить ввоз в страну автотранспортных средств с праворульным управлением, скандал с диабетическими шприцами, когда в результате недобросовестного выполнения контракта одним из депутатов-бизнесменов возникла угроза гибели людей, и т.д.). Во всех этих «делах» фигурировали отдельные депутаты и представители исполнительной власти. Лоббирование стало осуществляться нагло и открыто, с нарушением всяких приличий, в том числе и отдельными членами правительства (в обход всего правительства).

Наблюдался высокий уровень посещаемости заседаний парламента. Качественный состав депутатов был низким; он отличался невысоким числом юристов и экономистов высшей квалификации (3 доктора и 2 кандидата юридических наук). Следствием этого явилось слабое законодательство.

Президент имел конституционное большинство; не обладал правом роспуска ЖК, но ЖК имел право объявить ему импичмент. Правительство было подотчетно ЖК и ответственно перед президентом.

Парламент IV внеочередного созыва был распущен после государственного переворота 7 апреля декретом временного правительства от 8 апреля 2010 года.

➤ **V внеочередной созыв Жогорку Кенеша (2010—2015 гг.)** состоит из 120 депутатов, избранных на основе пропорциональной системы. В результате выборов в парламент прошли 5 партий из 28, участвовавших в выборах. Налицо мелкофрагментированный ЖК, где каждая партия имеет от 5,5 («Ата-Мекен») до 9% («Ата-Журт») депутатских мест. В работе парламента соблюдается преемственность; созданы фракции и их секретариаты. Законы принимаются в нескольких чтениях. Проводится экспертиза законопроектов по пяти направлениям. Состав

⁵ См.: Итоговый отчет мониторинга освещения предвыборной кампании в СМИ Кыргызской Республики (досрочные парламентские выборы) ноябрь — декабрь 2007 [<http://www.monitoring.kg/?pid=144>], 16 декабря 2007.

депутатов разнообразный, что является следствием применения системы квотирования. Все еще высока доля чиновников и богатых предпринимателей; парламент зачастую остается глух к народным чаяниям. Депутаты в самом начале своей деятельности прошли тренинг по основам парламентаризма.

Новое в деятельности. Введена в действие Конституция, предусматривающая премьерско-президентскую форму правления. Установлена новая для Кыргызстана многопартийная система. Мандат депутата снова стал преимущественно свободным. Парламент оказывает большее влияние на политику, чем прежде.

Положительные моменты. Отсутствует диктат со стороны внепарламентских центров власти. Депутаты самостоятельно формируют парламентские коалиции большинства и меньшинства. Разрабатываются и выполняются коалиционные соглашения. Складываются традиции преемственности в политике, фракционном сотрудничестве и оппонировании. Формируется новая политическая культура. Принят новый регламент, который существенно модернизирует деятельность ЖК с точки зрения признания и введения в практику мировых парламентских стандартов. Большим достижением является отделение друг от друга процедур обсуждения законопроектов и голосования.

Недостатки. Свободный мандат приводит к развалу партий и фракционной деятельности. Усиливается борьба персон, не пропагандируются идеи развития, а регламент и установленные правила соблюдаются лишь формально. При этом правила часто меняются в угоду личным и конъюнктурным интересам. «Хромает» уровень исполнительской дисциплины.

Многие вносимые изменения сомнительны и не имеют ничего общего ни с теорией, ни с практикой конституционного и парламентского права (например, избрание судей Верховного суда в зависимости от числа присутствующих, а не от конституционного состава. В связи с этим напрашивается вопрос: «А отзывать их будут, тоже исходя из числа присутствующих?»).

Несмотря на квоты, качественный состав депутатов продолжает оставаться невысоким. Очень низок удельный вес в общем составе парламентариев юристов и экономистов высшей квалификации (1 кандидат экономических наук и 1 кандидат юридических наук), то есть людей, чья профессия напрямую связана с написанием законов. Применение системы квот привело к тому, что в состав ЖК попало немало случайных людей.

Влияние фракций на формирование состава комитетов незначительно и формально. Кадровый состав партий недосформирован, отчего приходится прибегать к созданию так называемого «технического правительства». Процветают теневой лоббизм и коррупция (казино, «Кумтор», контрабанда бензина в Таджикистан, борьба между партиями за захват агентства, занимающегося прибыльным бизнесом — печатанием национальных паспортов, и т.д.). В этом участвуют отдельные депутаты и представители исполнительной власти. Лоббирование даже не слишком стараются скрывать. Наблюдается низкий уровень посещаемости заседаний парламента, практически отсутствуют законодательные инициативы со стороны фракций, число комитетов ЖК (14) все еще является непомерно высоким.

Президент не опирается на парламентское большинство, что позволяет говорить о нем как об относительно слабой политической фигуре. Он не может распустить парламент, но парламент имеет право отправить его в отставку. Правительство подотчетно парламенту; президент может спасти правительство от отставки, но лишь один-единственный раз.

Заключение

За годы, прошедшие после обретения независимости, ЖК КР прошел сложный путь развития, были как достижения, так и существенные неудачи. Исходя из классификации моделей законодательных органов («доминирующая», «автономная», «частично автономная», «под-

чиненная» и «полностью подчиненная»), можно сделать вывод, что кыргызский парламент в разное время демонстрировал присущие всем им черты.

Процесс строительства современного парламента сдерживают многочисленные объективные и субъективные трудности. Они порождены доминированием традиционного и советского типов сознания, мышления и культуры, а также изолированным развитием кыргызского типа парламентаризма и отсутствием возможностей использовать передовой международный опыт.

Кроме того, правящие элиты не прилагали целенаправленных усилий и не вели созидательную работу по созданию эффективной модели парламента. Шумный и скандальный ЖК отнюдь не являлся эффективным органом народного представительства; его деятельность была сильно отягощена советским и патриархальным наследием.

Между тем вполне отчетливо прослеживалось стремление ограничить власть парламента и превратить его в орган, подчиненный президенту и его семейному окружению. Отличительной чертой кыргызского парламентаризма является то, что конкуренция существует не между исполнительной и законодательной властью (что характерно для либеральных систем), а между президентом и правительством, с одной стороны, и парламентом — с другой.

В настоящее время ЖК КР все еще находится на этапе становления и развития: продолжают поиски оптимальной модели и путей дальнейшего совершенствования в условиях демократической трансформации.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

Ашурбой ИМОМОВ

*кандидат юридических наук,
заведующий отделом
Государственного института философии,
политологии и права Академии наук Таджикистана
(Душанбе, Таджикистан)*

АННОТАЦИЯ

Рассматривается природа конфликтов в современной Центральной Азии (ЦА). Проанализированы главные узлы пограничных/территориальных и водно-энергетических споров, происходящих в ЦА на фоне возрастающей конкуренции за региональные ресурсы. Представлен анализ исторических предпосылок возникновения конфликтов и охарактеризованы их основные моменты, касающиеся межгосударственных отношений Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. Специфика пограничных конфликтов в ЦА показана на примере сохских событий (январь 2013 г.). Она

обусловлена в основном сложной конфигурацией границ, существованием анклавов, исключительно высокой плотностью населения, острой нехваткой земельно-водных ресурсов в приграничных зонах и трудностями процесса формирования гражданской идентичности. Кроме того, неурегулированность пограничных проблем порождает попытки политических манипуляций.

Еще один источник сложностей и трений — споры вокруг использования вод пограничных и трансграничных рек. Анализ истоков формирования гидроэнергетики ЦА помогает лучше понять

природу водных разногласий между странами региона и те последствия, которые имела для Таджикистана традиционная советская ориентация на ирригацию.

Рассмотрены различные точки зрения на возобновление строительства Рогунской ГЭС, а также ход международной экспертизы ее проекта, поддер-

жанной Всемирным Банком (ВБ). Анализ показывает, что дело вовсе не в опасностях, которые, якобы, несет в себе проект Рогунской ГЭС. Корень проблемы кроется в политических противоречиях, раздирающих ЦА: конкурирующие элиты стремятся приватизировать не только национальные, но и региональные ресурсы.

**КЛЮЧЕВЫЕ
СЛОВА:**

Центральная Азия, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, пограничные конфликты, земельно-водные споры, энергетические проблемы.

В в е д е н и е

В течение многих столетий межнациональные отношения в ЦА характеризовались особым порядком, который не допускал сильного межэтнического напряжения и обеспечивал вполне комфортное существование в Бухаре, Самарканде, Худжанде и Коканде крупных еврейских, индийских, цыганских, персидских и других диаспор.

Завоевание земель ЦА царской Россией внесло в образ жизни и устоявшиеся межнациональные отношения значительную путаницу. Это выразилось во внедрении российской системы административно-территориального устройства, основанной на военно-фискальной политике, и в создании Туркестанского генерал-губернаторства.

Исходя из задач колониальной политики, царская администрация произвольно определяла границы традиционных мест проживания местных народов; при этом она опиралась на поддержку чиновников узбекского происхождения. Ташкент, ставший местом пребывания губернатора края, в известной мере превратился в «тронный» город. В последующем это обстоятельство сыграло негативную роль в жизни коренных народов ЦА. Дело в том, что провозглашенная советской властью ленинская национальная политика стала проводиться в ЦА с учетом опыта территориальной организации управления Туркестанским краем.

В 1924 году национально-территориальное размежевание в ЦА осуществлялось преимущественно в интересах узбеков, что наносило ущерб другим коренным народам региона. Почти все более или менее крупные города и благоустроенные области края с «благословения» красных комиссаров были переданы новоиспеченной Узбекской Республике. При этом не брались в расчет исторические границы обитания других народов (за исключением туркмен): таджиков, кыргызов, казахов и каракалпаков. Образование новых республик привело к смещению старых границ, вклиниванию территорий одна в другую, образованию анклавов и т.п.

Эта картина усугубилась в результате нового районирования и проведения соответствующей аграрной политики. Советская власть сознательно шла на смешение национальных групп и поглощение малых народов более крупными; это осуществлялось на основе тогдашних идеологических установок и имело далеко идущие последствия.

Ныне общественно-политическая ситуация в странах ЦА полна противоречий и неопределенности. Напряженность в обществе порождает неадекватная представленность политических элит во властных структурах, коррупция во всех эшелонах государственного

механизма, этнические, местнические и родовые предпочтения в подборе кадров, авторитарные методы управления и т.д. Эту напряженность усугубляют такие внутренние «пороки», как тотальное попрание прав человека и свободы совести (препятствование исполнению религиозных обрядов, преследование и очернение людей по признаку вероисповедания), пресечение инакомыслия, отсутствие условий для реализации политических прав и свобод и другие.

К перечисленному можно добавить захват и присвоение государственной и общественной собственности госчиновниками высших эшелонов власти, окруженными многочисленной «свитой» и родней. На оборотной же стороне медали — социальные проблемы, постоянный рост числа трудовых эмигрантов, уезжающих на заработки в дальние и ближние страны, и, как следствие, увеличение количества разделенных семей и жизненных драм.

Все указанные проблемы обусловили зависимость государств ЦА от других стран. Они еще не стали поводом для массовых протестов (за исключением Кыргызстана), но никто не знает, сколько продлится и во что выльется подобная ситуация.

Пограничные конфликты на постсоветском пространстве ЦА

В настоящее время предметом общественных дискуссий в Таджикистане все чаще становятся территориальные (пограничные) и земельно-водные проблемы. В силу своего срединного расположения в ЦА Узбекистан имеет пограничные споры почти со всеми странами региона. После приобретения государственной независимости соседние государства никогда не выдвигали к нему каких-либо официальных территориальных претензий. Тем не менее после начала гражданской войны в Таджикистане, которая проходила в его южной части, Узбекистан провел минирование всей еще не делимитированной государственной границы с этой республикой (в том числе в северных районах, на которые гражданская война не распространилась); с тех пор прошло два десятилетия.

Правительство Таджикистана и международные организации не раз ставили перед правительством Узбекистана вопрос о разминировании границ. Однако, несмотря на получение нескольких траншей от международных организаций, узбекские власти пока не завершили работу по разминированию госграницы под предлогом нехватки средств. Каждый год на минах подрываются и гибнут сотни мирных жителей.

Процедура демаркации границ в ЦА все еще продолжается; одной из причин ее затяжного характера является наличие множества спорных участков, зачастую совсем небольших. Особенно высоко ценится земля в предгорьях, и иногда предметом спора становятся участки размером 1 га и менее.

В связи с этим единственным путем является постепенное мирное разрешение пограничных споров, которое должно опираться на добрую волю глав государств и правительств сопредельных стран. Однако в реальности все не так просто. Зачастую страны региона пытаются добиться односторонних выгод незаконными, а порой и силовыми методами. Использование таких методов в отношении кыргызских и таджикских соседей допускает и узбекская сторона, однако при этом она сваливает вину на соседние государства.

Типичным примером попытки силового разрешения пограничных проблем является произошедший в январе 2013 года инцидент в районе узбекского анклава Сох, расположенного в кыргызской части Ферганской долины. Как отмечается в прессе, «Сох — самая загадочная местность на территории Ферганской долины. Сам Сохский район относится к Ферганской области Узбекистана, но полностью изолирован от остального Узбекистана территорией Кыр-

гызстана. При этом 99% населения Соха составляют таджики, многие из которых имеют родственников и друзей в Согдийской области Таджикистана»¹.

Неделимитированная граница в этой местности проходит между кыргызским и узбекским селами Чарбаг и Хушяр, вследствие чего здесь периодически возникают мелкие конфликты. Дело в том, что села практически смыкаются и провести между ними четкий рубеж не так-то просто. В одном конце Чарбага дом к дому вместе живут люди из Хушяра, и поэтому любая неосторожность чревата ущемлением интересов населения одного из этих сел².

По рассказам очевидцев, это обстоятельство и послужило причиной инцидента, случившегося 5 января 2013 года. Дело было так: кыргызская сторона без ведома местных властей начала устанавливать электрические столбы вдоль дороги, соединяющей оба села. Именно по этой дороге проходит спорный участок кыргызско-узбекской границы протяженностью около двух километров. На замечания жителей Хушяра о недопустимости проведения работ на территории соседней страны кыргызские рабочие не реагировали. Утром 6 января жители Хушяра начали сваливать столбы (как новые, так и старые), а чарбагцы стали этому препятствовать. Произошла перепалка, и, воспользовавшись своим численным превосходством, жители Хушяра задержали группу кыргызов; по разным источникам, их число колебалось от 30 до 40 человек. К вечеру хушярцы выпустили задержанных женщин, а утром 7 января — всех мужчин. В свою очередь, кыргызы вне зоны конфликта захватили в заложники группу женщин — гражданок Узбекистана, являвшихся этническими таджичками, и передали их местной милиции. Спустя некоторое время правоохранители обменяли их на кыргызских заложников.

Эти события взбудоражили общественность государств, так или иначе вовлеченных в эти события. Жители зоны конфликта придерживались мнения, что «происшедшая трагедия — дело рук властей Узбекистана... это была целенаправленная провокация для обострения отношений между странами, это большая политика»³.

Между тем узбекские власти сразу закрыли свои пограничные участки и запретили выезд граждан Кыргызстана через контрольно-пропускные пункты Ферганской области. Их примеру последовали кыргызские власти, заблокировав границу с Узбекистаном. В результате положение жителей Сохского района осложнилось и у них возникла масса гуманитарных проблем. Таджикские жители Соха, заблокированные со всех сторон в своем анклав, оказались в изоляции и вдруг стали невыездными⁴.

Учитывая сложность обстановки в зоне инцидента, действующий председатель ОБСЕ министр иностранных дел Украины Л. Кожара призвал Кыргызстан и Узбекистан к сдержанности и диалогу. В свою очередь, кыргызское руководство оперативно вмешалось в конфликт. Совет обороны Кыргызстана поручил президенту страны взять ситуацию под свой непосредственный контроль⁵.

После этих событий губернатор Баткенской области Кыргызстана Ж. Раззаков заявил: «Мы открыты для диалога и, согласно международным нормам, готовы открыть дороги, но, к сожалению, узбекская сторона не выходит с предложениями»⁶. Только к 1 февраля жители заблокированного анклава Сох смогли вернуться домой из Узбекистана, где они провели почти месяц.

За месяц блокады в Ферганской области Узбекистана скопилось порядка двух тысяч жителей Соха, численность которых постоянно росла за счет прибывавших из России га-

¹ Кыргызстан — Узбекистан: десять столбов и шесть метров от границы // ASIA-Plus, 10 января 2013, № 3 (788).

² См.: Там же; Мирсаидов Х. Границы этнического характера // ASIA-Plus, 24 января 2013, № 7 (792).

³ Мирсаидов Х. Указ. соч.

⁴ См.: Узбекистан: «Чтобы попасть в анклав Сох, нужно умереть» // Фергана.News, 24 января 2013.

⁵ См.: Миллат, 9 января 2013; ASIA-Plus, 10 января 2013.

⁶ Мирсаидов Х. Указ. соч.

старбайтеров. Кыргызская и узбекская стороны обязались обеспечить беспрепятственный проезд местных жителей через анклавы Сох и Шахимардан. Однако по дороге к Соху автоколонну в некоторых местах на пути ее следования закидывали камнями кыргызские жители. В самом Сохе за время блокады накопились тяжелые социально-экономические проблемы⁷.

В этом инциденте много неясного. Например, почему достаточно мирные и толерантные таджикские жители села Хушяр (и в целом Сохского района) вдруг прибегли к такой крайней мере, как взятие заложников? Кто их спровоцировал? Что кроется за этим событием? Почему правительства государств не спешат делимитировать госграницы?

Известный кыргызский аналитик в сфере региональных политических проблем М. Сариев заявляет, что за сохскими событиями кроются политические «игры». Иными словами, он считает, что жителей Соха спровоцировала на бессмысленные действия какая-то сила, рассчитывавшая, что закрученная интрига принесет те или иные политические плоды. По мнению М. Сариева, произошедшее в Сохе является «большая игрой», в которую Ташкент втянул таджиков. При этом власти Узбекистана всю ответственность сваливают на кыргызских пограничников.

Позицию Узбекистана в отношении Соха аналитик связывает с энергетическими проблемами. Активная поддержка, которую Таджикистан оказывает проекту Рогунской ГЭС, идет вразрез с интересами Узбекистана. Поэтому последний намеревается вбить клин в обусловленное необходимостью решения энергетических проблем сближение Кыргызстана и Таджикистана и стремится воспрепятствовать созданию ими союза, пытаясь подтолкнуть эти страны к конфликту. Как раз в те дни Узбекистан закрыл свои погранично-пропускные посты на магистральных дорогах, ведущих в кыргызские города и села, а заодно и в свой анклав Сох⁸.

К настоящему времени делимитировано чуть более 1 тыс. км границы между Кыргызстаном и Узбекистаном; ее общая протяженность составляет 1 400 км.

Следует отметить, что рассмотренным нами инцидентом дело не ограничилось. Помимо дорог, ведущих к Соху, 17 января по распоряжению узбекских властей был заблокирован переход Дустлик, ведущий к Ошской области Кыргызстана. Та же участь постигла кыргызский анклав Барак, входящий в состав Карасуйского района Ошской области Кыргызстана.

Существующие проблемы усугубляются ограниченностью земельно-водных ресурсов и высокими темпами роста численности населения, особенно в Ферганской долине, расположенной на стыке Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана.

В этих условиях крайне важны мирные инициативы как на местном, так и на межгосударственном уровнях, учет интересов всех сторон, а также толерантность и готовность к постоянному диалогу для поиска путей мирного разрешения проблем. К слову сказать, несколько лет назад по инициативе двух НПО (кыргызской и таджикской) при поддержке американского фонда Кеттеринга проводились постоянные консультации и диалоги с кыргызскими, таджикскими и узбекскими представителями по проблеме толерантности при решении пограничных вопросов. Семинары и тренинги по организации таких диалогов несколько раз проводили известные знатоки психологии конфликтов доктора Г. Сондерс и Р. Слим. Однако по прошествии некоторого времени эта программа перестала функционировать.

Столкновения на почве нехватки земельно-водных ресурсов между жителями сел, располагавшихся на границе Исфаринского района Согдской области Таджикистана и Баткенской

⁷ См.: Кыргызстан жестко ответил Узбекистану по Камбаратинской ГЭС // ASIA-Plus, 7 февраля 2013, № 11 (796).

⁸ См.: Миллат, 23 января 2013.

области Кыргызстана, наблюдались еще при советской власти (в 1982, 1988 и 1989 гг.); мелкие конфликты происходили и в последние годы. Их главная причина заключается в неопределенности значительной части границы между двумя сопредельными государствами. Решение этой проблемы с каждым годом усложняется, что связано с ростом численности населения и, соответственно, увеличением и «срачиванием» пограничных сел и районов названных областей. Формально функционирует двусторонняя паритетная комиссия, однако по многим базовым вопросам взаимопонимание не достигнуто. В результате из 970 км таджикско-кыргызской границы на уровне рабочих групп описаны только 567 км (59%), из которых утверждены 519.

Конфликты возникают также на границе Ташкентской и Самаркандской областей Узбекистана и Согдской области Таджикистана. Один из них разгорелся в 2009 году на границе Пенджикентского района Согдской области и Ургутского района Самаркандской области Узбекистана. Причиной конфликта стало определение гражданства жителей пограничного села Туркшурнова по правилам оптации. Жители этого села, являвшиеся этническими узбеками, не воспользовались установленным сроком для определения своего гражданства и упорно отказывались от получения таджикских паспортов. Не переселяясь в другое место (на территорию Узбекистана), они продолжали жить с узбекскими паспортами. По предложению узбекской стороны Таджикистан продлил срок определения гражданства по оптации. Однако по истечении и этого срока определенная часть жителей уклонилась от решения вопроса о своем гражданстве. Когда местные власти Пенджикентского района стали требовать выполнения требований закона, узбекские власти соседних района и области подняли шум. При этом они утверждали, что якобы таджикские власти выгоняют из этого села узбеков. Дело тогда дошло до того, что группа узбекских военнослужащих силой ворвалась в село Туркшурново и таджикским пограничникам пришлось вызывать подмогу, чтобы их выдворить⁹.

Пограничные конфликты с участием Таджикистана привлекают внимание некоторых международных организаций. В мае 2012 года в Таджикском национальном университете по инициативе бюро ОБСЕ в Таджикистане состоялся семинар на тему «Пограничные конфликты: способы управления и опыт Республики Таджикистан». Участвовавшие в семинаре доктор политологии Е. Апунен из финского Университета Тампере и доктор социальных наук Дж. Виркунен из финского Восточного университета изложили свое видение решения проблемы пограничных конфликтов и внесли предложения по разрешению межгосударственных проблем между Таджикистаном и Узбекистаном¹⁰.

Для завершения демаркации государственной границы Таджикистана с Узбекистаном и Кыргызстаном необходимо руководствоваться документами 1924—1929 годов, в которых содержатся ответы и разъяснения по некоторым спорным территориальным вопросам.

По мнению министра иностранных дел Таджикистана Х. Зарифи, неурегулированность территориальных вопросов с соседними странами может стать причиной различных конфликтов. Он заявил, что Таджикистан и Узбекистан имеют 1 400 км общей границы, 80% которой к настоящему времени демаркировано. Кроме того, необходимо прийти к соглашению по поводу участков, располагающихся в южной и северной частях республики. Такие участки имеются в Турсунзаде, Шаартузе, Аште, Канибадаме и Спитаменском районе Согдской области. Решение этих споров невозможно без политической воли и стимула для достижения мира и согласия между жителями региона¹¹.

⁹ См.: Миллат, 8 сентября 2009.

¹⁰ См.: К вершинам знаний, 26 мая 2012.

¹¹ См.: Миллат, 23 января 2013.

Земельно-водные споры как конфликтогенный фактор

Еще одна затяжная проблема, существующая в ЦА, связана с использованием вод пограничных рек. Испокон веков не возникало каких-либо споров и недоразумений в отношении использования водных ресурсов двух крупнейших рек региона — Амударьи и Сырдарьи.

На протяжении многовековой истории региона здесь возникали государства, формировались империи, расцветали и приходили в упадок царства, приходили и уходили завоеватели, а реки по заданным Богом путям все текли и текли; их привычное течение было нарушено борьбой за обеспечение «хлопковой независимости» СССР.

Особого размаха процесс освоения новых земель и их приспособления к производству хлопка во все возрастающих объемах достиг в 1960-х—1970-х годах; несмотря на ограниченность земельно-водных ресурсов ЦА, советское правительство из года в год увеличивало планы поставок «белого золота». Это достигалось как путем освоения новых земель, так и посредством постоянного увеличения плана по сбору хлопка с каждого гектара. Хлопкоробы, проявляя чудеса трудовой доблести, выращивали качественные сорта хлопка и предельно повышали его урожайность. Несмотря на это, советская партийная верхушка требовала все больше и больше хлопка.

Наивысшего уровня производство хлопка, исчислявшееся миллионами тонн, достигало в Узбекистане и Туркменистане, которые обладали крупными земельными массивами и являлись двумя основными потребителями водных ресурсов в регионе. Две другие хлопкосеющие республики, — Таджикистан и Кыргызстан, расположенные в верховьях крупных рек, имели ограниченные земельные площади и потому не могли обеспечить высокий уровень поставок.

Именно количество производимого хлопка стало причиной возникновения неравного отношения Москвы к республикам ЦА, которые из года в год рапортовали об увеличении его поставок, пытаясь заслужить благосклонность Центра и получить соответствующие привилегии.

Из-за непрерывного высевания одного только хлопка земли постепенно деградировали, их плодородие снижалось. Между тем региональные партийно-советские лидеры, не отдавая себе отчета, что всему есть предел, стремились к освоению все новых и новых земель. Сложившаяся в республиках ЦА монокультура хлопка все больше превращала их в придаток промышленных центров. Однако об этом никто тогда не задумывался.

Вскоре был найден простой и надежный выход: речь идет о «приписках». Масштабы приписок и фальсификаций постоянно росли. Узбекистан, например, заявлял о поставках 6 млн т хлопка. Постепенно советское общество привыкло к этому феномену, и вскоре он стал неотъемлемой частью всего производственного цикла. Дело дошло до того, что водитель хлопкоуборочного двухрядного комбайна докладывал о сборе 60—70 т хлопка за один сезон, тогда как в действительности эта цифра была наполовину меньше.

Воспользовавшись благорасположением Кремля, Узбекистан и Туркменистан стали злоупотреблять водными ресурсами. Обычным явлением стало не только несоблюдение норм расхода воды на гектар хлопкового поля и нарушение агротехнических правил орошения, но и создание искусственных озер и водохранилищ, которые использовались для развития рыбного хозяйства.

В разгар хлопкового бума в этих республиках появились сотни водохранилищ пресной родниковой воды, текущей из горных озер и ледников Памира и Зеравшана. Подобное хозяйственное отношение к воде было обусловлено отсутствием контроля за ее потреблением

и безответственностью региональных лидеров. Следствием этого варварства стала трагедия Аральского моря.

В этой связи следует отметить, что в последние годы ни Таджикистан, ни Кыргызстан не брали ни грамма больше выделенной им квоты воды. Наоборот, Таджикистан использовал лишь небольшую часть причитающейся ему водной доли по причине ограниченности его земельных ресурсов (он до сих пор не может полностью освоить выделенную ему квоту).

Как заявил министр водного хозяйства Таджикистана Р. Бобокалонов, во всем мире вода признана товаром и имеет себестоимость, однако Таджикистан даром уступает Узбекистану и Туркменистану свои водные ресурсы¹². В 2012 году из выделенного лимита воды Таджикистан не использовал 1 млрд куб. м.

Две республики, расположенные в нижних участках русел Амударьи и Сырдарьи, почти всю воду этих рек направили в искусственные каналы и водохранилища. В результате сырдарьинские и амударьинские воды исчезли в Каракумских и Джизакских степях.

Руководители Союза ССР прекрасно знали, что трагедия Арала — дело рук человеческих, однако, не желая признавать, что эта экологическая катастрофа произошла из-за их попустительства и неправильной политики, стали обвинять в ней всех и вся — начиная с природы и заканчивая республиками ЦА.

Сегодня мировое сообщество с тревогой и болью смотрит на погибающий Арал, но никакие предпринимаемые меры не приносят результатов. Что же касается тех, кто погубил Арал, создав в поймах двух рек рыбхозы, дома отдыха и санатории, то они нисколько не сожалеют о содеянном.

Казалось бы, пора уже выработать разумное отношение к использованию водных ресурсов. Между тем Программа по энергетике и окружающей среде ПРООН в Таджикистане выступает за развитие диалога и сотрудничества между странами ЦА в области управления трансграничными водными ресурсами. Но пока эти благие намерения не принесли никаких результатов.

Энергетические ресурсы — объект конкуренции и почва для конфликтов

Пограничные и водные противоречия в отношениях государств ЦА тесно связаны с энергетической проблемой. При советской власти все республики ЦА были одинаково обеспечены энергией, так как были подключены к единой сети линий электропередачи. После распада СССР связывавшие их «энергонити» оказались разорванными. Объекты производства электроэнергии остались в распоряжении государств нижнего течения Амударьи и Сырдарьи, а для Таджикистана и Кыргызстана наступила беспросветная тьма. На территориях государств нижнего течения оказались также разведанные и освоенные при советской власти естественные углеводородные ресурсы (нефть, уголь и газ). В результате цены на углеводороды и условия их поставки в Таджикистан и Кыргызстан превратились в рычаги давления на них.

В этих крайне тяжелых условиях правительствам Таджикистана и Кыргызстана не оставалось ничего другого, как искать собственные источники энергии. Началось строительство малых электростанций, но вырабатывавшейся ими энергии оказалось недостаточно. Нехватка

¹² См.: Там же.

электроэнергии особенно чувствовалась в осенний и зимний периоды: жилые помещения оставались без света, что значительно усложняло жизнь населения.

Тогда правительства республик взялись за возобновление строительства нескольких ГЭС, запланированных в советское время (тех, на которых была выполнена значительная часть работ). В Таджикистане возобновилось строительство Рогунской, а в Кыргызстане — Камбаратинской ГЭС.

Тут же нашлись явные и скрытые противники завершения строительства этих объектов. Правительство Узбекистана предъявило претензии по поводу того, что завершение строительства ГЭС нарушит баланс в распределении воды между государствами-потребителями. При этом отмечалось, что создаваемые в ходе строительства ГЭС водохранилища в летнее время станут причиной нехватки воды для государств, расположенных в низовьях. Упоминалось также о сокращении поступления воды в Аральское море и катастрофических последствиях строительства ГЭС в сейсмоопасных зонах. Подобные ложные «выкладки» вполне объяснимы. Между тем по ряду причин лидеры некоторых государств и руководители международных организаций (особенно ВБ) гласно или негласно поддерживают Узбекистан.

В связи с этим представляется необходимым кратко изложить некоторые доводы в пользу целесообразности завершения строительства Рогунской ГЭС.

Известно, что недалеко от места строительства Рогуна, расположенного на реке Вахш, с 1970-х годов эффективно работает Нурекская ГЭС, несколько уступающая ему по мощности. За все годы ее работы ни со стороны Узбекистана, ни со стороны Туркменистана никогда не поступало жалоб на то, что она препятствует нормальному стоку воды. Наоборот, в сезон весеннего половодья ее водохранилище наполняется, а в самый знойный период лета она обеспечивает равномерное поступление воды на поля Узбекистана и Туркменистана.

Насыпная плотина Нурекской ГЭС уже более сорока лет выдерживает давление воды, усиливающееся в полноводный сезон, и постоянные подземные толчки силой 6—7 баллов. Более того, по свидетельству специалистов, за эти годы грунты, на которых была построена плотина, уплотнились, а сама она стала более прочной. Ввод в действие Нурекской ГЭС обеспечил государствам, расположенным в нижнем течении реки, стабильное поступление воды в течение всего годового цикла.

Поскольку Таджикистан самостоятельно не может инвестировать в строительство столь масштабного объекта как Рогунская ГЭС, он обратился к правительствам и частным инвесторам с предложением принять участие в осуществлении проекта на выгодных условиях.

Одним из первых откликнулось правительство Пакистана, которое еще в 1994 и 1996 годах выразило готовность принять участие в завершении строительства Рогунской ГЭС; оно обещало выделить для этой цели первый транш в размере 600 млн долл. и инвестировать средства в дальнейшее строительство. По мнению автора, условия этого предложения были для Таджикистана наиболее выгодными и своевременными.

Пока Таджикистан размышлял, правительство России, до тех пор молчавшее, официально заявило о своей крайней заинтересованности в завершении строительства Рогунской ГЭС. Россия напомнила, что проект был разработан с участием ее специалистов, и теперь она готова в него инвестировать.

Увы, на поверку все заверения России оказались обманом. Правительство Таджикистана, обрадованное согласием своего стратегического союзника участвовать в завершении строительства, стало обращаться к России по поводу выделения инвестиций. Однако все обращения оставались без ответа. Дело было в том, что Россия вела двойную игру. Как только тот или иной инвестор заявлял о намерении участвовать в реализации этого проекта, она заявляла о своих «исключительных правах» на него. В то же время российские руководители активно обсуждали вопрос Рогуна с Узбекистаном, причем их подход к Рогуну менялся в зависимости от позиции, занимаемой Узбекистаном в отношении России.

Из года в год Узбекистан ужесточает свое отношение к завершению строительства Рогунской ГЭС, которое является для Таджикистана единственным путем обеспечить себя электроэнергией.

Узбекистан использует все возможные и невозможные рычаги давления на Таджикистан. Например, как только Таджикистан, потеряв надежду на иностранные инвестиции, объявил Рогун всенародной стройкой и приступил к добровольному сбору средств среди населения страны и подготовительным работам по перекрытию реки Вахш, Узбекистан организовал транспортную блокаду. Под надуманными предлогами был заблокирован проходящий через Узбекистан единственный железнодорожный путь, связывавший Таджикистан с остальным миром; не пропускались вагоны, якобы содержавшие стратегические материалы, в том числе строительные.

Мало того, в 2011 году Узбекистан полностью закрыл железнодорожную линию от узбекской станции Амузанг до таджикского Хатлона; она не функционирует по сей день. Кроме того, с середины 1990-х годов Узбекистан ввел визовый режим и стал чинить препятствия гуманитарному общению между гражданами двух государств. И это несмотря на то, что в Узбекистане проживают более 1 млн таджиков, являющихся его коренными жителями.

Перечень недружественных акций Узбекистана в отношении Таджикистана включает множество пунктов. Среди них и препятствия для въезда в страну, и ограничения на движение транзитных транспортных средств Таджикистана, и отключения газа в самый суровый период зимы (как правило, во второй половине декабря) и прочее.

Узбекистан предъявляет претензии к Таджикистану по разным надуманным поводам. Так, к недовольству по поводу продолжения реализации проекта Рогунской ГЭС с некоторых пор прибавились и иски об устранении нарушений в работе Турсунзадевского алюминиевого завода, вступившего в строй еще в советские времена. Узбекистан постоянно обращается к международным организациям, а также главам государств и правительств разных стран с просьбами не допустить реализацию Рогунского проекта и ограничить работу Турсунзадевского алюминиевого завода.

Анализируя претензии Узбекистана к Таджикистану, можно прийти к выводу, что в их основе лежат политические амбиции. Проекты Рогунской ГЭС и Турсунзадевского алюминиевого завода разрабатывались в советские времена с ведома и при участии представителей научных учреждений Узбекистана. Их разработка пришлась как раз на тот период, когда Узбекистан имел привилегированное положение как в ЦА, так и в СССР: без ведома и одобрения члена Политбюро ЦК КПСС Ш. Рашидова Кремль не мог утвердить ни один крупный проект социально-экономического назначения в тогдашней Средней Азии.

В связи с этим следует напомнить, что еще в Нукусской декларации, подписанной Узбекистаном в 1995 году, было провозглашено, что «продолжение строительных работ на Рогунской ГЭС является законным и не ущемляет прав других центральноазиатских государств». Согласно действующим сегодня принципам водodelения, установленным когда-то решением Научно-технического совета Минводхоза СССР, Таджикистан имеет право на водопотребление: по Сырдарье — на 7% ее стока (протокол № 413 от 07.02.1984 г.) и Амударье — на 15,17% ее стока (протокол № 566 от 12.03.1987 г.). В целом по Сырдарье протекает 37,14 куб. км, а по Амударье — 78,46 куб. км воды. Таким образом, доля Таджикистана по Сырдарье составит $0,07 \times 37,14 \text{ куб. км} = 2,6 \text{ куб. км}$, а по Амударье $0,1517 \times 78,46 \text{ куб. км} = 11,9 \text{ куб. км}$; итого 14,5 куб. км. На собственные нужды Таджикистан забирает менее 20% (18%) стока, формирующегося на территории страны (64 куб. км), или 11,52 куб. км воды, что равно 10% от среднегодового стока рек бассейна Аральского моря (115,6 куб. км). Таким образом, Таджикистан из своего лимита недобирает $14,5 \text{ куб. км} - 11,5 \text{ куб. км} = 3 \text{ куб. км}$ воды, и у него есть законное право направить их на заполнение Рогунского водохранилища¹³.

¹³ См.: Таджикистан обязан завершить строительство Рогунской ГЭС // Авеста.tj, 12 июля 2011.

По мнению специалистов, эти 3 куб. км составляют всего лишь 14,7% от стока реки Вахш. На заполнение водохранилища Рогунской ГЭС, имеющего объем 13,3 куб. км, уйдет 10,2 года, и ежегодно забираемый на эти цели объем воды составит лишь 6,5% годового стока Вахша.

Специалисты считают, что благодаря водохранилищу Рогунской ГЭС могут быть достигнуты следующие положительные результаты:

- 1) увеличение площади орошаемых земель на 350 000 га (в основном в Узбекистане и Туркменистане);
- 2) обеспечение глубокого многолетнего регулирования стока вместе с Нурекским (10,5 куб. км), Туямуонским (5,3 куб. км) и Зеидским водохранилищами на Каракумском канале (2,2 куб. км), что создаст возможность для гарантированной подачи воды в целом на более чем 3 млн га существующих орошаемых земель Узбекистана и Туркменистана в самые маловодные годы;
- 3) 15%-е улучшение качества воды (по минерализации) в створе Туркменабад и Туямуон;
- 4) предотвращение выброса в атмосферу огромного количества вредных веществ и парниковых газов (в объеме 200—400 млн т);
- 5) увеличение общей выработки электроэнергии каскадом ГЭС на р. Вахш до 14 млрд кВт·ч, благодаря этому будет вырабатываться не только летняя, но и наиболее дефицитная в регионе базисная энергия, покроются пиковые нагрузки и нормализуется электрическая частота.

Таким образом, строительство Рогунской ГЭС вместе с водохранилищем обеспечит устойчивое развитие как Таджикистана, так и стран, расположенных в низовьях Амударьи¹⁴.

Таджикистан, активно поддерживающий проект строительства Рогунской ГЭС, не упускает из виду то обстоятельство, что все гидроэнергетические объекты (построенные или проектируемые) имеют комплексное ирригационно-энергетическое назначение и служат интересам стран верховья и государств-водопотребителей.

Как уже говорилось, Узбекистан обратил недовольный взор и на Турсунзадевский алюминиевый завод, который работает уже более 30 лет. Утверждается, что его деятельность якобы очень вредна для экологии приграничных районов. В связи с этим вот уже на протяжении многих лет десятки различных национальных и международных комиссий проверяют, как влияет на окружающую среду работа этого предприятия, но не находят никаких доказательств ее вредности. Вместе с тем эксперты указывают на тот факт, что десятки энергетических, промышленных, горнорудных и других объектов Узбекистана, функционирующих по соседству с Согдской областью Таджикистана, значительно более опасны для окружающей среды, чем Турсунзадевский алюминиевый завод.

Будучи сторонником и участником внедрения принципов интеграционного управления водными ресурсами и поддерживая Йоханнесбургский план, Таджикистан для внесения ясности в проблему и защиты своего права на реализацию проекта Рогунской ГЭС обратился ко всем заинтересованным сторонам и международным организациям с просьбой принять участие в экспертной оценке ее строительства. В частности, по вопросу проведения соответствующих экспертиз этого проекта таджикская сторона вступила во взаимодействие с ВБ, который, идя навстречу, стал финансировать проведение двух ключевых исследований по Рогунской ГЭС — оценочного технико-экономического исследования (ОТЭИ) и оценки экологичес-

¹⁴ См.: Каримов А., Муртазаев В. Таджикистан обязан завершить строительство Рогуна // ASIA-Plus, 7 декабря 2011, № 92 (681).

кого и социального воздействия проекта (ОЭСВ). Тендер на осуществление экспертизы выиграл консорциум, возглавляемый компанией «Coyne & Bellier», которая занялась проведением ТЭО (контракт был подписан 8 февраля 2011 г.), а на проведение ОЭСВ — швейцарская компания «Рёугу» (контракт был подписан 25 марта 2011 г.).

Еще в декабре 2011 года, участвуя в Международной конференции по Афганистану в Бонне, министр иностранных дел Таджикистана Х. Зарифи на встрече с вице-президентом ВБ по Южной Азии И. Герреро, президентом Исламского банка развития аль-Мадани и принцем Каримом Ага-ханом IV обсудил ряд вопросов, в том числе касающихся реализации в Республике гидроэнергетических проектов. Министр заострил внимание на необходимости завершить экспертизу проекта Рогунской ГЭС в намеченные сроки и особо подчеркнул важность строительства этого и других объектов для энергообеспечения страны.

В свою очередь, ВБ выступил с заявлением о нежелательности начала строительства первой очереди станции до полного завершения международной экспертизы. Более того, представитель ВБ Т. Алерс предложил пересмотреть сроки ее завершения. Вместе с тем он сообщил, что ВБ занимается подготовкой исследования вариантов энергоснабжения в Таджикистане; по существу, он завуалированно намекнул, что надеяться на положительный исход экспертизы не следует¹⁵.

В 2010 году для привлечения внимания зарубежных инвесторов Таджикистан начал восстановительные работы на Рогунской ГЭС; средства были собраны путем добровольных взносов и пожертвований населения.

Эта инициатива весьма обострила таджикско-узбекские отношения. Со стороны Узбекистана посыпались многочисленные протесты; благодаря мощной пропагандистской кампании властям Республики удалось организовать в СМИ ряда стран публикацию искаженной информации о проекте Рогунской ГЭС.

Что касается официального Душанбе, то в его заявлении по этому поводу было отмечено, что «позиция Таджикистана остается неизменной: реализация гидроэнергетических проектов, и в первую очередь достройка Рогунской ГЭС осуществляются с учетом общенациональных и региональных интересов, и в этом вопросе Таджикистан готов к тесному сотрудничеству с соседями».

Ни для кого не секрет, что точки зрения ВБ и США обычно совпадают; это «единодушие» проявилось и в вопросе о строительстве Рогунской ГЭС. В октябре 2011 года во время своего визита в Душанбе бывший госсекретарь США Х. Клинтон заявила, что Таджикистану необходимо рассмотреть альтернативные источники электроэнергии и «не нужно строить Рогун только в отместку соседу, который выступает против этого проекта». Таким образом, из ее слов следует, что все старания Таджикистана по завершению этого архиважного для народа проекта не что иное, как «месть соседу»¹⁶; тут уж, как говорится, комментарии излишни... Аналитики считают, что за дипломатическими формулировками скрывается истинная позиция американских властей, поддерживающих Узбекистан в его отношении к реализации Рогунского проекта¹⁷.

Между тем в феврале 2011 года был опубликован отчет Сената США о проекте строительства Рогунской ГЭС. В нем говорилось, что американский Сенат выступает за эффективное использование в ЦА водных ресурсов и считает, что строительство и ввод в эксплуатацию Рогунской ГЭС может решить многие экономические проблемы в стране, а также обеспечить экспорт электроэнергии в Афганистан и Пакистан. В отчете была выражена надежда, что Тад-

¹⁵ См.: *Икрамов С.М.* Размышление накануне праздника, или Готовы ли мы к энергетической независимости? // ASIA-Plus, 14 декабря 2011, № 84 (683).

¹⁶ Рогун: Не будет перекрытия — будет энергокризис // ASIA-Plus, 9 ноября 2011, № 84 (673).

¹⁷ См.: Миллат, 26 октября 2011.

жикистан и Узбекистан найдут точки соприкосновения по данному проекту и начнут конструктивно сотрудничать¹⁸. Но дальше этих «мудрствований» дело не пошло.

15—19 мая 2011 года, следуя рекомендации международных организаций, представители стран ЦА собрались в Алматы (инициатором встречи был ВБ); они обсудили вопросы, касающиеся споров в отношении проекта Рогунской ГЭС, и изложили свои позиции.

7 ноября 2012 года в офисе регионального представительства ВБ в Алматы состоялось второе заседание, на котором представитель Таджикистана заявил, что строительство плотины Рогунской ГЭС высотой 335 м — это единственный путь выхода из жестокого энергетического кризиса, в котором оказалось население республики. Против строительства Рогуна выступил представитель Узбекистана, выразивший опасения относительно прорыва плотины в связи с возможным землетрясением¹⁹. Однако эти опасения были развеяны международными экспертами.

11—12 февраля 2013 года в Алматы состоялся третий раунд заседаний по обмену информацией и обсуждению оценочных исследований проекта Рогунской ГЭС. Предметом встречи стали промежуточные выводы двух продолжающихся оценочных исследований (ОТЭИ и ОЭСВ), о последних результатах которых ВБ кратко проинформировал представителей донорских организаций и дипломатов, работающих в государствах ЦА. Обсуждались предварительные отчеты по гидрологии и геологическим исследованиям; они являются одними из основных структурных элементов ТЭО.

Кроме того, на встрече рассматривались последние результаты оценки сейсмической опасности и моделирования Вахшского каскада, а также геологическая ситуация; состоялся разговор с представителями двух международных компаний, занимающихся проведением ТЭО и ОЭСВ. Обсуждались планы проектирования строительной площадки, альтернативные высоты плотины и то влияние, которое высота плотины может оказать на затраты по переселению и организации инфраструктуры²⁰.

Региональный директор ВБ по ЦА С. Кумар отметил, что все материалы, обсуждавшиеся на этих встречах, являются предварительными; они представляют самые последние результаты и подлежат корректировке, то есть не могут считаться основой для окончательного решения по вопросу реализации проекта строительства Рогунской ГЭС. До того как будет определено будущее Рогунской ГЭС, потребуется рассмотреть множество других факторов, связанных в том числе с международными соглашениями и вопросами финансирования.

На этом представители Афганистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана, обменявшись мнениями, расстались²¹.

Общее впечатление от этих встреч и сообщений представителей ВБ заключается в том, что процесс экспертиз и оценок проекта Рогунской ГЭС будет продолжаться бесконечно. С обывательской точки зрения лучший способ похоронить любую конструктивную идею — это бесконечно растягивать ее обсуждение. Этому правилу следует и ВБ, а правительство Таджикистана «добросовестно» дает вводить себя в заблуждение. Тем временем, таджикский народ, сидя в темноте осенними и зимними вечерами, продолжает философствовать и мечтать о том, что когда-нибудь наступит светлый день; весь вопрос в том, когда именно.

Между тем Министерство энергетики и промышленности Кыргызстана заявило, что в настоящее время с учетом изменившихся условий, а также новых требований к проектированию и безопасности принимаются меры по завершению строительства Камбаратинской ГЭС.

¹⁸ См.: ASIA-Plus, 2 марта 2011.

¹⁹ См.: Чоршанбиев П. Центральная Азия обсуждает промежуточные оценки Рогунского проекта // ASIA-Plus, 8 ноября 2012, № 84 (771); Миллат, 7 ноября 2012.

²⁰ См.: ASIA-Plus, 31 января 2013.

²¹ См.: Чоршанбиев П. Страны Центральной Азии обсудили Рогунский проект // ASIA-Plus, 14 февраля 2013, № 13 (798).

Что касается экологических экспертиз, то они должны проводиться только на основе принципа взаимности, без использования двойных стандартов и выборочного подхода и применяться ко всем странам ЦА без исключения.

Кыргызстан обеспокоен отсутствием информации об объемах потребления воды в Узбекистане, а также возведением здесь водохранилищ без проведения экологической экспертизы. В заявлении Министерства энергетики и промышленности Кыргызстана отмечается необходимость сбалансированного использования водных ресурсов не только для ирригации, но и в целях выработки электроэнергии для нужд населения. Недавно заместитель министра энергетики и промышленности Кыргызстана А. Калиев заявил: «Мы всячески информируем их (узбекскую сторону), направляем наши протоколы, разрабатываем технические задания. Они все это игнорируют. Мы не можем постоянно оглядываться на них»²².

26 ноября 2012 года в Бишкеке на уровне министров иностранных дел прошла встреча «Европейский союз — Центральная Азия». Она была посвящена обсуждению вопросов эффективного, устойчивого и рационального использования водных ресурсов в регионе. Отстаивая позицию своей республики, министр иностранных дел Таджикистана Х. Зарифи отметил, что в его стране, не имеющей больших запасов нефти и газа, на протяжении долгих лет более 70% населения в течение 6—7 холодных месяцев страдает от нехватки электроэнергии и тепла. Он заявил, что в зимний период Таджикистан вынужден до минимума сокращать использование воды для работы гидроэлектростанций с целью ее аккумуляции в резервуарах и последующего использования для орошения сельскохозяйственных угодий в соседних странах. Кроме того, он обратил внимание участников встречи на два существенных момента.

- Во-первых, гидроэнергетика не является водопотребителем. Она, в отличие от орошаемого земледелия, не забирает речной сток безвозвратно, а лишь пропускает воду через турбины ГЭС.
- Во-вторых, страны низовья имеют возможность развивать свою экономику за счет освоения богатых залежей газа и нефти, в то время как для Таджикистана и Кыргызстана, не обладающих достаточным количеством разведанных углеводородов, единственным жизненно важным ресурсом является вода.

В заключение он подчеркнул, что ни одно гидроэнергетическое сооружение Таджикистана никогда не будет работать в ущерб другой стране²³.

В этой связи весьма примечательно, что международные эксперты, знакомые с проектом Рогунской ГЭС, считают, что завершение ее строительства не представляет ни для кого какой-либо опасности, а, наоборот, может благоприятно воздействовать на взаимоотношения стран региона. Так, президент интергруппы по изменению климата, биоразнообразию и устойчивому развитию в Европейском парламенте С. Стивенсон, анализируя на страницах журнала «The European Times» (28 января) провокационную статью «Гидроманипуляции, или Водные ресурсы как рычаг давления», появившуюся 25 января 2013 года в узбекской правительственной газете «Народное слово»²⁴, назвал ее «псевдоакадемической». Он отмечает, что Рогунская ГЭС сможет стать источником экологически чистой электроэнергии, дешевой и обильной, и будет удовлетворять потребности не только Таджикистана, но и соседних с ним Афганистана и Пакистана.

Ряд аргументов, подтверждающих безопасность и выгодность осуществления Рогунского проекта, приводит в статье «Рогунская плотина: сила для региона» президент инфор-

²² Кыргызстан жестко ответил Узбекистану по Камбаратинской ГЭС; ASIA-Plus, 21 февраля 2013.

²³ См.: Юлдашев А. Зарифи откровенно высказался о водной проблеме региона // ASIA-Plus, 29 ноября 2012, № 90 (777).

²⁴ См.: Гидроманипуляции, или Водные ресурсы, как рычаг давления // Народное слово, 25 января 2013 [<http://news.tj/ru/news/rogunskaya-plotina-sila-dlya-regiona>].

мационно-консалтинговой компании «Big Media Group» (Брюссель) бельгийский журналист Т. Кейперс²⁵.

С мнением зарубежных авторов о безопасности, выгодности и полезности реализации проекта Рогунской ГЭС соглашается и известный таджикский ученый-экономист Х. Одинаев. В статье «Рогунские тезисы-2, или Как сочетать интересы энергетики и ирригации в условиях Центральной Азии», опубликованной 22 февраля 2013 года в университетской газете «К вершинам знаний», он приводит еще 30 доводов, подтверждающих целесообразность, эффективность и крайнюю необходимость завершения проекта²⁶.

В феврале 2013 года на встрече с представителем ВБ в ЦА С. Кумаром президент Таджикистана Э. Рахмон выразил надежду, что международная экспертиза проекта Рогунской ГЭС будет осуществлена без политической предвзятости и на надлежащем уровне и что будут объявлены ее результаты²⁷.

Народ Таджикистана, пережив еще одну беспросветную зиму, все еще надеется на положительное заключение экспертизы Рогунской ГЭС, проводимой под эгидой ВБ, который, кстати сказать, не спешит с обнародованием ее результатов.

Однако, как известно, что у ВБ на уме, то у американских дипломатов на языке. Так, помощник госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Р. Блейк, оправдывая рекомендации ВБ по решению энергетических проблем в Таджикистане, заявил, что эта страна будет испытывать их еще не менее 10 лет. По его мнению, «дорожная карта», разработанная ВБ по этой проблеме, является превосходной; в ней правительству Таджикистана в целях преодоления нехватки энергии в холодный сезон рекомендуется следующее:

- 1) отказаться от нереальных планов потребления электроэнергии;
- 2) больше использовать возобновляемые источники энергии с целью совершенствования имеющихся резервов, формируемых за счет водных ресурсов;
- 3) увеличить использование энергии за счет соседних стран, имеющих ее излишки²⁸.

Еще дальше в прогнозах, касающихся перспектив обеспечения Таджикистана электроэнергией, пошел постоянный координатор и руководитель представительства Программы ООН в Таджикистане А. Зуев. 4 декабря 2012 года на конференции в Душанбе он заявил, что Программа предусматривает разрешение проблемы нехватки энергии в Таджикистане к 2030 году, то есть через 18 лет. Вполне понятно, что от подобных «радательных» рекомендаций и «добрых» советов обывателя прошибает холодный пот, а еще вернее — дрожь. Получается, что население Таджикистана должно продолжать терпеть, надеясь на милость соседей, и только следующее поколение наконец-то дождетсся света и тепла.

Вместо заключения

Споры вокруг земельно-водных и пограничных проблем тесно связаны с энергетическими, экологическими, гуманитарными и экономическими вопросами. Зачастую их обсуждение уходит на задний план, уступая место противоборству амбиций политических элит, стремящихся приватизировать не только национальные, но и региональные ресурсы. Переплетение всех этих непростых вопросов и проблем создает взрывоопасную ситуацию в ЦА.

²⁵ Кейперс Т. Рогунская плотина: сила для региона // ASIA-Plus, 31 января 2013.

²⁶ См.: Одинаев Х. Рогунские тезисы-2, или Как сочетать интересы энергетики и ирригации в условиях Центральной Азии // К вершинам знаний, 22 февраля 2013, № 4 (1331) (see also: [http://news.tj/ru/news/kak-sochetat-interesy-energetiki-i-irrigatsii-v-usloviyakh-tsentralnoi-azii]).

²⁷ См.: Миллат, 20 февраля 2013.

²⁸ См.: Миллат, 5 декабря 2012.

Между тем вокруг завершения Рогунского проекта разгорелся такой «сыр-бор», что сущность самой проблемы отошла на второй план. При этом доминируют политические амбиции, прежде всего правительства Узбекистана, которое до сих пор смотрит на пространство ЦА через призму надуманного им самим лидерства и своего якобы привилегированного положения. Порой кажется, что суверенитет других государств региона, их территориальная целостность, национальные интересы и стремление к достижению независимости воспринимаются в Узбекистане в качестве помех его державным устремлениям.

Реализация проекта Рогунской ГЭС — это вопрос выживания Таджикистана, стремящегося к энергетической независимости, обеспечению достойной жизни и благополучия своего народа. И, наконец, это критерий политической дееспособности правительства Таджикистана, от которого народ ждет оправдания своих надежд и доверия. Ввод в эксплуатацию Рогунской ГЭС выгоден во многих отношениях, и не только для Таджикистана, но и для всех стран ЦА и их южных соседей. И здесь нельзя не согласиться с позицией академика Международной инженерной академии Б. Сирожева, много лет возглавлявшего «Таджикэнерго»; он считает, что Рогун выступает гарантом выработки электроэнергии всего большого каскада Вахшских ГЭС и нормальной работы системы ирригации земель, расположенных в низовьях Амударьи²⁹.

²⁹ См.: ASIA-Plus, 12 октября 2011.

ВООРУЖЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В АФГАНИСТАНЕ И ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Агыбай СМАГУЛОВ

*Чрезвычайный и полномочный посол Республики Казахстан
в Республике Таджикистан
(Душанбе, Таджикистан)*

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются основные пути влияния афганского вооруженного конфликта на политическую и экономическую ситуацию в Центральной Азии и Казахстане.

Во-первых, из Афганистана, ставшего в 1990-х годах очагом международ-

ного терроризма и религиозного экстремизма и превратившегося в базу вооруженной таджикской и узбекской оппозиции, исходила реальная угроза насильственного изменения государственного строя в Таджикистане и Узбекистане. В Таджикистане благодаря посредниче-

ской роли ООН и усилиям некоторых государств региона удалось интегрировать оппозицию в процесс мирного развития. Что касается узбекской оппозиции, воевавшей в Афганистане на стороне движения «Талибан», то в ходе военных операций международной коалиции она была серьезно ослаблена.

Компромисс в Таджикистане был достигнут за счет включения в Конституцию Республики нестандартных юридических норм и легализации исламской партии. Однако существует опасность, что ислам, включенный в политическую систему государства с преобладающим мусульманским населением, сможет прийти к власти путем «демократического выбора», как это произошло в Египте.

Руководство Узбекистана, отказавшееся от переговоров и «выдавлившее» вооруженную оппозицию в Афганистан, сумело извлечь немалые выгоды из операции «Несокрушимая свобода»: исчезла прямая угроза продолжения атак религиозных экстремистов, как это было в 1999 и 2000 годах. Однако ожидаемый вывод войск международной

коалиции и новый виток гражданской войны в Афганистане могут стать очередным поводом для беспокойства государств Центральной Азии, так как существующая в них чрезвычайно сложная социально-экономическая ситуация способна вызвать всплеск исламского радикализма.

Во-вторых, нестабильный Афганистан практически полностью блокировал возможность диверсификации внешнеэкономических связей этих государств, строительства автомобильных и железных дорог, линий электропередачи и газопроводов на южном направлении. Афганистан продолжает оставаться труднопреодолимым барьером на пути развития торговых связей стран Центральной Азии и Казахстана с государствами Южной Азии и Среднего Востока, а также препятствием для выхода к их морским портам.

Тот факт, что США покидают Афганистан, так и не сумев ликвидировать «афганскую угрозу», заставляет государства Центральной Азии и Казахстан обращать свои взоры в сторону России и Китая.

**КЛЮЧЕВЫЕ
СЛОВА:**

Афганистан, Центральная Азия и Казахстан, афганский кризис и ситуация в Центральной Азии, национальное примирение в Таджикистане, Большая Центральная Азия, «Новый Шелковый путь», Новый Средний Восток.

Введение

Афганский кризис уже более двух десятилетий оказывает самое серьезное влияние на ситуацию в государствах Центральной Азии (ЦА). Мировые и региональные державы активно или пассивно используют его для достижения своих геополитических и геоэкономических целей. Свое военное присутствие в регионе США обосновали обвинением талибов в укрывательстве международных террористов, атаковавших Вашингтон и Нью-Йорк 11 сентября 2001 года.

Представляется, что до тех пор, пока Россия и Китай не укрепят свои позиции в Афганистане, им будет выгодно сохранение в этой стране нестабильности.

В свою очередь, Иран, не теряя времени, строит транспортную инфраструктуру, чтобы обеспечить внутриконтинентальным государствам выход в Персидский залив через свою территорию.

До сих пор исследования экспертов по афганской проблеме касались вопросов безопасности: угроз международного терроризма, религиозного экстремизма и незаконного оборота наркотиков. Много работ посвящено афганской и центральноазиатской политике ведущих государств мира, стремящихся установить свое влияние в этом регионе.

Однако деятельность государств Центральной Азии и Казахстана (в том числе и на афганском направлении) как самостоятельных субъектов международной политики осталась практически неизученной. Данная статья имеет целью частично заполнить этот пробел и положить начало соответствующим исследованиям.

Усилия стран региона по диверсификации внешних связей и угрозы, исходящие из Афганистана

После обретения независимости перед народами ЦА и Казахстана в полный рост встали острейшие политические и экономические вопросы: «Какой тип государственности строить? Какова будет экономическая политика нового государства? Какие внешнеполитические приоритеты следует выбрать: взять ли курс на интеграцию на постсоветском пространстве, где основным ядром выступает Россия, или переориентироваться на мусульманский Юг?»

С падением железного занавеса государства ЦА, Среднего Востока и Южной Азии (ЮА), расположенные на границах так называемого «мягкого подбрюшья России» (в отличие от западных и дальневосточных рубежей Советского Союза оно было абсолютно непроницаемо для международной торговли), предприняли взаимные активные шаги к сближению.

Первые контакты были установлены еще до обретения независимости. В июле 1991 года состоялся официальный визит президента Казахской ССР Н. Назарбаева в КНР; в сентябре того же года высокопоставленная делегация этой республики посетила Турцию.

В августе 1991 года президент Узбекистана И. Каримов нанес официальный визит в Индию, а в декабре состоялись турецко-узбекские переговоры на высшем уровне в Анкаре.

Первый президент независимого Таджикистана Р. Набиев после посещения Финляндии (где 25—27 февраля 1992 г. он подписал Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) нанес визиты в Иран (28—30 июня 1992 г.), Пакистан (30 июня — 2 июля 1992 г.) и Афганистан (14—15 июля 1992 г.)¹.

Р. Набиев, будучи председателем Совета министров, а затем первым секретарем ЦК КП Таджикистана, начинал строительство Рогунской ГЭС, высоко оценивая ее стратегическое значение для страны и всего региона. Во время визита в Исламабад он получил от пакистанского руководства предложение о льготном кредите на сумму в 500 млн долл., предназначенном для достройки станции с последующей выплатой долга электроэнергией. По тем временам этого было достаточно для ввода объекта в действие² (с учетом стадии готовности станции).

¹ См.: Саидов З. Межгосударственные отношения Республики Таджикистан в период становления ее внешней политики. Душанбе, 2012. С. 17.

² См.: Сафаров М. Рахмон Набиев: загадочная смерть президента // Вечерка, 24 апреля 2012.

Уже через два месяца после образования СНГ в Ашхабаде обсуждался вопрос о вступлении всех центральноазиатских государств в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), учредителями которой являлись Иран, Пакистан и Турция. На состоявшейся 28—29 ноября в Исламабаде внеочередной сессии Совета министров ОЭС республики ЦА, Казахстан, Азербайджан и Афганистан официально подписали документ о вступлении в Организацию. В октябре 1992 года прибывшими в Турцию лидерами пяти тюркоязычных государств была подписана Анкарская декларация; некоторые наблюдатели назвали ее проектом «тюркского общего рынка».

Считая первостепенной потребностью региона развитие современной транспортной инфраструктуры, связывающей страны — члены ОЭС друг с другом и с остальным миром, совещание министров транспорта в Алматы приняло в октябре 1993 года Основной план развития транспортного сектора. Этот документ включал перечень конкретных проектов и работ, которые должны были быть выполнены странами-членами на национальном, двустороннем и региональном уровнях. На IV саммите в мае 1996 года, были подписаны меморандумы о строительстве дорог, а также нефте- и газопроводов с выходом на порты Карачи и Гвадар.

Однако на пути регионального экономического сотрудничества имелись как минимум два препятствия.

- Во-первых, отсутствовали необходимые условия для политических и экономических связей.
- Во-вторых, существовали иные, более выгодные направления сотрудничества.

По мнению В. Белокреницкого³, конфликт в Афганистане долгое время заставлял страны региона искать иные пути политико-экономического сотрудничества. Более того, реальные угрозы безопасности, исходившие из Афганистана, стали одной из основных причин подписания в Ташкенте Договора о коллективной безопасности (май 1992 г.).

Руководство Таджикистана открыто заявляло, что вооруженная оппозиция базируется на территории Афганистана. Выступая в 1993 году на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Э. Рахмон подчеркнул, что оппозиционеры, «перебравшись сюда из Таджикистана, при содействии экстремистских групп и сил международного терроризма вынашивают планы насильственного изменения государственного строя в нашей стране»⁴. Исламистское ядро Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) с территории Афганистана вело борьбу за исламское государство в Таджикистане силами армии численностью 6 тыс. моджахедов⁵.

Не менее актуальными были проблемы создания транспортных, энергетических и газопроводных коридоров через территории Афганистана и Ирана. Таджикистану необходимо было завершить строительство Рогунской ГЭС и начать экспорт электроэнергии в Пакистан, а также найти выход из транспортного тупика. Узбекистан ставил своей задачей вывоз хлопка в южные порты и далее на мировые рынки. Для Туркменистана большое значение имело строительство газопровода через Афганистан в Пакистан и развитие торговли со своими южными соседями.

Прорабатывались планы строительства по западной равнинной части Афганистана железнодорожной магистрали протяженностью 800 км.

Одним из свидетельств большой заинтересованности Пакистана в развитии транспортных связей с ЦА является то, что Исламабад был инициатором одобренного на заседании Со-

³ См.: Белокреницкий В. Проблемы и перспективы формирования Центральноазиатского макрорегиона // Восток, 1993, № 4. С. 43.

⁴ Рахмонов Э. Тысяча лет в одну жизнь (Сборник выступлений, речей, интервью и статей). Душанбе: Ирфон, 2003. С. 9.

⁵ См.: Зайферт А.К., Крайкемайер А. О совместимости политического ислама и безопасности в пространстве ОБСЕ. Душанбе: Шарки Азод, 2003. С. 10.

вета министров ОЭС в Кветте в феврале 1993 года плана создания к концу столетия единой коммуникативной системы государств — членов этой организации⁶.

В то же время существовало мнение, что угроза радикального ислама, непосредственно исходящая из Афганистана, заблокирует участие стран ЦА в международном сотрудничестве через их выход к южным морям и лучше всяких экономических рычагов будет держать их в орбите России, не позволяя пойти на полный разрыв военно-политического сотрудничества с ней (достаточно регулярно напоминать им о грозящей с юга опасности). В этой связи в ноябре 2000 года А. Реутов писал, что «инициативу центральноазиатских республик (по признанию талибов) в Москве воспринимают без особого энтузиазма»⁷.

Угрозы исламского радикализма светскому характеру государств региона

Особенно остро вопрос о том, каким будет государство — светским или теократическим, — встал в Таджикистане и Узбекистане. В этих республиках вышедшие на политическую сцену религиозные движения прямо требовали положить в основу государственного строя шариат.

По мнению исследователя Э. Рахматуллаева, многолетний конфликт в Афганистане оказал мощное дестабилизирующее воздействие на ЦА. В отличие от ренессанса традиционного ислама, фактор исламизма вкупе с поддержкой внерегиональных центров радикализма, включая Афганистан, стал новым явлением в политической жизни региона⁸.

Представляется, что, столкнувшись с угрозой исламистов и наблюдая все те негативные процессы, которые происходили в Таджикистане, И. Каримов пришел к выводу, что в стране необходимо установить сильную авторитарную власть. Вероятно, он считал, что только таким путем можно избежать хаоса по таджикскому сценарию.

В своей книге «Узбекистан на пороге XXI века», опубликованной в 1997 году, И. Каримов, определяя основные направления внутренней и внешней политики страны, со всей определенностью писал: «Мы за то, чтобы религия продолжала играть роль приобщения населения к высшим духовным, моральным и нравственным ценностям. Но мы никогда не допустим, чтобы религиозные лозунги стали знаменем борьбы за власть, поводом для вмешательства в политику, экономику и юриспруденцию, поскольку видим в этом потенциальную угрозу безопасности и стабильности для нашего государства»⁹.

По нашему мнению, верная оценка мотивов активизации исламских боевиков на территории Кыргызстана и Узбекистана дается в статье О. Молдалиева «Странная война в долине яда. Баткен 1999»¹⁰. Автор приходит к выводу, что стратегия борьбы исламских экстремистов оправдала себя и в Афганистане, и в Таджикистане.

К этому времени ультраконсервативное движение «Талибан» практически полностью контролировало Афганистан; были введены законы шариата в их крайне жесткой интерпре-

⁶ См.: Москаленко В. Пакистан — курс на Центральную Азию // Восток, 1996, № 5. С. 83.

⁷ Реутов А. Казахстан больше не боится талибов // Коммерсант, 24 ноября 2000, № 221 [www.kommersant.ru/doc/164129].

⁸ См.: Рахматуллаев Э. Превентивная дипломатия: панацея или мираж? Монография. М., 2007. С. 266—267.

⁹ Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент, 1997. С. 43—44.

¹⁰ Молдалиев О. Странная война в долине яда. Баткен 1999 // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 1 (7). С. 46—54.

тации. Правительство талибов было признано Пакистаном, Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами. На грани его признания находилось и правительство Узбекистана¹¹.

Туркменистан, практически признавая де-факто движение «Талибан» в качестве официальной власти Афганистана, позволил открыть представительство этой страны в Ашхабаде. В свою очередь, в афганских городах Герат и Хайратон действовали консульства Туркменистана¹².

По сообщениям газеты «Коммерсант», посол Казахстана встретился в Исламабаде с представителем «Талибана» в Пакистане, а президент Н. Назарбаев назвал это движение одной из основных политических и военных сил в Афганистане, с которой его страна готова вести диалог¹³.

Летом 1999 года талибы прилагали активные дипломатические усилия, направленные на признание их правительства (являвшегося своего рода противовесом «Северному альянсу» во главе с Б. Раббани) ООН¹⁴.

Вооруженные формирования Объединенной таджикской оппозиции, основу которой составляла Партия исламского возрождения, базировались на территории Афганистана. ОТО была признана президентом Э. Рахмоном; в результате ее представители заняли места в правительстве. Референдумом от 26 сентября 1999 года были внесены изменения в Конституцию Республики Таджикистан, в том числе касающиеся создания политических партий на религиозной основе.

Безусловно, принятие новой редакции Конституции было компромиссом, на который необходимо было пойти ради достижения национального примирения и обеспечения мирного развития страны. А. Достиев, являвшийся заместителем председателя Комиссии по национальному примирению¹⁵, считает совершенно очевидным, что внесенные поправки противоречат требованиям первой статьи Конституции, которая (наряду с другими статьями ее первой главы) устанавливает, что Таджикистан является светским государством. Кроме того, согласно статье 8 Конституции, религиозные объединения отделены от государства.

Далее А. Достиев пишет: «Вместе с тем опыт Таджикистана, находившегося лишь в начале пути к правовому государству, показал, что в стране, где возникает гражданская война, но противоборствующие стороны, исходя из высших интересов народа и государства, готовы остановить ее, должны быть использованы все возможности для достижения компромисса, в том числе в сфере конституционных проблем. Угрозе самоистребления должны быть противопоставлены взвешенные политические решения, открывающие перспективы стабилизации в обществе, пусть они даже противоречат на данном этапе классическим юридическим нормам.

Так, придерживаясь противоположных позиций по самому широкому комплексу вопросов, противоборствовавшие в Таджикистане стороны тем не менее, во имя сохранения единства нации и исключения самой возможности возникновения гражданской войны впредь, пришли к выводу о необходимости внесения изменений в действующие Конституцию и законы, вплоть до принятия неординарных законодательных норм.

Обе конфликтовавшие стороны, отказываясь от военного решения имеющихся проблем, сознавали при этом, что согласованное введение новых, политически обусловленных юридических норм продиктовано высшими интересами народа и государства, является объективно

¹¹ [www.polit.ru/news/2000/10/16/553516].

¹² [www.history-x.ru/04/006/030/007.htm].

¹³ См.: Коммерсант, 24 ноября 2000, № 221.

¹⁴ [www.pravda.ru/politics/03.11.2000/801158-0/].

¹⁵ См.: Достиев А.С. Конституция Республики Таджикистан 1994: история разработки, принятия, внесения изменений и основные положения. Душанбе: Матлубот, 2001. С. 49.

вынужденной мерой и в историческом плане эти нормы носят временный характер. В условиях устойчивого мира и стабильности, по мере развития и возвышения культуры политического диалога между различными силами общества, они в конце концов уступят свое место подлинно правовым юридическим нормам, находящимся в полной гармонии с нормами Основного закона»¹⁶.

Вместе с тем, согласно Протоколу о гарантиях осуществления «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане», Комиссию по национальному примирению возглавил представитель ОТО. В структурах исполнительной власти на всех уровнях, в том числе в силовых структурах, оппозиции предоставлялось 30% мест, и 25% мест в Центральной избирательной комиссии¹⁷.

Теперь исламисты ставили перед собой задачу добиться максимальной политической выгоды от участия в предстоявших президентских и парламентских выборах. Таким образом, оппозиция заложила первый кирпичик в юридическую основу достижения своей стратегической цели — создания исламского государства. Еще в 1990 году главный духовный руководитель Таджикистана Ходжи Акбар Тураджонзода открыто заявлял, что он и его единомышленники стремятся к созданию исламского государства. Однако уточнял, что «это является не сегодняшней задачей, а стратегической целью»¹⁸.

Между тем главная опасность заключается в том, что в долгосрочной перспективе в странах с преобладающим мусульманским населением более серьезный вызов светскому государству представляет собой именно поэтапная стратегия «умеренного» политического ислама, его стремление «укрепиться в нынешней государственной системе» и «расширить рамки идейно-политического воздействия на общественную жизнь страны»¹⁹. В данном случае речь идет о попытках через «обращение» большинства населения в свою идеологию подтолкнуть его к мысли о необходимости установить «исламский порядок», а затем постепенно завоевать политическую власть через упразднение светского государства путем «демократического выбора» и достичь, если можно так выразиться, «недемократической» цели демократическим путем²⁰.

Так, когда за убийством президента Египта А. Садата 6 октября 1981 года последовали антиэкстремистские меры, часть организаций политического ислама, понесших существенные потери, прекратили военную деятельность и перешли к пропагандистской работе.

Следует отметить, что показная умеренность — это главное отличие «Братьев-мусульман» от многих других исламских организаций. Еще в 2006 году руководители этой организации, уже имевшей 88 представителей в парламенте, отмечали, что их главная задача — «продвижение реформ путем просвещения и образования народа». Используя иницированную «сверху» либерализацию правил политической игры, они вели целенаправленную пропагандистскую и агитационную работу, постепенно создавая условия для прихода к власти²¹. Через 6 лет, 30 июня 2012 года, один из руководителей этой организации М. Мурси стал президентом, а в декабре того же года в Египте на референдуме была принята Конституция, согласно которой шариат объявлялся основным источником права в стране.

¹⁶ Там же. С. 49—50.

¹⁷ См.: Амирбек А. Роль Исламской Республики Иран в установлении мира в Таджикистане. Душанбе, 2004. С. 230.

¹⁸ Зайферт А.К., Крайкемайер А. Указ. соч. С. 100.

¹⁹ Ниязи А. Возрождение ислама в Таджикистане: традиция и политика // Центральная Азия и Кавказ, 1999, № 5. С. 163.

²⁰ См.: Шнайдер-Детерс В. Светское государство и пробуждение ислама в постсоветской Центральной Азии (некоторые политические выводы). В кн.: Ислам и светское государство / Под ред. З.И. Манавварова, В. Шнайдер-Детерса. Ташкент, 2003. С. 124.

²¹ См.: Ёвкочев Ш. О влиянии радикальных исламских организаций и движений Египта на социально-политическую ситуацию в стране // Восток, 2007, № 6. С. 116—124.

Примерно такой же сценарий, предполагавший вооруженную борьбу и систематический террор, замыслилось реализовать и в Узбекистане, с тем чтобы вынудить официальный Ташкент признать Исламское движение Узбекистана (ИДУ) как легальную оппозицию и начать переговоры с его лидерами.

В итоге планировалось по таджикскому варианту создать комиссию по национальному примирению, внести соответствующие изменения и дополнения в Конституцию Узбекистана и получить квоту в правительстве и органах государственной власти на всех уровнях. Руководствуясь этими целями (равно как и некоторыми другими), узбекские отряды ОТО еще в июне 1999 года были переброшены в труднодоступные районы восточного Таджикистана. В подконтрольных таджикской оппозиции районах каратегинской зоны были созданы центры подготовки боевиков, перевалочные базы.

Эти действия таджикской и узбекской оппозиции были следствием происходивших в Таджикистане политических процессов, связанных с реализацией Общего соглашения об установлении мира и национального согласия. Согласно плану национального примирения, 17 июня 1999 года между правительством Э. Рахмона и ОТО был подписан протокол о роспуске и разоружении вооруженных формирований оппозиции и снятии запрета на деятельность оппозиционных партий и их СМИ (позднее, в августе 1999 г., Верховный суд Таджикистана отменил запрет на деятельность Партии исламского возрождения Таджикистана).

По мнению О. Молдалиева, вооруженное вторжение исламистов планировалось отнюдь не с целью ведения широкомасштабной войны с Узбекистаном, как многие пытались это представить. На самом деле предполагалось осуществить «стратегию захвата власти» в соответствии с идеологией исламского экстремизма, то есть путем осуществления дестабилизирующего террора, диверсий и партизанских вылазок.

К чему могли привести эти насильственные акты, предположить несложно: экстремисты втянули бы правительство в спираль насилия, тем самым противопоставив его населению. Разумеется, это привело бы к усилению позиции исламистов и их последующему признанию в качестве одной из сторон переговорного процесса. Конфликт, естественно, не ограничился бы пределами одного государства и мог повлечь за собой «афганизацию» всей ЦА²².

Безусловно, исламские радикалы надеялись на поддержку международных террористических организаций, обустроивших свое логово на территории Афганистана. Об этом свидетельствует тот факт, что после разгрома вооруженных формирований экстремистов на территории Кыргызстана и самого Узбекистана они вынуждены были вновь уйти в Афганистан; в этом им содействовали также и таджикские власти (хотя они и действовали в целом под политическим давлением Ташкента) и руководство ОТО. Последнее, добившись легитимности в Таджикистане, естественно, не хотело терять достигнутые позиции. Что же касается президента Э. Рахмона, то он хотел сохранить сложившийся в стране хрупкий мир и укрепить зыбкий процесс национального примирения. Поэтому он и позволил узбекским боевикам беспрепятственно уйти в Афганистан²³.

Президент Узбекистана И. Каримов, просчитав стратегическую ситуацию и учтя ряд факторов, оказывавших самое серьезное влияние на развитие политических процессов в стране, стремился не дать экстремистам ни малейшей зацепки для придания хоть какой-то легитимности их деятельности или оправдания присутствия исламистских баз в ЦА. Кроме того, И. Каримов никак не мог согласиться с выводами западных исследовательских центров о том,

²² См.: Молдалиев О. Указ. соч. С. 51—52.

²³ См.: Камолов С. Граница. К истории становления границы Республики Таджикистан. Душанбе, 2007. С. 149—160. Из конфиденциальных бесед с сотрудниками спецслужб автору стало известно, что силовые структуры Республики Таджикистан организовали перевозку и вывод Джумы Намангани на территорию Афганистана через речной порт Нижний Пяндж.

что «мирный процесс в Таджикистане стал отправной точкой для беспримерного исследования возможностей компромисса между исламистскими и секулярными силами. Первым компромиссом, заключенным в ЦА между исламистами, а также их союзниками, и секулярным правительственным лагерем после пятилетней гражданской войны»²⁴.

Поэтому И. Каримов перешел к решительным действиям: 26 и 29 августа 1999 года авиация Узбекистана нанесла бомбовые удары по местам возможного размещения военных баз ИДУ на территории Таджикистана и Кыргызстана²⁵. В следующем году были уничтожены вооруженные отряды исламской оппозиции, появившиеся уже на территории самого Узбекистана — в Сурхандарьинской области и под Ташкентом (в 80 км от столицы).

Опасаясь прорыва исламских боевиков, в августе 2000 года Узбекистан в одностороннем порядке заминировал все вероятные направления движения террористов через таджикско-узбекскую границу. Минные поля были установлены еще «в период активной фазы гражданской войны в Таджикистане в 1992—1996 годах»²⁶ и летом — осенью 1999 года. Остаются заминированными 54 участка таджикско-узбекской границы в Хотлонской и Согдийской областях и Турсунзадевском районе. С 1992 года от взрыва мин и других снарядов в Таджикистане погибли 368 чел. и свыше 450 чел. получили различные увечья²⁷. Но узбекская сторона до сих пор не намерена ни разминировать эти поля, ни передать таджикской стороне их карты.

И. Каримов резко отверг возможность проведения мирных переговоров с лидером ИДУ Т. Юлдашевым: выступая 29 августа 2000 года на церемонии открытия одного из участков автомагистрали «Ташкент — Ош» на стратегическом перевале Камчик²⁸, он заявил: «Террористов, если они сами не сдадутся, надо ликвидировать, а если ликвидировать, то не только их, но и всех их пособников». Это заявление было своего рода ответом на предложение лидера ОТО Саида Абдулло Нури, выступившего с инициативой о проведении переговоров между Ташкентом и лидерами ИДУ. Как с возмущением отмечал И. Каримов, «Нури сам является игрушкой в руках определенных радикальных центров экстремизма, расположенных за пределами Таджикистана»²⁹.

Таким образом, на развитие вышеописанной политической ситуации оказали прямое влияние баткенский конфликт, события 11 сентября в США и начало антитеррористической операции в Афганистане (т.е. афганский фактор). В частности, по мнению Арне К. Зайферта, в Таджикистане начали утверждаться более жесткие установки по отношению к исламистам. Еще во время мирных переговоров сторонники жесткой политики, придерживавшиеся секулярного мировоззрения, выступали против компромиссов с исламистами. Они считали, что антитеррористическая стратегия, создание военных баз США и свержение режима талибов в Афганистане предоставляют им благоприятную возможность для начала наступления на исламистов. Не было сделано исключения и для тех исламистов, которые получили правительственные посты в рамках договоренностей о мире. В результате вновь усилилось напряжение в светско-исламских отношениях, которые и без того были непростыми³⁰.

²⁴ Зайферт А.К., Крайкемайер А. Указ. соч. С. 6.

²⁵ См.: Омуралиев Н., Элебаева А. Баткенские события в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 1 (7). С. 27—28.

²⁶ Из письма премьер-министра Узбекистана премьер-министру Таджикистана от 4 апреля 2012 года [www.alaqoda.com 04.04.2012].

²⁷ См.: Кыргызское телеграфное агентство [www.kyrtag.rg], 5 октября 2012.

²⁸ Через перевал Камчик пролегает дорога, связывающая Ферганскую долину с Ташкентом и остальной частью Узбекистана, вокруг Согдийской области Таджикистана. Именно этот перевал в начале августа 2000 года пытался блокировать один из отрядов исламских боевиков [www.newsruss.ru].

²⁹ Амин С. Испытание на прочность: Баткен 1999—2000 гг. // сайт «Время Востока» [www.easttime.ru].

³⁰ См.: Зайферт А.К. О пользе укрепления доверия между исламистами и секуляристами. В кн.: Построение доверия между исламистами и секуляристами — таджикский эксперимент. Душанбе, 2004. С. 25.

Что касается политической ситуации в Узбекистане, то, говоря об основных факторах, оказывающих самое непосредственное влияние на ее развитие, хотелось бы остановиться на мнении исследователя Р. Сайфулина.

- Во-первых, в Узбекистане, как и на всем постсоветском пространстве, полностью отсутствовали политические традиции, основанные на демократических ценностях, нормах и принципах.
- Во-вторых, в Узбекистане национальные и ментальные традиции либо переплетались с религиозными установками, либо вступали с ними в противоречие.
- В-третьих, на ситуации в Узбекистане не могли не сказаться конфликт в Афганистане и гражданская война в Таджикистане. Крайне нестабильное положение в Афганистане не позволяет наладить транспортные коммуникации, которые решили бы проблему выхода государств ЦА к морским портам. Без скорейшей нормализации в Афганистане достижение взаимопонимания и формирование действенного механизма для решения жизненно важных общерегиональных задач экономического, водно-энергетического, транспортно-коммуникационного и экологического характера рискуют затянуться и еще больше затрудниться.
- В-четвертых, в жизни современного Узбекистана важную роль играет исламский фактор. После обретения независимости в Узбекистане произошло религиозное возрождение, тесно связанное с ростом национального самосознания и укреплением этнической самоидентификации, что привело к усилению социальной роли ислама.

Узбекистану, по сути, предстоит сделать выбор между двумя взаимоисключающими векторами развития. С одной стороны, руководство страны активно демонстрирует стремление к сохранению и развитию традиционных исламских ценностей в рамках светского государства. С другой — в Узбекистане присутствуют силы, которые хотели бы, чтобы в общественно-политическом развитии доминировал исламский фактор. Исламские ценности эксплуатируются в политической борьбе за контроль над сознанием масс, выполняя роль знамени, под которым объединяются силы, стремящиеся к власти³¹.

Афганский кризис как препятствие на пути регионального экономического сотрудничества

О стремлении нового руководства Афганистана наладить конструктивные отношения со всеми соседями свидетельствует организация Международной конференции по вопросам добрососедских отношений, состоявшейся 22 декабря 2002 года в Кабуле. В ее работе помимо самого Афганистана, приняли участие представители 6 соседних с ним стран. По итогам конференции была подписана Декларация о добрососедских отношениях, согласно которой соседние государства взяли на себя обязательство содействовать более тесному торговому, транзитному и инвестиционному сотрудничеству³².

³¹ См.: Сайфулин Р. Республика Узбекистан: политическая динамика // Центральная Азия: Собственный взгляд. Б.: Фонд Фр. Эберта, 2006. С. 386—387.

³² См.: РИА Новости, 22 декабря 2002.

В 2004—2005 годах, когда обстановка в Афганистане более или менее стабилизировалась, руководство страны предложило проект регионального экономического сотрудничества (РЕССА) в форме проведения ежегодных конференций. Однако продолжавшийся вооруженный конфликт в Афганистане препятствовал развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества.

После распада СССР центральноазиатские республики взяли курс на диверсификацию внешнеэкономических связей. Однако, как писал сотрудник Института востоковедения Российской Академии наук И. Азовский, этот курс натолкнулся на труднопреодолимое препятствие — практически полное отсутствие транспортных связей с их южными и восточными соседями — Турцией, Ираном, Афганистаном, Пакистаном, Индией и Китаем³³.

Весьма интересно высказывание российского исследователя Е. Денисова о таких выдвигаемых основными геополитическими игроками инициативах, как «Большая Центральная Азия», «Новый Шелковый путь», «Новый Средний Восток» и «Центральная Евразия». Он, в частности, пишет, что в Центральной Азии «...борьба внешних сил принимает формы конкуренции различных интеграционных проектов, которые поддерживаются теми или иными не-региональными игроками. Важной составной частью этих проектов оказывается борьба за направления транспортных коммуникаций, особенно трубопроводов... Но при этом у пророссийских идеологий есть «слабые места». Они ориентируют регион в сторону пространства, которое еще само недостаточно восстановилось от последствий кризиса, связанного с распадом СССР, что вызывает у политических элит Центральной Азии общее ощущение разочарования в России»³⁴.

Безусловно, борьба геополитических идей вокруг ЦА и Казахстана ставит их приверженцев перед необходимостью обосновать и объяснить (как своей общественности, так и внешнему миру) те или иные решения, официальные заявления и действия (например, по поводу размещения или неразмещения военных объектов иностранных государств на территории ЦА).

Террористическая атака на США 11 сентября 2001 года, о которой, как утверждают, американскому руководству было известно заранее³⁵, была использована Вашингтоном для развязывания антитеррористической кампании в Афганистане и стабилизации ситуации в этой стране. Возможность военного вторжения в Афганистан для ликвидации баз «Аль-Каиды», в том числе с территории ЦА³⁶ и с использованием сил Северного альянса, американцы рассматривали еще в 2000 и в 2001 годах. Об определенных надеждах, возлагавшихся на лидера Альянса Ахмадшаха Масуда³⁷, может свидетельствовать совершенное им в начале апреля 2001 года недельное турне по Европе; 9 сентября 2001 года он был убит арабскими террористами. Тогда председатель Европейского парламента Н. Фонтен охарактеризовала приглашение Масуда в Париж и Страсбург как «политическое признание того факта, что он воплощает силу, противостоящую талибам», а западная пресса назвала его «символом национального единства Афганистана»³⁸.

Ахмадшах Масуд, получавший через территорию Таджикистана прямую военно-техническую помощь со стороны России и Ирана в противостоянии с талибами³⁹, рассчитывал и на поддержку западных стран. По мнению исследователя событий 11 сентября 2001 года П. Мар-

³³ См.: Азовский И. Шелковый путь накануне XXI века [www.ca-c.org/journal/cac-03-1999/st_06_azovski.shtml].

³⁴ Денисов Е.А. Центральная Азия как регион международной политики // Восток (Oriens), 2012, № 2. С. 74, 78.

³⁵ См.: Мартин П. Было ли правительство США предупреждено об опасности атаки 11 сентября? [<http://www.usinfo.ru/9.11.5.htm>; <http://www.wsws.org/ru/2002/feb2002/gove-fl8.shtml>].

³⁶ См.: Там же.

³⁷ См.: Панфилова В. Запад вновь вспомнил о «моджахеде номер один» // Независимая газета, 18 апреля 2001.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Акимбеков С. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 2003.

тина, администрация Буша использовала катастрофу Всемирного торгового центра как возможность для размещения американских Вооруженных сил в Центральной Азии и в бассейне Каспийского моря — регионе, где находятся огромные неиспользуемые запасы нефти, и который, по оценкам экспертов, должен стать Персидским заливом XXI века⁴⁰.

Представляется, что доступ к энергетическим ресурсам региона — не единственная и далеко не главная причина использования американцами событий 11 сентября в геополитических целях. К этому времени уже было известно, что право на разработку нефтяных ресурсов Каспийского региона, составляющих всего 2—5% от общемировых запасов, уже получили западные компании⁴¹. К тому времени в принципе был решен и вопрос строительства нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан.

После распада СССР Запад активно содействовал становлению и укреплению государственности бывших советских республик с целью обретения ими полной независимости и отдаления их от России. В этом плане можно отметить такие инициативы, как Программа технического содействия странам СНГ (TACIS, с 1991 г.), «Партнерство во имя мира» НАТО (с 1994 г.; в 1997 г. создан «Центразбат»), Международная программа сотрудничества в энергетической сфере между ЕС и странами-партнерами (INOGATE, с 1995 г.), Транспортный коридор Центральная Европа — Кавказ — Центральная Азия (TRACECA, с 1998 г.), нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан (с 1994 г.; первая прокачка нефти состоялась в июле 2006 г.), а также объединение группы государств (ГУУАМ, с 1997 г.) вдоль южных границ России. В марте 1999 года Конгресс США принял «Акт о стратегии Шелкового пути», в котором говорилось о поддержке экономической и политической независимости стран ЦА.

Однако эти усилия по формированию и укреплению центробежных тенденций на постсоветском пространстве и отдалению ЦА от России не смогли остановить формирование перспективных региональных структур сотрудничества. К тому же помощь США и Европы новым независимым государствам была незначительной и носила в основном технический характер; это признают и западные эксперты.

В 2000 году в Астане был подписан договор об учреждении ЕврАзЭС и создан Антитеррористический центр стран — участниц СНГ; в рамках Содружества начата работа по формированию Коллективных сил быстрого развертывания ЦА⁴².

В июне 2001 года, уже с участием Республики Узбекистан⁴³, была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), что свидетельствовало об усилении влияния в регионе России и Китая. Была подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; началась работа по созданию антитеррористической структуры ШОС; шел процесс преобразования Договора о коллективной безопасности (эта организация была создана 14 мая 2002 г.) в полноценную организацию — этот вопрос стал особенно актуальным после баткенских событий 1999 и 2000 годов.

Безусловно, одним из факторов, повлиявших на происходящие в странах ЦА процессы, выступает продолжающийся вооруженный конфликт в Афганистане: угрозы светским государствам со стороны радикальных организаций политического ислама возросли в разы, и это обстоятельство вынуждает их обращаться за военно-технической помощью к России.

⁴⁰ См.: Мартин П. США планировали войну в Афганистане задолго до 11 сентября, 3 декабря 2001 [<http://wsws.org/ru/2001/dez2001/plan-d03.shtml>].

⁴¹ См.: Белокреницкий В. Какие коррективы нужны внешней политике России? // Восток, 2003, № 3. С. 114.

⁴² Решение о создании КСБР принято на Совете коллективной безопасности в Ереване 25 мая 2001 года. В составе порядка 1 500 человек со штатным вооружением и военной техникой из вооруженных сил Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана.

⁴³ Республика Узбекистан еще в январе 2001 года выразила готовность принимать участие в сотрудничестве «Шанхайской пятёрки» на основе полноправного членства, президент И. Каримов принял участие в саммите в Душанбе в 2000 году в качестве наблюдателя.

Зашел в тупик проект прокладки газопровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан; в 1998 году из проекта вышла американская компания «Юнокал». В начале 2000 года, согласившись на прокачку своего газа через Россию, Туркменистан практически отказался от участия в проекте строительства Транскаспийского газопровода до границ Турции.

Казахстан, обеспокоенный проявлениями религиозного фанатизма, экстремизма и терроризма, начал подготовку к созыву межконфессионального форума для организации многостороннего диалога и принятия коллективных решений по уменьшению напряженности в регионе и мире. Для Казахстана, где проживают представители около 140 этносов и 40 вероисповеданий, было чрезвычайно важно сформировать культуру межнациональной и межрелигиозной толерантности⁴⁴. В 2003 году была опубликована работа президента Н. Назарбаева «Критическое десятилетие»⁴⁵, в которой исследованы феномены исламского экстремизма и терроризма, политического радикализма и других нетрадиционных угроз, заявивших о себе в век глобализации, а также намечена широкая программа эффективной борьбы с ними и превентивных действий. Новый вариант Закона Республики Казахстан «О политических партиях» полностью исключил возможность образования политических партий на этнической и религиозной основах.

Таким образом, США, начав в 2001 году антитеррористическую кампанию в Афганистане, пытались кардинально изменить политическую и экономическую ситуацию в регионе, стабилизировать Афганистан и обеспечить ЦА и Казахстану альтернативный выход к портам Индийского океана. Кроме того, для США чрезвычайно важно было уничтожить «афганскую угрозу», толкающую страны региона в сторону России и Китая.

Успешное начало военной операции, а также принятие Конституции, выборы президента и формирование афганского правительства, казалось бы, свидетельствовали о появившихся благоприятных перспективах для организации и продвижения регионального экономического сотрудничества с участием Афганистана. Распространенное мнение о том, что к 2005 году ситуация в Афганистане стала улучшаться, косвенно подтверждается и соответствующим абзацем декларации Саммита ШОС, проходившего 5 июля 2005 года в Астане. В нем говорится о позитивной динамике в стабилизации внутривнутриполитической ситуации, о завершении активной военной фазы антитеррористической операции и необходимости определиться со сроками вывода иностранных военных контингентов с территории стран — членов ШОС⁴⁶.

Помощник госсекретаря по делам ЮА и ЦА Р. Баучер в письме от 26 апреля 2006 года, адресованном комитету конгресса США, писал: «Демократизация Афганистана превратила его из препятствия, отделявшего Центральную Азию от Южной Азии, в мост, который их соединит. И это, в свою очередь, открывает замечательные новые возможности... Нет никакой конкуренции между Соединенными Штатами, Россией и Китаем. По большей части то, что мы там делаем, сводится к предоставлению странам региона возможностей для выбора... и недопущению того, чтобы они оказались зажатыми между двумя великими державами — Россией и Китаем»⁴⁷.

28—29 августа 2003 года в Алматы была впервые проведена Международная конференция министров развивающихся стран, не имеющих выхода к морю. На конференции была принята Алматинская программа действий.

⁴⁴ Первый съезд лидеров мировых и традиционных религий состоялся в Астане 23—24 сентября 2003 года, второй — 12—13 сентября 2006-го, третий — 1—2 июня 2009-го, четвертый — 30—31 мая 2012 года.

⁴⁵ См.: Назарбаев Н. Критическое десятилетие. Алматы: Атамұра, 2003. 240 с.

⁴⁶ [http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1120666800].

⁴⁷ Цит. по: Пастун В. Интеграция в Центральной Азии и влияние внешних факторов // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы, материалы международной конференции. Бишкек, 2007. С. 60.

1 июня 2004 года было подписано Рамочное соглашение по торговле и инвестициям между США и странами ЦА (ТИФА). Оно было призвано создать основу для расширения торгово-экономических и инвестиционных отношений между странами ЦА и США. К ежегодным заседаниям Совета ТИФА в качестве наблюдателя была подключен Афганистан. Так, на заседании Совета 18 октября 2012 года в Астане помимо других вопросов обсуждались проблемы торговли и транзита в ЦА и Афганистане. Как отмечалось выше, в 2005 году был запущен механизм проведения Конференций регионального экономического сотрудничества по Афганистану.

Заместитель государственного секретаря США по политическим вопросам У. Бернс, выступая 7 октября 2009 года в Торговой палате США, сказал: «Стабильное будущее Афганистана зависит от дальнейшей помощи наших центральноазиатских партнеров — точно так же, как стабильное будущее Центральной Азии зависит от успеха в подавлении воинствующих экстремистов в Афганистане. Энергетические ресурсы Центральной Азии могут стать фактором стабильности и предсказуемости в глобальной экономике, обеспечивая разнообразие источников, рынков и транзитных путей доставки энергоносителей, в то же самое время открывая новые экономические перспективы перед самим регионом»⁴⁸.

Таким образом, американцы последовательно продвигают идею вывода Центрально-Азиатского региона из-под контроля России и Китая. Преследуется также цель предоставить Афганистану потенциальную возможность восстановить экономику за счет сомнительной в обозримой перспективе роли транзитного коридора для энергетических и других ресурсов и вместе с тем переложить основное бремя расходов на государства ЦА и Казахстан⁴⁹.

Однако перспективы нормализации обстановки в Афганистане не внушают даже осторожного оптимизма: страна по-прежнему остается труднопреодолимым препятствием на пути развития торговых связей ЦА с государствами Южной Азии и Среднего Востока, не говоря уже о возможности выхода к их морским портам. Более того, по мнению В. Коргуна, Афганистан в настоящее время абсолютно не готов к процессу региональной интеграции. И хотя он так или иначе причастен к деятельности таких крупнейших региональных организаций, как ОЭС, ШОС, ОДКБ и ОИК, он пока везде остается политико-экономическим маргиналом в силу своей экономической слабости, политической нестабильности, слабого правительства и низкого международного статуса, как зависимого государства⁵⁰.

Заключение

Таким образом, можно выделить два основных направления влияния вооруженного противостояния в Афганистане на развитие политической и экономической ситуации в ЦА.

Во-первых, из Афганистана исходила реальная угроза изменения государственного строя в Таджикистане и Узбекистане. В Таджикистане совместными усилиями сторон при посредничестве ООН и некоторых государств региона удалось интегрировать оппозицию в процесс мирного развития. Что касается узбекской оппозиции, воевавшей в Афганистане на стороне движения «Талибан», то в ходе военных операций международной коалиции она была серьезно ослаблена. Компромисс в Таджикистане был достигнут за счет включения в

⁴⁸ [<http://iipdigital.usembassy.gov/st/russian/article/2009/10/20091009161006xjsnommis0.5439417.html#ixzz2IA8lfhgG>].

⁴⁹ См.: Тулепбергенова Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ, 2009, № 1 (61). С. 85—97.

⁵⁰ См.: Коргун В. Афганистан и проблемы интеграции Центральной Азии. В кн.: Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. С. 227.

Конституцию республики нестандартных, политически обусловленных юридических норм и положения о легализации исламской партии. Опасность здесь заключается в том, что ислам, включенный в политическую систему государства с преобладающим мусульманским населением, может прийти к власти путем «демократического выбора», как это произошло в Египте.

Руководство Узбекистана, отказавшееся от переговорного процесса и «выдавлившее» вооруженную оппозицию в Афганистан, оказалось в выигрыше в связи с началом операции «Несокрушимая свобода». Исчезла прямая угроза продолжения атак религиозных экстремистов, как это было в 1999—2000 годах. Однако ожидаемый вывод войск международной коалиции из Афганистана и новый виток внутренней гражданской войны в этой стране может вновь угрожать государствам ЦА, в которых чрезвычайно сложная социально-экономическая ситуация способна вызвать всплеск исламского радикализма.

Во-вторых, нестабильный Афганистан практически полностью блокировал возможность диверсификации внешнеэкономических связей, а также строительства автомобильных и железных дорог, линий электропередачи и газопроводов на южном направлении. Начатая в 2001 году операция не оправдала надежд: США уходят из Афганистана, так и не сумев нейтрализовать «афганскую угрозу», толкающую государства ЦА и Казахстан в сторону России и Китая. Афганистан продолжает оставаться труднопреодолимым препятствием на пути развития торговых связей стран ЦА и Казахстана с государствами Южной Азии и Среднего Востока, чьи морские порты имеют для них важное значение.

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

КАЗАХСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ АЗИИ

Турсун ГАБИТОВ

*доктор философских наук,
профессор Казахского национального университета
имени аль-Фараби
(Алматы, Казахстан)*

Бауыржан МОЛДАГАЛИЕВ

*докторант Института философии,
политологии и религиоведения Комитета науки
Министерства образования и науки (КН МОН) Республики Казахстан
(Алматы, Казахстан)*

Динара ЖАНАБАЕВА

*докторант Института философии,
политологии и религиоведения Комитета науки
Министерства образования и науки (КН МОН) Республики Казахстан
(Алматы, Казахстан)*

АННОТАЦИЯ

Предпринята попытка определить место и роль казахской культуры в цивилизационном ареале Евразии. Рассматривается выбор моделей социокультурного развития Республики Казахстан в условиях глобализации и по-

кализации. Идентификация казахской культуры проводится в контексте ее взаимодействий с номадической, исламской, российской, центральноазиатской

и восточноазиатской цивилизациями. Анализируется роль культурных факторов в становлении новых постсоветских центральноазиатских государств.

**КЛЮЧЕВЫЕ
СЛОВА:**

Казахстан, культура, идентификация, цивилизация, евразизм, Восток и Запад, традиции и инновации, номадизм, ислам.

В в е д е н и е

Притязания постсоветских государств на культурный суверенитет вызывают неоднозначные реакции: многие находят их безосновательными. При этом обычно упоминаются скромные объемы культурных ресурсов, находящихся в распоряжении новых «претендентов» на суверенитет: культурное наследие и символы, которые элиты постсоветских государств хотели было использовать как национальные, на поверку оказались частью более широкого цивилизационного ареала.

Тем не менее при всей кажущейся иррациональности подобных усилий, они вполне обоснованы. Во-первых, современная мировая политическая система — это система *государств*. Именно они рассматриваются как суверенные единицы, являющиеся средоточием власти, или «властными вместилищами». При этом имеется в виду не только военно-политическая и экономическая, но и культурная власть. Поэтому попытки государств позиционировать себя в качестве гомогенных наций вполне оправданы: подобная стратегия дает им шанс улучшить свои позиции в глобальной конкуренции. Таким образом, каждому из них предстоит сделать выбор из двух возможных вариантов: либо заставить считаться с собой как с автономным культурно-политическим целым, либо выглядеть «не вполне» государством.

Во-вторых, в этих усилиях просматривается стремление к самоутверждению и, если угодно, реваншу; сюда же можно добавить необычайную популярность, которую с 1970-х годов приобрел дискурс «постколониализма». Иными словами, выдвигая притязания на восстановление «поруганной» аутентичности, постсоветские государства всего лишь играют по тем правилам, которые задаются «глобальным сообществом», и их национализм есть не что иное, как подчинение транснациональным политическим императивам.

В эпоху триумфа национализма оппозиция местного и национального выглядела как оппозиция партикулярного и универсального. При этом локальное (местное, региональное) противостояло национальному как часть целому. В эпоху глобализации в положении локального (партикулярного) оказывается уже национальное¹.

Стали уже тривиальными жалобы на анонимные транснациональные силы, угрожающие культурному своеобразию того или иного народа. Глобализация, дающая толчок процессам унификации и диверсификации, одновременно способствует и стандартизации («макдональдизации»), и увеличению культурного разнообразия. Мировой культурный рынок остро нуждается в «неидентичности», которая всегда была головной болью для наций-государств; настоящими охотниками за «аутентичностью» являются действующие в этой сфере ТНК: стремясь удовлетворить существующий спрос на экзотизм, они ищут, находят и пестуют «куль-

¹ См.: Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / Гл. ред. И.И. Мазурь, А.Н. Чумаков. Москва — Санкт-Петербург — Нью-Йорк: ИЦ «Елима», ИД «Питер», 2006. 421 с.

турные продукты», которые можно было бы предложить покупателям как некоммерческие, альтернативные, нонконформистские и т.д.²

Традиции и инновации казахской культуры

В контексте вышесказанного рассмотрим соотношение автохтонного и привнесенного в культуре казахов. Ядро единого идентификационного поля казахов и тюрков в целом составляет ислам. Если подняться выше тезиса советского марксизма о том, что эта религия была навязана тюркам арабами, то можно выделить следующие аспекты данной проблемы:

- а) ислам оказал цивилизационное влияние на культуру тюркских народов;
- б) благодаря исламу в IX—XII веках наблюдался расцвет культуры тюркских народов (тюркская философия этого периода занимала одну из лидирующих позиций в мировом философском процессе);
- в) в условиях колонизации тюркских народов Россией и Китаем ислам противостоял ассимиляторской политике этих империй и выполнял этноохранную функцию;
- г) посредством арабоязычной философии тюркские народы познакомились с античным культурным наследием.

Следует отметить, что судьбоносное влияние на духовную культуру тюркских народов оказал не только ислам. Однако тюркские неофиты способствовали его распространению и укреплению — достаточно вспомнить о Караханидах, империи Великих Моголов, Иране, Османском государстве и др.

Тюркскую культуру в целом и казахскую в частности отличает внутреннее единство, в основе которого не лежат ни расовый признак (тюрки в основном представляют собой переходные формы между европеоидной и монголоидной расами), ни культурно-хозяйственный тип (среди тюркских народов есть и кочевники, и земледельцы оазисов и речных долин, и горожане), ни религиозные верования (встречаются приверженцы различных направлений ислама, православные, шаманисты, будисты и т.д.), ни политические системы (есть демократические и тоталитарные режимы, автономии и зависимые народы и т.д.).

Что же тогда объединяет в единую мировоззренческую систему взгляды различных тюркских этносов? На наш взгляд, это единство языка, историческая память о героическом прошлом и этически ориентированные мифология и фольклор, иными словами, архетипы духовного опыта.

В современном маргинализируемом сознании тюрка глубоко сидит неумное желание к самореализации, но многое пока еще не высказано и не сделано. Уникальность тюркской культуры заключается в органическом сочетании традиций и открытости к инновациям, кочевнического и оседлого опытов освоения мира (сакрального, профанного и хтонического); она характеризуется толерантностью, свободолобием, изначальностью слова и оптимизмом.

Основные мировоззренческие универсалии казахов определяются как имманентным духовным опытом народа, так и полем его культурных диалогов (тюрко-китайский, тюрко-согдийский, тюрко-арабский и тюрко-славянский синтезы). Кроме таких категорий, как «бытие», «человек», «мир», «пространство», «время» и т.п., в тюркской философии имеются самобыт-

² См.: Грушевицкая Т.Г. Инкультурация и социализация [[www.countries.ru /library/ intercult/ mkis.htm](http://www.countries.ru/library/intercult/mkis.htm)].

ные мировоззренческие и философские универсалии: «кут», «канагат», «несибе», «нысап», «обал» и «сауап», «кие», «кесир», «ел», «алеумет», «киси» т.д. Перевод данных понятий на другие языки возможен лишь при сохранении контекста их употребления.

Тюркская философия даже в наиболее исламизированных формах никогда полностью не отрывалась от своих древних корней. Например, Ходжа Ахмет Яссауи не случайно остается проповедником суфизма, который ментально близок к номадическому мировоззрению; в его рукописи «Диуани Хикмет» часто встречаются доисламские персонажи — «ерены», «чильте-ны», «мугани», «аруахи», «первопредки» и т.д.³

Сквозной темой всей поэмы Ж. Баласагуни «Благодатное знание» является гармония природы и человека; в ней он упоминает и об общетюркском культурном герое Алп Ер Тонге⁴.

Номадический гнозис, основанный на традиции устной передачи сакральных знаний и не признающий зацикленного конечного и застывшего состояния, характеризуется поиском особой гармонии между человеком и миром; отсюда следует вывод, что, по сути, тюркская философия диалогична и дискурсивна.

В тернарной тюркской модели мира человек выступает в качестве его оси. Мир не отчужден от него — он очеловечен и наделен всеми людскими качествами. Центральным понятием тюркской философской антропологии выступает не заимствованный термин «адам» или «пенде», а «киси» (мера человеческого в человеке). В отличие от «человека-оленья» (Ж. Баласагуни), настоящий человек является носителем истинных нравственных и социокультурных качеств и стремится всегда оставаться таковым.

Образ «родового человека», сложившийся в литературе как важная характеристика строя жизни кочевников, опровергается социокультурным анализом кочевых сообществ тюркских народов. Такие присущие номадическому социуму черты, как свободолюбие, открытость и мобильность, обусловили выделение индивидуализированных типов «батыра», «акына», «жырау», «сала», «сери», «баксы», «би» и т.д. Проводя историческую параллель, можно вспомнить, что знаменитый древний мыслитель скифского происхождения, один из «семи мудрецов» древней Греции Анахарсис подвергал сомнению античные представления о нравственности и противопоставлял им высокую духовность кочевников⁵.

Орхоно-Енисейские письменные памятники полны предупреждений об опасности заимствования нравов и стереотипов поведения табгашей (китайцев). Легендарный Коркыт Ата ищет смысл жизни и хочет найти путь к бессмертию; Абай призывает его быть человеком. Даже в этих кратких сентенциях явно просматривается этическая направленность тюркской духовности.

К особенностям традиционной этики казахов можно отнести следующие:

- синкретизм разума (истина), эстетики (красота) и этики (добро);
- широкое распространение бинарных оппозиций: жизнь и смерть, добро и зло, радость и печаль, тело и душа, сакральное и профанное, удовольствие и самоограничение и т.д.;
- философемы даются в этическом обрамлении (например, 4 начала мира и человека, упоминаемые Ж. Баласагуни);
- укорененность в среде обитания и гармония с ней;
- понимание чести и совести как основы учения о морали (например, у Шакарима);

³ См.: Яссауи А. Диуани хикмет. Тегеран: ал-Хеда, 2000. 162 с. (на казах. яз.).

⁴ См.: Баласагуни Ж. Кутты билик. Алматы: Жазушы, 1986. 616 с. (на казах. яз.).

⁵ См.: Аязбекова С.Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов. Алматы: Принт, 1999. 285 с.

- значимость знатности происхождения;
- совпадение нравственных и человеческих качеств;
- геронтократические приоритеты нравственности;
- почитание женщины и уважение к детям;
- выделение номадических и родовых форм человеческой солидарности и согласия;
- развитый институт гостеприимства и т.д.

Устно-поэтический дискурс носителей казахской философии и индивидуализированные формы народной мудрости по своей сути диалогичны. Так, толгау и изречения биев помимо выражения экзистенциального состояния мыслителя всегда обращены к слушателям и ориентированы на взаимопонимание, что достигается сакрализацией и совершенствованием искусства слова (можно убить человека, но невозможно остановить свободный словесный поток).

По мнению многих философов и культурологов, XXI век вполне может стать веком тюркской культуры и цивилизации, что обусловлено множеством факторов.

- Во-первых, в условиях глобализации особенную значимость приобретают ареалы контакта современных мировых суперцивилизаций. Тюркский мир расположен на стыке исламской, православной, китайской и западной цивилизаций; он так или иначе находится под воздействием их культур, на которые, в свою очередь, и сам оказывает существенное влияние.
- Во-вторых, в новых независимых тюркских государствах в связи с необходимостью возрождения культурных корней и вхождения в мировое сообщество рождается мощный заряд пассионарности. Да и в Турции этот заряд далеко не исчерпан.
- В-третьих, традиционные ценности и идеи тюркской философии (толерантность, сакральность слова, открытость, уважение к традициям, восприимчивость к инновациям, этическая ориентированность, близость к природе, экологическое сознание и т.д.) немало востребованы современной мировой цивилизацией.

Динамика и диалог традиционных культур Азии

Для лучшего понимания роли казахской культуры и ее места среди суперцивилизаций Азии целесообразно применить сравнительный (компаративистский) метод анализа социокультурных явлений, тем более что в конце XX века компаративистика являлась одним из основных направлений методологии анализа культур и цивилизаций.

Для наглядности приведем компаративистскую классификацию культурно-исторических типов Азии и Евразии, составленную корейскими учеными Г.А. Югаем и М.Н. Паком.

Принципы диалога и синтеза культур	Типы культур
1. Устойчивый синтез, ведущий к застою культур.	Тибетская культура как синтез китайской и индийской культур. Византийская культура как синтез средиземноморского Востока и Запада. Советская многонациональная культура.

(продолжение)

Принципы диалога и синтеза культур	Типы культур
2. Максимальная открытость в плане духовности и закрытость в этническом отношении. Гибкий синтез своего и усвоенного.	Японская культура синтоизма, основанная на культе богов и предков, а также на национальных традициях, интегрировалась с мистикой дзен-буддизма и западным рационализмом в науке и технике. Страна находится на первом месте по количеству переводной литературы. Японскую культуру сравнивают с напоминающей цветок актинией, раскрытые «лепестки» которой захватывают добычу и остаются закрытыми до тех пор, пока она ее полностью не переварит. Примерно по такому же принципу развиваются еврейская, армянская и южнокорейская культуры. Все их объединяет максимальная духовная открытость с охранением в то же время национальной самобытности.
3. Излишняя открытость в ущерб своим национальным традициям в культуре.	Яванско-индонезийская культура, чрезмерная прототипичность которой выразилась в вытеснении буддизма и шиваизма исламом и западной культурой. Наложившись на маргинальную восточную культуру, западное влияние ввергло страну в полнейший хаос.
4. Самодостаточность великих культур Китая и Индии.	Не встречая достойных соперников, они полностью ассимилировали чужие культуры. Об этом свидетельствует хотя бы судьба евреев в средневековом Китае: некоторые из них дослужились до генералов и министров, но полностью забыли свой язык и традиции. В более позднее время евреи в результате смешанных браков постепенно слились с более крупными китайскими этническими общностями.
5. Восток — Запад: диалог или вестернизация?	Западные культуры, оказавшие огромное влияние на всю мировую цивилизацию. Однако «вестернизация» мира ограничилась лишь созданием интеллектуальных и технических рамок для диалога культур. Поэтому технически и экономически могущественный Запад (особенно США) с некоторых пор импортирует духовную мистику с Востока: дзен из Японии, кришнаизм из Индии, суфизм из Ирана и т.д.
6. Убегающие от себя, стыдливые и в то же время великие и саморазрушающиеся культура и цивилизация России.	В мире нет такой цельной и глубокой по своей духовности культуры, как русская. Эти черты аккумулированы в русской идее духовности: соборности, гуманизма и ненасилия. Эта культура настолько высоко-нравственна и мистична, что непонятна и таинственна даже для самих русских, которые исторически привыкли учиться уму-разуму у Запада, не ведая при этом, что сочетание ума и сердца важнее, чем бессердечный ум, могущий натворить много бед в мире ⁶ .

Евроазиатская парадигма казахской культуры

Одной из идей, получивших широкое распространение в независимой Республике Казахстан (РК), является социокультурная концепция «евразийства»: она позволяет целостно ос-

⁶ См.: Пак М.Н., Югай Г.А. Новоевразийская концепция российской цивилизации (философский аспект) // Вестник МГУ. Серия 7 (философия), 1993, № 5. С. 9—17.

мыслить культурные и социальные процессы, происходившие на территории страны. По этой теме защищено несколько диссертаций (Э. Сауданбекова, Р. Абрахманова, Н. Аршабеков, Н. Курманбаева и др.).

Начиная с 1920-х годов евразийский тип культуры оживленно обсуждался крупнейшими представителями российского зарубежья. При этом определяющий момент ее духовности они видели в срединном положении России между Европой и Азией. С. Трубецкой даже писал о туранском элементе, присутствующем в русской культуре, и общеевразийском национализме.

Евразийскую идею в контексте социокультурных проблем РК мы специально рассмотрим ниже. А пока вернемся к рассмотрению социокультурного потенциала евразийской идеи в развитии культурологических поисков в России.

В идее «евразийства» можно выделить ряд социально-политических оснований.

Данная идея возникла как осознание отличия России от Европы; в более широком плане — православной цивилизации от западно-христианской. В крайнем, радикальном западном мышлении Россию зачастую не относят к Европе: границы последней видят не в Уральских горах, а где-то в районе Карпат. Например, Ф. Ницше утверждал, что «послепетровская» Россия является громадным срединным царством, где Европа как бы возвращается в Азию. Это мнение имеет под собой реальные основания: Европа и Азия составляют единый континент, а Россия является его «хартлендом», «серединной землей».

С данной точки зрения, Евразия предстает перед нами как возглавляемый Россией особый культурный мир, внутренне единый в бесконечном и зачастую противоречивом многообразии своих проявлений. Евразия-Россия — это развивающаяся своеобразная культуроличность. Как и другие культурные единства, она, индивидуализируя человечество, осуществляет тем самым «историческую миссию».

В этом смысле Россия представляет собой особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судеб стран, расположенных к западу (Европа) и югу и востоку от него (Азия). Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сосуществования, которые почти невозможны в Европе и Азии.

Главные идеологи социокультурной евразийской идеи Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий и Л.Н. Гумилев сводят ее основные положения к следующим тезисам:

- следует преодолеть такие крайности, как национализм и космополитизм. Принцип космополитизма, как его трактовал Н. Трубецкой, провозглашает цивилизацию высшим благом, во имя которого надо жертвовать национальными особенностями. Но, утверждает он, та культура, которая преподносится под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле есть культура лишь определенной группы романских и германских народов. Культурное состояние европеизированного народа находится в менее выгодных условиях, чем «самочувствие» природного европейца. Европеизация расчленяет этническое единство народа, который постоянно подвергается маргинализации: «В народе, заимствовавшем чужую культуру, различие между отцами и детьми будет всегда сильнее, чем у народов с однородной национальной культурой». Аккультурация приводит к отрыву элитарной культуры от народной.

Что касается «вестернизации», то она охватывает в первую очередь социальные верхи и городских жителей. В итоге «культивированный» («цивилизованный») народ лишается сначала экономической, а потом и политической независимости и превращается в этнографический материал (в качестве примера может служить современная ситуация в странах СНГ).

- будущее русской культуры видится в новоевразийстве. Оно представляет собой гибкий синтез русской и многих других культур, существующих как в самой России, так и в странах СНГ; при этом речь отнюдь не идет о попытке реанимации СССР.

Л.Н. Гумилев писал: «Этот континент (Евразия) за исторически обозримый период объединялся три раза. Сначала его объединили тюрки, создавшие каганат, который охватывал земли от Желтого моря до Черного. На смену тюркам пришли монголы из Сибири; после периода полного распада и дезинтеграции инициативу взяла на себя Россия. С XV века русские двигались на восток и вышли к Тихому океану». По словам Л.Н. Гумилева, новая держава выступила, таким образом, «наследницей Тюркского каганата и Монгольского улуса»⁷.

Л.Н. Гумилев делает очень дельное замечание некоторым культурологам России: «Пора прекратить рассматривать древние народы Сибири и Центральной Азии только как соседей Китая или Ирана». С позиции российской культуры объединению Евразии традиционно противостояли католическая Европа, Китай и мусульманский мир.

Г.В. Вернадский обосновывает евразийскую идею с позиций ноосферной концепции: он считает, что между европейской и азиатской Россией естественных границ не существует, «следовательно, нет двух Россий — европейской и азиатской. Есть только одна Россия — евразийская, или Россия-Евразия»⁸.

Сегодня евразийская идея широко обсуждается в странах СНГ; участники дискуссий занимают по данному вопросу различные позиции.

Так, в России националистически ориентированные деятели посчитали оскорблением для русского народа идею единства культур «метрополии» и «инородцев», к которым они относят тюрко-кавказские народы (в данном контексте можно упомянуть статьи Н. Гусевой в журнале «Русский вестник»). Неодобрительно были встречены националистическим истеблишментом и книги О. Сулейменова «Аз и Я» и «Полюнь половецкого поля» А. Мурата. Следует отметить, что неприятие евразийской идеи часто прикрывается «панисламистской и пантюркистской угрозой».

Прежде чем углубляться в основы евразийской идеи, рассмотрим теоретическую основу весьма популярной доктрины С. Хантингтона о конфликте цивилизаций. Согласно ей, пограничные зоны разных цивилизаций являются вероятными очагами нестабильности и конфликтов.

Между тем пример Казахстана, геокультурное пространство которого расположено между ареалами конфуцианской и православной цивилизаций, свидетельствует об обратном: в стране достигнуто общественное *согласие* и достаточная общественно-политическая стабильность, чего нельзя сказать о некоторых государствах СНГ, далеких от «зон разлома». Это можно объяснить влиянием множества факторов, среди которых немаловажную роль играет и культура. По нашему мнению, на внутреннее положение современной РК оказывают значительное влияние носители евразийского менталитета.

В РК проживает крупная группа славян (по последним данным, ее представители составляют 23—26% от общей численности населения республики); не следует также забывать, что казахский народ долгое время находился под властью России. В результате в структуре культуры казахского народа произошли некоторые изменения, которые в первую очередь коснулись языка. В связи с этим появилась проблема русскоязычных казахов (уйгуров, узбеков, татар и т.д.)

Несомненно, демографический и языковой факторы оказывают огромное влияние на этнокультуру. Однако нельзя из-за потери языка исключать из сферы национальной культуры какую-либо группу населения (тем более — большую группу). Например, несмотря на то что шотландцы и ирландцы стали говорить на английском языке, они не утратили свой национальный менталитет. Что касается Казахстана, то и здесь русскоязычные казахи и представители

⁷ Гумилев Л.Н. Из истории Евразии // Евразия, 2001, № 1. С. 5.

⁸ Цит. по: Гумилев Л. В поисках вымышленного царства. Алматы, 1992. С. 9.

ряда других мусульманских народов не потеряли своих национальных традиций и обычаев. К тому же речь не идет об удельном весе или процентном соотношении.

Можно убедиться в том, что в культурной системе казахского народа начала XXI века существуют три начала. К ним относятся исконная традиционная культура, колониальная русская по своим истокам культура и западное влияние.

Евразийский культурный тип сумел сочетать традиционную культуру с достижениями западной цивилизации. Специальные исследования показывают, что казахи имеют склонность к культурному диалогу; об этом в свое время достаточно говорил и Абай. Однако рассматривать «традиционалиста» как противника прогресса, а «модернизированную личность» как его антипода было бы несколько надуманным. В этой связи вполне уместно привести слова Н. Назарбаева: «Мы значительно оторвались от своих культурных корней. Зато больше испытали воздействие других цивилизаций. Хорошо ли это или плохо — это уже другой вопрос»⁹.

Немало подобных примеров и в мировой истории. Так, перед попавшими в зависимость евреями было два пути: осуществлять непримиримую zealotскую тактику полного отторжения культуры античного Рима или бить врага его же оружием, предугадывать каждый его шаг и готовить контрмеры. Избранная этим народом тактика привела к победе — свидетельством этому является сегодняшняя еврейская культура¹⁰.

Схожие явления происходили и тогда, когда Россия, Япония и Китай столкнулись с западной экспансией. Известно, что в определенный исторический период эти страны отставали от Запада по уровню развития техники. После реформ Петра I Россия приблизилась к западноевропейской культуре. Противниками петровских реформ были староверы и, позже, славянофилы; их взгляды можно оценить как проявления zealotского архаизма в России.

Япония и Китай ответили на давление Запада несколько иначе. Освоив передовые достижения Запада в области материальной культуры, Япония и Китай поставили заслон перед европейской духовной экспансией. В этом вопросе более последовательно действовала Япония; в результате она превратилась в страну, обладающую одной из передовых культур мира.

Таким образом, «ответы» на европейскую экспансию могут быть самыми разными. Можно считать, что, несмотря на невосполнимые жертвы, казахский народ с честью вышел из этого исторического испытания. Однако преуменьшать роль евразийского субтипа в казахской культуре было бы неправильно.

Говоря словами Гегеля, евразийский культурный тип, относящийся к «разорванному сознанию», колеблется между Западом и Востоком; один из примеров этой традиции связан с Великим Шелковым путем.

Но было бы односторонностью рассматривать евразийскую культуру только в качестве «буфера» между Западом и Востоком. В данном случае речь идет не просто о взаимоотношениях двух суперцивилизаций, а о формировании некой единой модели: в самом центре Азии произошло событие, имевшее чрезвычайное значение для культуры человечества.

Несомненно, что, подобно средневековому Ренессансу (возникшему во многом в результате взаимодействия культур), в XXI веке в Центральной Азии (ЦА) начнется новый культурный подъем. Для того чтобы он принес плоды, необходимы непреклонная воля народа, его единство, общность традиций и чуткое следование велениям времени.

Для определения менталитета евразийского культурного типа попробуем привести в виде таблицы особенности восточного, западного и казахского мировоззрений.

⁹ Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы: Онер, 1996. С. 264 (на казах. яз.).

¹⁰ См.: Тойнби А. Постигание истории. М.: Политиздат, 1989. 736 с.

Восточный тип	Западный тип	Казахский тип
Микрокосм	Макрокосм	Светлый Мир
Виртуальность	Рациональность	Человечность
Интросубъект	Субъект-объект	Субъект-субъект
Единый мир	Переменный мир	Очеловеченный мир
Психология	Технология	Экология
Мистика	Наука	Этика
Замкнутое общество	Открытое общество	Общество диалога
Самопознание	Познание природы	Становление человека
Религия	Философия	Традиции
Судьба	Активность	Взаимоотношения
Идеализм	Материализм	Синкретизм
Поэзия	Проза	Эпос
Земледелие	Урбанизм	Общинность

Разумеется, было бы ошибочным искать эти типовые признаки в эмпирике в чистом виде. Идеальный тип формируется не путем обобщения эмпирических проявлений одной определенной предметной области, но посредством повышения значительных характеристик этой области до ранга идеала.

Следует учесть еще один момент: мы привели данную таблицу, чтобы показать возможный потенциал евразийского культурного типа. Превращение же этой возможности в действительность является диалектическим процессом.

В условиях РК между представителями евразийско-казахского типа и русскоязычной культуры есть много общего. Каким бы негативным ни было отношение к СССР, надо признать, что «дружба народов» была отнюдь не лживым лозунгом: она превратилась в ментальное свойство простых людей. Именно по этой причине в марте 1991 года большинство населения Казахстана проголосовало за сохранение Советского Союза. Но это вовсе не означает, что люди были против обретения страной независимости. Ничто не может помешать представителям европейских этносов с евразийским менталитетом, которые чувствуют себя полноценными гражданами РК, заниматься плодотворной деятельностью на благо своей республики, стремящейся встать в ряды цивилизованных стран.

Итак, мы остановились на некоторых проблемах евразийского культурного типа. Для реализации своих возможностей он должен объединиться с казахской традиционной культурой. В противном случае в евразийской казахской культуре будут преобладать маргинальные признаки.

Заключение

Основополагающим фактором политической стабильности в странах ЦА выступают национальная идеология и социальная самоидентификация. Как представляется, в нынешнем социально-идеологическом развитии центральноазиатских обществ скрыта одна из главных угроз для стран региона, включая южные области Казахстана. Это выражается в ряде моментов.

Прежде всего, необходимо заметить, что вплоть до настоящего времени *практически все центральноазиатские общества развивались в условиях определенного идеологического вакуума*

ума. К сожалению, в большинстве стран ЦА государство пока не смогло предложить никаких серьезных основ для самоидентичности общества. В силу неразвитости так называемых «наций-государств» и гражданского общества отсутствуют какие-либо готовые идеологические модели; в большинстве стран традиционные идеологемы либо размыты, либо еще не прошли должной модификации, которая позволила бы воспринимать их в данном качестве. Очевидно, что существующий в странах региона идеологический вакуум должен быть чем-то заполнен. Выход из этой ситуации так и не найден, а путей развития и собственно идеологических концептов пока не предложено.

Ускорить процесс формирования национальной идеологии и идентичности в странах ЦА могло бы развитие идеологий «нации-государства» и гражданского общества, но они пока слабо развиты или их вовсе не существует. В центральноазиатских обществах существуют только две альтернативные идеи — исламская доктрина и этничность, причем протест против политики власти может ускорить их окончательное оформление.

Наряду с религиозной идеей в нынешнем социально-идеологическом развитии центральноазиатских стран *одной из определяющих по-прежнему остается этническая компонента*. Она получает быстрое развитие в первую очередь в тех государствах региона, где вплоть до момента развала бывшего СССР практически половину населения страны составляли представители так называемых некоренных этносов. По этой причине в начале 1990-х годов в этих странах произошла быстрая консолидация представителей коренного населения вокруг идеи независимости и возрождения этнического самосознания, культуры и языка.

Данный процесс продолжается и сейчас, когда социально-идеологическое развитие центральноазиатских обществ происходит в условиях несформированности «нации-государства».

Дело в том, что национальные государства с единой этнической основой возникли в регионе только в новейшее время. Фактически процесс формирования «наций-государств» начался только в советское время, причем в наибольшей степени он проявлялся только в Казахстане; в других странах региона ситуация намного хуже. Тем не менее сегодня в центральноазиатских странах идет активный поиск собственной идентичности, в первую очередь с опорой на исторические традиции и вековое народное наследие.

Для успешного и своевременного решения всех вышеуказанных проблем странам ЦА необходимо ускорить затянувшийся процесс смены парадигм своего цивилизационного развития и как можно скорее перейти от суверенизации к реализации собственной модели модернизации. При этом проведение рыночных реформ, демократизация системы властных отношений, а также строительство гражданского общества и «нации-государства» могут выступать не самоцелью, а только механизмами или способами создания такой модели.